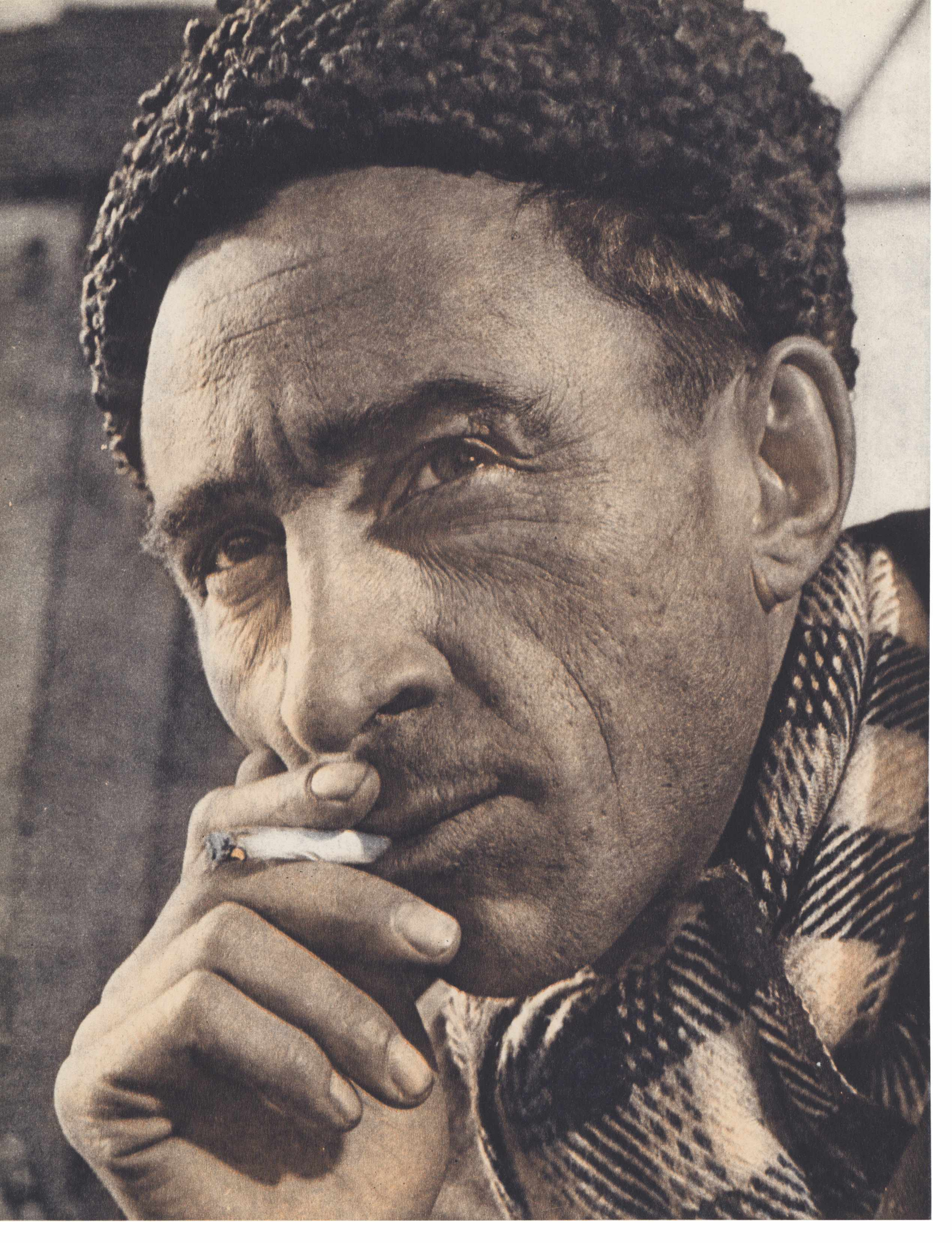

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Знатный бурильщик Башкирии Ричард Аллаяров.

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: «Русская молодежная» (см. в номере «Зимняя фантазия»).

Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: Бакуриани. Гора Кохта, где обычно проходят соревнования горнолыжников.

Фото В. Гиппенрейтера.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 13 (1658)

37-й год издания

22 МАРТА 1959

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Гилемдар **РАМАЗАНОВ**

Фото Я. **РЮМКИНА.**

«Март — месяц что надо, ему сердце радо». Так говорили башкиры в старину, когда их полукочевые племена с радостью встречали первое весеннее солнце после холодной и голодной зимы. Но радость марта в наше, советское время стала особой, ни с чем не сравнимой радостью. В весенний теплый день 23 марта 1919 года, в день, когда с крыш капали янтарные капли, Ленин в Кремле подписал исторический декрет о создании Башкирской Советской Республики — одной из первых автономных республик в составе Российской Федерации.

Карту моей республики очень часто сравнивают с зеленым листом на могучем дереве великой России. Нередко изображение Башкирии на карте уподобляют человеческому сердцу. Это очень близко к истине не только потому, что очертания Башкирии на карте действительно напоминают сердце, но и потому, что наш край находится в самом сердце страны — на Урале. Справедливо нашу землю называют жемчужиной Южного Урала.

...Советская Башкирия встречает свой сороковой март, свою сороковую весну. Вот уже со склонов Урала потекли ручьи, под толстым слоем льда оживают воспетые в песнях прекрасные реки Белая и Сакмара, Караидель и Дема, Ашкадар и Юрюзань. Скоро по ним поплывут плоты, поплывут на бесчисленные стройки родной земли. Вся моя земля напоминает ныне большую строительную площадку.

Чувством весеннего тепла и света озарены сегодня сердца моих друзей — нефтяников, строителей большой химии, людей, о которых по праву можно сказать: они находятся на переднем крае семилетки.

Когда я думаю о семилетке нашей республики, то перед мысленным взором встают леса нефтяных вышек, простирающиеся от долины речки Ик на границе Татарии до голубой Камы. Только в прошлом году у нас открыто более десятка новых крупных месторождений нефти. Никогда я не думал, что места, где я родился и рос — степная сторона северо-запада Башкирии, — станут землей большой нефти. Теперь же здесь, в родном Чекмагуше, вырос мощный нефтяной район. За семилетие добыча и переработка нефти возрастет в два с лишним раза. Еще больший размах получит развитие нефтехимии.

В этот мартовский день на трудовой вахте стоят мои земляки-нефтяники. Они призвали нефтяников всей страны досрочно завершить план первого года семилетки по добыче нефти и газа.

Четвертый год осваивает новое мощное, Шкаповское месторождение нефти молодой, но уже бывалый буровой мастер Ричард Аллаяров. Он и его товарищи прокладывают дороги по бездорожью, добираются до девонских глубин. Здесь, на просторе, у города Белебея, где когда-то прошли славные полки легендарного Чапаева, Аллаяров приумножает свою трудовую славу. Здесь он и его друзья выступили запевалами соревнования за рекордную проходку скважин: до 20 тысяч метров в год. Ежегодно — 20 километров в глубь земли!

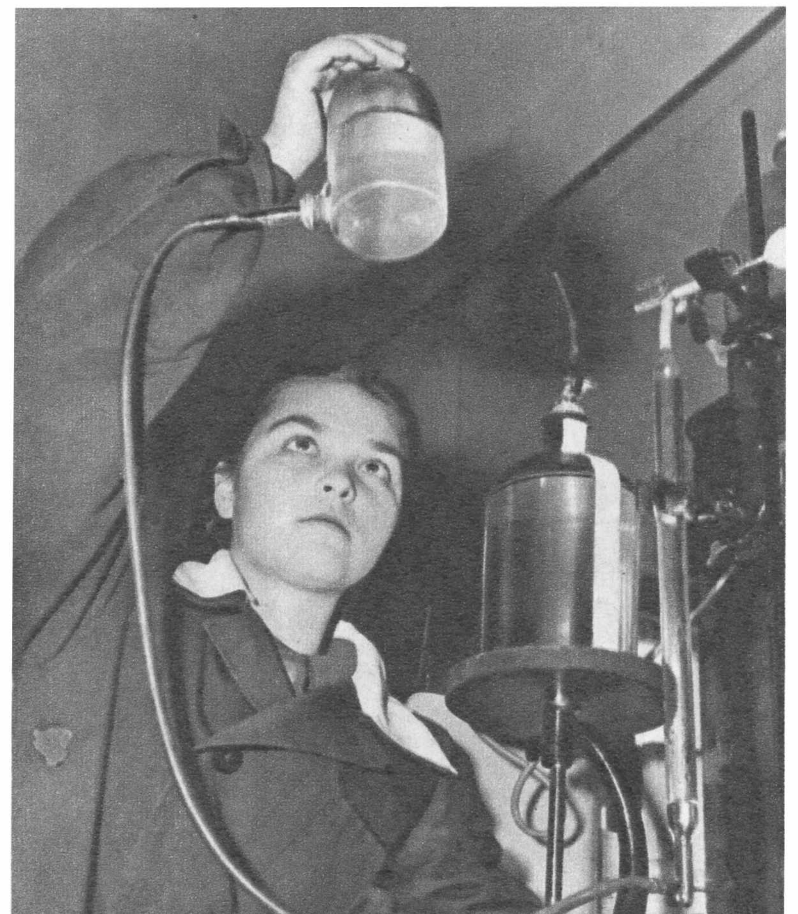
В новом городе нефтяников, Октябрьском, живет молодая женщина Лейля Марданшина — мать троих детей. Она замерщица нефти на одном из участков нефтепромыслового управления «Туймазанефть». Лейля должна в день обслуживать 7—8 скважин. Но она попробовала обслужить 14—15. А накануне XXI съезда партии пришла к начальнику участка и сказала:

— Если вы разрешите, я смогу обслуживать все 55 скважин нашего участка. А остальных двух замерщиц можно перевести на работу операторами промысла.

Так и решили. И Лейля с работой справляется. Весь участок она успевает обслужить за 3 дня. Труд Лейли высоко оценили ее товарищи: рядовую работницу они избрали депутатом Верховного Совета Башкирской АССР.

Моя республика славит сегодня тех, кто добывает нефть, газ, тех, кто трудится на нефтеперераба-

На строительстве газобензинового завода в Приютове. Монтаж установки для сушки газа.

тывающих заводах, кто из попутного нефтяного газа получает синтетический спирт, аммиак, и тех, кто сегодня строит большие дома в Уфе, возводит корпуса завода синтетического каучука в Стерлитамаке.

...Весна пришла и в деревню. С каждым днем больше забот. И больше всех их у животноводов. За их делами следит вся республика. Вот в колхозе «Кидаш» работают три доярки — три девушки. Работают хорошо. Каждая из них от коровы надоила по 3 тысячи и больше литров молока. Миникамал Мухаметову коммунисты Башкирии послали делегатом на XXI съезд партии. А Фария Низамова избрана депутатом Верховного Совета РСФСР.

В этот праздничный, светлый весенний день хотелось бы рассказать и о тех, кто поднял целину в башкирском Зауралье, и об угольщиках Кумертау, и о металлургах Белорецка, и о моих друзьях — работниках литературы и искусства. На юбилейной сессии Верховного Совета Башкирии будут вместе заседать наши депутаты: буровой мастер Александр Палилов, моя односельчанка знатная трактористка Таскира Хабибуллина, маляр из Сибая Минслу Байрамова, учительница Бика Тагирова, старейший поэт Сайфи Кудаш, народный артист СССР Арслан Мубаряков, композитор Загир Исмагилов и многие другие.

Словами своего поэта Мустая Карима мой народ выражает сердечную любовь и привязанность к родной Советской России:

Не русский я, но россиянин.
Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на
вершине,
Водою рек российских напоен.
...И полюбил я силу в человеке
И научился радость жизни
брать.
За это все, за это все навеки
Тебе я благодарен, русский
брат.

Фарит Чурмантаев, старший аппаратчик на Уфимском заводе синтетического спирта.

София Каримова работает лаборанткой центральной лаборатории Уфимского завода синтетического спирта.

К XII съезду советских профсоюзов

Хозяева

Вл. РУДИМ

Фото Риммы Лихач.

К пареньку, с интересом рассматривавшему плакат, подошел токарь Константин Никитович Топырин.

— Интересуешься, почем кило нержавейки? — спросил он.

Паренек еще раз пробежал глазами плакат, который призывал экономить металл и сообщал, сколько стоит килограмм стали, чугуна, меди, бронзы. Потом юный собеседник исчез, ловко вскочив на проходивший электрокар.

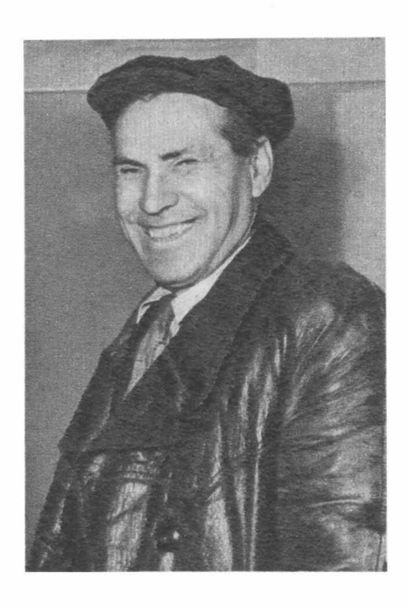
Этот мимолетный разговор не случаен на «Ивтекмаше» — Ивановском заводе текстильного машиностроения. «Ивтекмашу» ни много, ни мало — почти сто лет! Основателем «механического заведения» был помещик Шипов. К 1868 году на него трудилось около двухсот рабочих. Шли годы, менялись хозяева: фабрикант Пономарев, французское «Анонимное общество», сдававшее «заведение» в аренду. В 1908 году завод купило «Иваново-вознесенское товарищество механических изделий». Снова менялись директора, управляющие — то русские, то французы, пока не грянул Великий Октябрь.

Сейчас «Ивтекмаш» — единственное в стране предприятие, которое занято главным образом выпуском отделочных машин для текстильной промышленности. Среди заказчиков — Албания и Китай, Венгрия и Польша, Румыния и Корейская Народно-Демократическая Республика, Чехословакия и ОАР. Ежегодно завод дает около ста наименований машин, причем 20—25 совершенно новых.

Дело сложное! И этим трудным делом руководят не только директор, главный инженер. Им помогают сотни людей. Как? А вот как. На «Ивтекмаше», как и на других советских предприятиях, существует постоянно действующее производственное совещание, назовем его коротко — ППС. Членами общезаводского ППС избраны 160 лучших рабочих, инженеров, служащих. Про них говорят так: «Коллективный директор». Производственный стаж у этого «коллективного директора» — две тысячи триста тридцать два года! Такому опыту любая задача под силу!

Пройдемте же по цехам, побеседуем с членами постоянно действующего производственного совещания, узнаем о их думах, делах.

Когда мы зашли к начальнику экспериментального цеха, председателю президиума ППС А. Н. Евдокимову, он вел разговор с инженером о какой-то машине, которая называлась «КРМ». И объяснил нам: «КРМ» означает «крашение расплавленным металлом».

Эта машина, построенная в экспериментальном цехе, в настоящее время испытывается. Особенность ее в том, что после крашения ткань проходит через ванну с расплавленной смесью металлов (температура, как это ни странно для металла, ниже ста градусов), таким образом краска лучше закрепляется.

— «КРМ» создана в Советском Союзе впервые,— говорит Александр Николаевич.— «Впервые»... Это слово часто услышишь на нашем заводе. Наши конструкторы все время создают новые машины. Да и вообще у нас производство, как мы говорим, индивидуальное: сделаем одну, две или десяток (это уже много!) машин и переходим к следующему заказу. В таких условиях «коллективному директору» работы хоть отбавляй. Наше общезаводское производственное совещание решало важные вопросы: об охране труда, о качестве продукции, о выполнении повышенного задания семилетки.

— И дело не ограничивалось разговорами,— продолжает Евдокимов.— Итогом каждого заседания был приказ директора. Мы строго проверяли выполнение приказов: тут участвовали десятки и сотни людей, были и споры и даже битвы, как на войне,— с улыбкой закончил Александр Николаевич, бывший парторг полка, Герой Советского Союза.

С одним из членов производственного совещания мы познакомились во время перерыва. Пообедав и сыграв партию в шахматы, слесарь Николай Иванович Фадеев имел еще «лишок времени» и изучал какую-то машину — огромную, уходящую чуть ли не под самую крышу высокого цеха.

Тут мы узнали, что в цехе собирается кордная линия. Этот гигант высотой с шестиэтажный дом и длиной в 100 метров создается у нас впервые.

— Для химической промышленности предназначена линия, будет корд выпускать,— говорит Фадеев.— Важное дело.

А что сделал сам Фадеев по заданию производственного совещания? Ограждения для машин раньше отливали из чугуна, а он предложил делать их из листового железа. Экономия — по 15 килограммов чугуна на каждой машине. Внес и другие предложения, которые облегчают труд и повышают производительность.

На «Текмаше» много изобретателей и рационализаторов. В январе и феврале общественность завода выявляла дополнительные резервы производства. От рабочих и инженеров поступило около пятисот предложений. В одном только цехе их подано сто тридцать шесть.

— Для женщин стараемся,— с улыбкой сказал слесарь Николай Палышев, выглянув из «чрева» наполовину собранной машины.— В ней будут обрабатываться паром капроновые чулки. Хорошо придумана, полностью автоматизирована. Образец такой машины был на весенней Лейпцигской ярмарке... А вы, значит, производственным совещанием интересуетесь? Я вот по этой линии участвовал в оборудовании нового цеха, электрощиты по обеим сторонам установили, чтоб дрели и другой электроинструмент удобней было подключать; помогал сделать раздевалку, горячую воду проводил к умывальникам. Вообще тут у нас рабочие неплохо похозяйничали, сами видите: хороший ведь цех.

→

Семенов Николай и Семенов Евгений (справа) — однофамильцы и почти ровесники. И оба члены президиума ППС, отличные слесари. Николай так и сказал: «Пишите, слесари»,— хотя сам уже назначен мастером.

Вот что они рассказали.

Евгений:

— Я критиковал на заседании производственного совещания строителей, которые возвели нам кузницу, а железобетонного пояса, укрепляющего стены, не сделали. Теперь пояс будут делать. Что еще? В литейном цехе— я там охрану труда, технику безопасности проверял — устроили надежное ограждение на кабине крановщицы.

Николай:

— По моему предложению у нас здесь оснастка добавлена, стало меньше подгоночных работ. У наждачных станков пылеотсосы поставлены.

Не ослышались ли мы? Нет, за обеденным столом шла речь о том, чтоб «урезать аппетиты». Кому же собирались испортить аппетит эти два «текмашевца»? Знакомимся. Инженер Борис Алексеевич Княжевский (слева) и слесарь Василий Михайлович Кочетов говорили о выполнении решения производственного совещания, касающегося унификации зубчатых колес. «Урезать аппетиты», оказывается, нужно конструкторам, которые без меры плодят различные виды шестерен.

— Мы произвели подсчет по ста пятидесяти наименованиям машин,— говорит Княжевский.— Для них используются триста пятьдесят моделей чугунных колес. А после нормализации, которая уже началась, будет всего тридцать моделей.

— Одним словом, нормали дадут заводу экономический эффект в двести тысяч рублей,— добавляет Кочетов.

Таким был разговор в столовой. Кстати, о столовой. Производственное совещание и о ней подумало: расширена она, стали появляться ее филиалы в цехах. Первый открылся в котельно-кузнечном, на очереди сборочный: оборудование уже приобретено.

Среди членов общезаводского производственного совещания есть и женщины. Вот что рассказала одна из них — бригадир крановщиков литейного цеха Татьяна Васильевна Шиханова:

— Когда у нас ставился вопрос о газированной воде, я предложила, чтоб в каждом цехе была сатураторная установка. С этим делом неоправданно долго тянули, но вот теперь уже купили пять сатураторов.

На этом снимке (слева направо): директор Р. И. Поляк, токарь К. Н. Топырин, слесарь А. И. Сошников и формовщик А. К. Калашников. Сегодня они участвуют в работе производственного совещания и даже во время «перекура» продолжают оживленную дискуссию.

Директор завода Р. И. Поляк сказал нам:

— У членов производственного совещания много разных дел. Приходится иногда и поругаться, но в конце концов находим общий язык и решаем тот или иной вопрос так, как лучше для завода, для всего коллектива.

Между прочим, у нас ведь есть не только общезаводское производственное совещание, но и цеховые. А там человек восемьсот!

Наши производственные совещания — большая сила. От них не ускользает ни одна мелочь, с ними быстрее решаются все кардинальные вопросы производства. По семилетнему плану мы должны увеличить выпуск продукции в два раза по сравнению с 1958 годом.

...На заседании ППС многолюдно— около двухсот человек заполнило клубный зал. Обсуждается важный вопрос: о переходе завода на семичасовой рабочий день. Что нужно сделать для этого?

Выступают инженеры, рабочие. Говорят о внедрении передовой технологии, о механизации, о борьбе с потерями рабочего времени, о повышении квалификации.

Легко и бесшумно взбежал в валенках на сцену Анатолий Калашников — молодой формовщик литейного цеха. Он заявил, что две трети формовщиков уже сейчас выполняют восьмичасовую норму за семь часов. А почему у остальных не получается? Из-за плохого планирования. Дадут к концу смены крупную формовку — начинать ее нет смысла, вот и пропадает время впустую.

В зале гул, одобрительные голоса. Здесь все принимается близко к сердцу, на все реагируют по-хозяйски, одобряют, отвергают, если что не нравится. Короче говоря, обстановка та же, что и в цехе, где тоже утверждают, отклоняют, спорят. Спорят о типах шестерен, о расценках, о себестоимости, о соревновании. Выражают свое отношение ко всему не только в прозе, но и в стихах. Вот что написал, например, в многотиражке по поводу учета соревнования диспетчер Юрий Виноградов:

Хвалилась черепаха всем одна,
Что победила в состязании она
По бегу.
— Бежала так стремительно,
так прытко!
— А кто соперник был?
— Улитка.
...Вот почему пришли мы к
мнению:
Оценивай победу по сравнению.

И сегодня на производственном совещании это «по сравнению» было особенно ощутимо и свидетельствовало о быстром движении вперед темпами семилетки. Завод хочет выполнить семилетний план на год раньше.

...Мы вышли из клуба вместе с Александром Николаевичем Евдокимовым. Вечерело. Но мартовская капель неудержимо продолжала выстукивать на своей «азбуке Морзе» весенние сообщения. Евдокимов сказал, словно рассуждая вслух:

— Одолеем, в этом не может быть сомнения. Ведь силы к нам прибывают, будто соки весенние.

Александр Николаевич вдохнул полной грудью и закончил несколько неожиданной фразой:

— Помните: весна была весною... Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде... не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки...

Впрочем, что же тут неожиданного? Расцвет весны и семилетка — в этом есть общее. А кто же скажет о весне лучше, чем сказал Лев Толстой?

Москва. 16 марта в Кремле состоялось подписание Соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве между Советским Союзом и Иракской Республикой. На снимке: после подписания Соглашения Н. С. Хрущев обменивается рукопожатием с министром экономики Иракской Республики доктором Ибрагимом Кубба.

Фото А. Устинова.

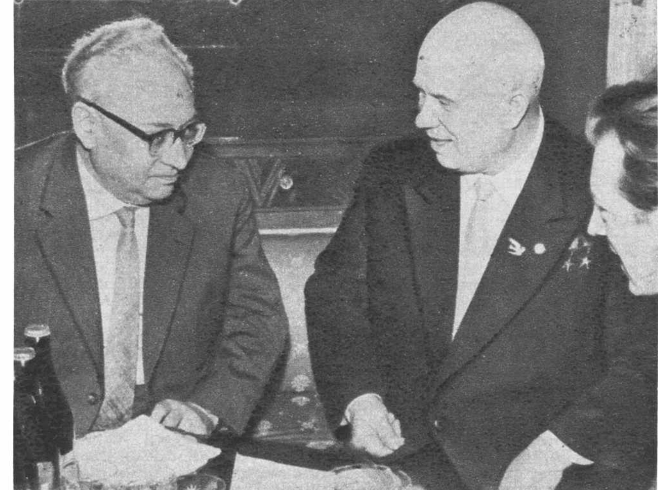

В Москве находились с информационным визитом руководящие деятели социал-демократической партии Германии — вице-председатель бундестага ФРГ, заместитель председателя фракции СДПГ бундестага Карло Шмид и заместитель председателя фракции СДПГ бундестага Фриц Эрлер.

На снимке: беседа К. Шмида и Ф. Эрлера (справа) с депутатами Верховного Совета СССР заместителем председателя Парламентской группы СССР А. П. Волковым, секретарем Парламентской группы СССР З. А. Лебедевой, членами Парламентской группы СССР К. А. Губиным, М. Б. Митиным и Л. Н. Соловьевым.

Фото Н. Кулешова (ТАСС).

Во время пребывания в ГДР Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял в советском посольстве в Берлине председателя правления социал-демократической партии Германии Э. Олленхауэра.

Фото Центральбильд.

Во время пребывания в Республике Индии члены Правительственной делегации Советского Союза осматривали новостройки и промышленные предприятия.

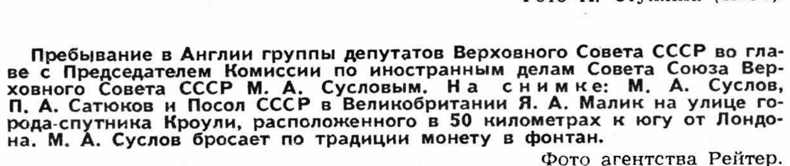
На снимке: делегация на строительстве крупнейшего в Индии гидротехнического комплекса Бхакра — Нангал (штат Пенджаб).

Фото А. Стужина (ТАСС).

На третьем съезде Польской объединенной рабочей партии присутствовала делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Президиума, секретарем ЦК КПСС Н. Г. Игнатовым. Члены делегации посетили некоторые предприятия польской столицы. На снимке: рабочие завода качественных сталей «Варшава» тепло приветствуют гостей.

Фото Польского центрального фотоагентства.

Пребывание в Англии группы депутатов Верховного Совета СССР во главе с Председателем Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР М. А. Сусловым. На снимке: М. А. Суслов, П. А. Сатюков и Посол СССР в Великобритании Я. А. Малик на улице города-спутника Кроули, расположенного в 50 километрах к югу от Лондона. М. А. Суслов бросает по традиции монету в фонтан.

Фото агентства Рейтер.

В минувшее воскресенье в Грузии, Азербайджане, Литве, Киргизии, Армении и Эстонии состоялись выборы в Верховные Советы республик и местные Советы депутатов трудящихся. На снимке: на избирательном участке № 3 Ленинского района города Вильнюса голосуют медицинская сестра Александра Якштайте и учащийся электромеханического техникума Миколас Голомыздо.

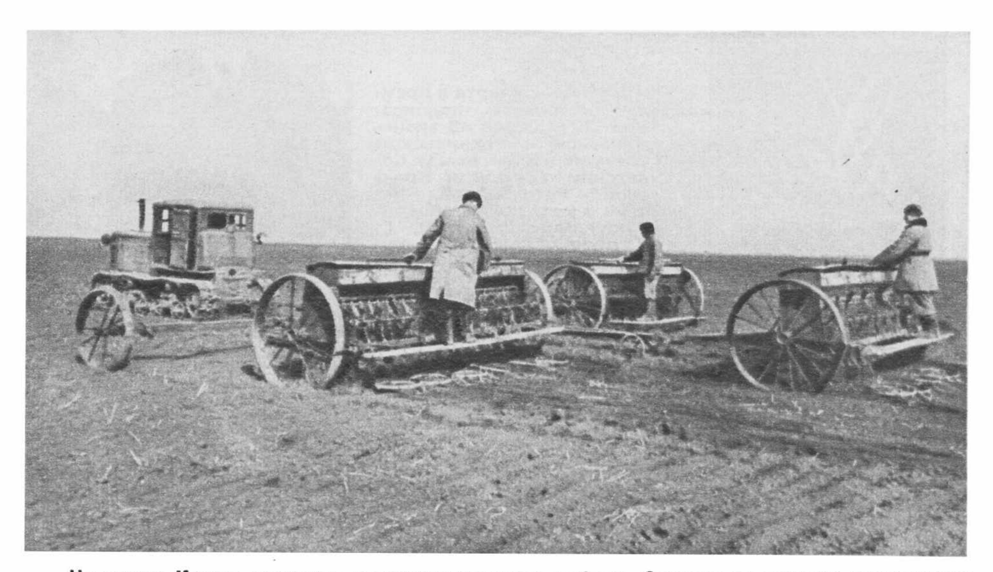
Фото Л. Морозова (ТАСС).

Москва. В Колонном зале Дома союзов состоялось собрание общественности столицы, посвященное 10-й годовщине подписания Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и Корейской Народно-Демократической Республикой. На снимке: выступает посол КНДР в СССР Ли Син Пхар.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

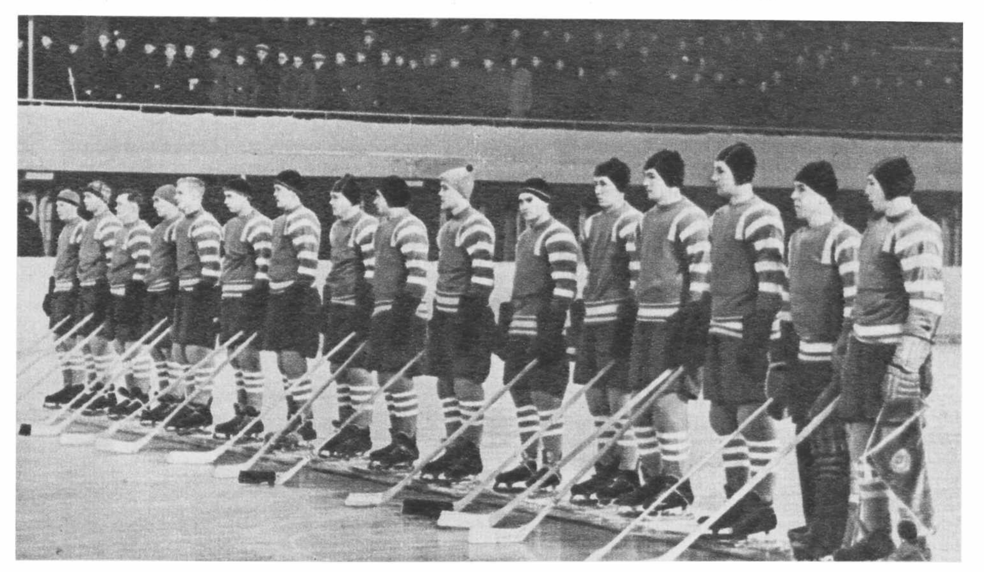

На полях Крыма начались весенние полевые работы. Одними из первых приступили к севу ячменя, овса и подсолнечника колхозы и совхозы Сакского района. На снимке: сев овса в колхозе имени Сталина.

Фото Г. Бородина.

Команда СССР—чемпион Европы

КАНАДЦЫ ВНОВЬ ВЫИГРАЛИ ЧЕМПИОНАТ МИРА

Сборная команда СССР по хоккею с шайбой — чемпион Европы 1959 года.

Закончились игры XXV турнира сильнейших команд земного шара. Читатели «Огонька» знают уже об его итогах. Драматические ситуации разыгрывались в каждом матче, и положение команд менялось после каждого соревнования.

То канадцы обыграли советских хоккеистов и пять минут целовали друг друга, то дружный коллектив чехословацкой команды неожиданно потерпел поражение от американцев, которых недавно сравнительно легко побеждал, наконец, полный неожиданности последний матч турнира между спортсменами Канады и Чехословакии, исход которого не мог предугадать ни один самый тонкий специалист хоккея.

День 15 марта надолго останется в памяти пражан. Они очень бурно реагировали на игру своих спортсменов. Конечно же, подавляющее большинство любителей этой игры не могло попасть на стадион. Матч транслировался повсюду: просто на улицах и площадях, в ресторанах, кафе, передавался по телевидению, причем телевизоры были установлены даже в витринах магазинов.

Команда Чехословакии в турнире выступила ниже своих возможностей. В матче с хоккеистами СССР она вела, как известно, со счетом 3 : 2. На последних минутах советские спортсмены уравняли счет (не без помощи вратаря И. Куличека), а затем и вбили решающую шайбу.

Я видел, как некоторые игроки чехословацкой команды, покидая поле, плакали. Особенно переживал вратарь И. Куличек. Поражение так сильно морально подействовало на них, что на следующий день они не могли оказать сопротивления американцам.

И вот после однодневного отдыха чехословацкий коллектив вступил в борьбу с канадцами, которые казались непобедимыми.

Трудно описать этот матч. Самоотверженная, темпераментная молодежь предложила темп, который не смогли принять даже видавшие виды канадцы. И как ни старались заокеанские хоккеисты, как они ни грубили, одолеть хозяев поля им не удалось.

Особенно грубил защитник канадец Дьюсбери, которого побаивались даже судьи Хаузр (Швейцария) и Етингер (ФРГ). Это старые, опытные рефери, которым, бывало... доставалось клюшкой. К тому же в памяти еще не стерся случай в Братиславе, когда Дьюсбери бил клюшкой... представителя чехословацкой команды, за что был посажен на скамью штрафников на... 10 минут. А вообще канадцы—«рекордсмены» по умению сидеть на штрафной скамье.

Так или иначе, а они проиграли чехам со счетом 3 : 5.

Таким образом, две команды — Канады и СССР — получили одинаковое количество очков — по восьми, однако канадцы по разности заброшенных и пропущенных шайб оказались впереди на четыре шайбы, и это дало им преимущество. Для того, чтобы команде СССР стать чемпионом мира, нужно было забить еще пять шайб.

Кто-то из наших друзей шутил: вы без пяти минут, то бишь без пяти шайб, чемпионы мира.

Турнир закончен. Первое место заняли канадцы, второе — команда СССР, третье — коллектив Чехословакии, четвертое — США, пятое — Швеции и шестое — Финляндии. Таким образом, советские спортсмены получили звание чемпионов Европы.

Лучшим вратарем мира признан Николай Пучков, лучшим защитником — Жан Ламиранд (Канада) и лучшим нападающим — Вильям Клири (США). Все они получили подарки. Пучкову преподнесли мотороллер.

Николай ОЗЕРОВ

Прага.

Шпионы пойманы

А. Михайлов с собакой Наждак.

КАК ЭТО БЫЛО...

В феврале в советской печати было опубликовано сообщение Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР о том, что за последнее время советскими органами государственной безопасности обезврежено несколько групп агентов американской и турецкой разведок, заброшенных в СССР с территории Турции. В Грузинской ССР были захвачены и арестованы шпионы Кумела-Гиль Риза Айдын оглы (он же Риза Хаджи Айдын оглы) и Иса Камиль оглы (он же Иса Гюнеш Камиль оглы).

Ниже публикуется очерк о подвиге пограничников, задержавших этих матерых шпионов.

Иван ЗОЛОТАРЬ

Случилось это в августовскую ночь, когда все вокруг утопало в густой, непроглядной темени.

Старший наряда Воронцов и его молодой напарник проверяли пограничную полосу. Шли бесшумно, чутко вслушиваясь в ночные шорохи.

Когда два года назад Воронцов впервые вышел на охрану государственной границы, в каждом шорохе ему мерещились нарушители, и он с трудом удерживался от желания открыть огонь. Но постепенно освоился, привык и теперь редко когда ошибался.

И вот пограничники ушли далеко от заставы, перевалили через горб небольшого склона и стали приближаться к району старых контрабандистских троп и убежищ. Неожиданно впереди раздался подозрительный шорох. Пограничники остановились, затаили дыхание.

— Что это? — шепотом спросил младший наряда. Он помолчал, потом добавил неуверенно: — Вроде зверек прошмыгнул...

— Тут, пожалуй, двуногим зверем пахнет, — шепнул в ответ Воронцов.

— Думаешь, нарушитель?

— Похоже на то.

Пройдя несколько метров, они залегли, чтобы прослушать местность. Было тихо. Тогда Воронцов привстал и, осторожно освещая пограничную полосу фонарем, проверил, нет ли следов.

Две нижние проволоки забора оказались перерезанными, и концы их аккуратно прижаты к столбу. Явный расчет на то, что ночью, даже при свете фонаря они сольются с темно-серой поверхностью столба и замечены не будут.

— Проскочили, проклятые!—сокрушенно проговорил Воронцов.

Итак, значит, границу перешли двое, и обуты они, как показали следы, в старые калоши с истертой подошвой. Это неспроста: калоши оставляли почти незаметные следы и не скользили на камнях. На одной из колючек проволочного заграждения была обнаружена крохотная полоска темной хлопчатобумажной ткани, очевидно, один из нарушителей зацепился одеждой.

Собака по следу не пошла, она вертелась на месте, отфыркивалась, виновато скулила: след был обработан специальным препаратом.

Пограничники с тревогой смотрели в ту сторону, куда вели следы. Там, в седеющем сумраке, темнели громады гор, изрытые теснинами и наглухо прикрытые дремучими лесами. Всюду—в ущельях и на скалах — зияли пещеры.

— Да-а... стреляные волки, знали, куда идти, — покачал головой офицер Птицын, прибывший по сигналу Воронцова.

С этой минуты начался трудный, многодневный поиск, в который, помимо пограничников, включились колхозники окрестных сел, пастухи высокогорных кочевок, лесники. Поисковые группы прочесывали леса, обшаривали скалы, ущелья, пещеры, но все было тщетно: нарушители словно в воду канули. Чувствовалось, что это были разведчики опытные, хитрые. Они не стали удирать от границы сломя голову, а где-то затаились и терпеливо дожидались конца устроенной пограничниками блокады.

— Ничего, вылезут, покажутся, найдем,— утверждали опытные пограничники. И они не ошиблись.

...Вечерело. На небе еще стойко держались краски догорающего заката, а в складках гор уже залегли сумерки.

В кустах, при въезде на висячий мост, перекинутый через бурную реку, притаился часовой. Он привычно глянул вверх на ущелье, сбегающее к мосту, и от неожиданности замер. Еле приметной тропинкой, петлявшей по левому склону, спускались двое: один — высокий, другой — приземистый. Оба в темных телогрейках, с котомками за плечами. Шли осторожно, озираясь по сторонам, приближались к часовому.

Затаив дыхание, часовой не спускал с них глаз. А они все ближе, ближе...

— Стой! Кто идет?!

Неизвестные на мгновение застыли, словно парализованные, и вдруг метнулись в кусты. Часовой поднял тревогу. Прибыла поисковая группа с собакой.

— Надо быстрее: ведь ускользнут в два счета.

— Не бойся, от Наждака не ускользнут, — успокаивал Запорожский, — лишь бы на след напасть!

Инструктор службы собак комсомолец Анатолий Михайлов стоял со своим четвероногим другом чуть поодаль. Услышав разговор товарищей, он наклонился, потрепал Наждака за щеки и шепотом спросил:

— Ну как, не уйдут от нас?

Умный пес прижимался к его коленям, нетерпеливо перебирал лапами и возбужденно повизгивал, как бы говорил: «Ну что за вопрос?»

Поглаживая Наждака, Анатолий внимательно прислушивался к разговору офицера Калинина с часовым.

— А вы запомнили то место, откуда они метнулись в кусты? Найдете в темноте? — допытывался Калинин.

— Так точно. Запомнил, найду, — ответил часовой.

Все вместе поднялись в гору.

— Здесь, — показал солдат.

Отослав его, Калинин подозвал поближе пограничников.

— По всем данным, это они. Со времени их бегства от моста прошло полтора часа, значит, они сейчас далеко. Задача — догнать, обезвредить и живыми доставить в отряд. Стрелять только в крайнем случае.

Надвинув на лоб фуражку и закрепив ее ремешком за подбородок, Михайлов подвел Наждака к месту, указанному часовым, и скомандовал:

— След!

Наждак бросился обнюхивать кусты, камни, немного потоптался на тропинке, потом вдруг заволновался, натянул поводок и решительно устремился в гору. Обежав небольшую падь, он повернул назад и, забирая чуть правее моста, выбежал с Михайловым на вершину скалы, нависающей над рекой. Он спустился по водостоку на несколько метров вниз и приготовился, как показалось Михайлову, прыгнуть с большой высоты в воду. Посветив вокруг фонарем, Анатолий успокоился: Наждак тянул его на тропинку, опоясывающую скалу карнизом. Правда, карниз был так узок, что продвигаться по нему можно только боком, да и то небезопасно: скала почти отвесная, а до воды метров сорок. Но на раздумье времени не было, и Михайлов смело пошел за Наждаком.

Местами выветрившийся край карниза крошился, отваливался, ноги Анатолия срывались, и он еле успевал хвататься за каменные выступы, чтобы не грохнуться вниз. Сердце в такие мгновения замирало, дыхание перехватывало. А снизу доносился шум реки, пугающей бурными всплесками, скрежетом камней.

Но вот тропинка круто пошла вниз и вскоре вывела на каменистое ложе водостока, извивающегося по ущелью.

Запрокинув голову, Михайлов посветил вверх фонарем. Это означало: «Все в порядке!».

Первым к нему поспешил старший сержант Запорожский. Пробираясь напрямик, он впотьмах угодил на скользкий пласт обрывистого откоса и с шумом скатился на дно водостока. Остальные пограничники осторожно направились тем же карнизом, по которому прошел Михайлов. С противоположной стороны им подсвечивали фарами шоферы.

Наждак вел пограничников вдоль берега, то взбираясь на голые крутые скалы, то пробираясь на головокружительной высоте по еле приметным козьим тропам. Чувствовалось, что нарушители, будучи людьми ловкими, хорошо натренированными в ходьбе по горам, преднамеренно избрали такой трудный путь в надежде, что пограничники не догонят их.

На третьем километре Наждак резко свернул вправо и стал карабкаться в гору. Было ясно: повернули к границе. Обратно бегут...

Подъем становился все круче, труднее. На пути часто вставали заросли, скалы, обрывистые щели, осыпи. А тут еще ночь, как назло, выдалась душной, безветренной. Мокрая от пота одежда неприятно приставала к телу, мешала движению.

Дважды минутная стрелка часов обошла вокруг своей оси. Позади остались многие километры, а следы вели все выше. Взбираться на крутую гору становилось все тяжелее; выбиваясь из сил, Михайлов и Запорожский попали в глубокую яму.

Выбраться из нее можно было, лишь став один другому на плечи. Запорожский подставил Михайлову спину, хотя сам еле держался на ногах.

Так, помогая друг другу, они подходили к перевалу. На фоне посеревшего неба он вырисовывался тупоголовой вершиной. А метров на сорок ниже, не доходя до него, темнела полоса мелколесья.

— Доберемся вон до тех кустов и немного передохнем, — сказал Анатолий.

Но в это время из кустов беспорядочно захлопали пистолетные выстрелы.

«Они! Догнали!» — обрадованно подумал Михайлов и, забыв о смертельной опасности, бросился в полный рост к кустам.

— Назад! Ложись! — властным голосом остановил его Запорожский.

Пограничники залегли и, помня наказ Калинина: брать нарушителей живыми,— открыли ответный огонь поверх кустов.

Вражеские пули вспарывали вокруг пограничников землю, со свистом проносились над головой. Наждак, находившийся на несколько метров впереди, вдруг начал злобно лаять.

— Лежать! — крикнул Михайлов, дернув за поводок, но в ту же минуту Наждак жалобно взвыл, и Анатолий почувствовал, как веревка в его руке обвисла. Значит, теперь на Наждака рассчитывать нельзя.

Михайлов вскочил, бросился влево, в обход лазутчикам. Запорожский понял его и стал заходить справа.

— Сдавайтесь! Вы окружены! — крикнул Анатолий, приближаясь к кустам.

Стрельба прекратилась. Но когда пограничники сошлись, лазутчиков уже не было. Гонимые страхом, они с трудом ускользнули и подались на перевал.

Михайлов окликнул собаку: может, жива?

Жалобно скуля, Наждак с трудом приковылял к нему, повалился на бок. Пока Анатолий перевязывал ему рану, Наждак жалобно повизгивал, тянулся мордой к Михайлову и норовил лизнуть в щеку.

— Вставай, надо спешить! — стал тормошить его Михайлов, покончив с перевязкой.

Наждак вскочил, сделал шаг и, взвыв от боли, повалился.

— Ну-ка, еще раз поднимись, попробуй, Наждак, шпионы ведь уходят! — сдерживая волнение, уговаривал Анатолий, будто собака могла понять его.— Возьми след!

При слове «след» Наждак вздрогнул, вскочил и на трех ногах захромал к кустам, потом кинулся к перевалу.

За перевалом гора полого сбегала в неглубокую седловину. А за ней начинался подъем на следующую, еще более крутую гору.

Следы нарушителей вели туда.

— Обратно убегают, проклятые,— определил Запорожский.

— А что, если нам податься вправо и открыть стрельбу, они решат, что появилась еще одна группа пограничников, а? Может, испугаются и повернут вниз, к реке. Как думаешь? — спросил Михайлов.

Хитрость удалась. Нарушители действительно повернули на север, к реке. Михайлов и Запорожский обрадовались. Спускаться с горы по следам лазутчиков было куда легче, чем подниматься. Наждак побежал энергичнее, и по его поведению чувствовалось, что нарушители уже близко.

Где-то впереди неожиданно раздался шум, отдаленно напоминающий обвал.

— О, слышишь? Это они загудели! — весело воскликнул Михайлов. Вскоре он очутился на краю обрыва и остановился. В предутреннем сумраке внизу белела масса—не то отполированного стоками воды каменного откоса, не то щебенки обвала. «Что же делать? — заколебался на миг Анатолий. — А, была не была!» Спустил с обрыва ноги и пополз по щебенке вниз, как на салазках. На скате он зацепился за выступ камня, перевернулся и метров тридцать кубарем катился к подошве обвала. Острые камни рвали одежду, впивались в тело и так громко шуршали, будто вся гора пришла в движение.

Запорожский скатился более удачно. Увидев внизу лежащего без движения Михайлова, бросился к нему.

— Анатолий, жив?

Михайлов приподнялся, ощупал лицо, грудь, ноги.

— Кажется, жив,— ответил он глухо, потом быстро вскочил на ноги и вслед за Наждаком подался дальше.

Нарушителей они заметили, выйдя на высокогорный луг.

— Стой! — крикнул Михайлов.

Но враги, сбрасывая на бегу телогрейки и теряя обоймы с патронами, уходили. Отстреливаясь, они перебегали от камня к камню, пока не скрылись в ущелье.

Пограничники преследовали их по пятам. Но внезапно свалился Наждак. Он дрожал, как в лихорадке. Повязки на его ноге не было, очевидно, он потерял ее давно, и так разбередил рану, что она вздулась и сильно кровоточила.

Михайлов наскоро перевязал собаку и попытался расшевелить ее снова. Наждак несколько раз вскакивал, пробегал метров десять и падал, вскакивая, снова полз, наконец, качаясь из стороны в сторону, как пьяный, свалился окончательно и не мог даже поднять головы.

Пограничники осмотрелись. Недалеко от них, на соседнем склоне, мигнули автомобильные фары.

— Смотри, — тронул Запорожский Михайлова за плечо. — Это нам подают сигналы.

Вскоре к Михайлову и Запорожскому подошла новая группа пограничников, возглавляемая офицером Светилко.

Отправив Наждака с машиной в отряд, Михайлов и Запорожский повели группу дальше, по следам нарушителей.

Светало. Продвигаясь цепью по ущелью, пограничники обшаривали каждый куст, каждую ямку, осматривали щели между валунами. Впереди других шли неутомимые Михайлов и Запорожский. Вдруг им преградили путь два валуна высотою в рост человека.

Забравшись наверх, Анатолий крикнул:

— Лежку нашел!

Оказалось, что между валунами был лаз в небольшую пещерку. На ее стенках, покрытых лишайником, оставлены царапины, а на песчаном дне — четкие отпечатки истертых калош.

— Да, следы свежие, — согласился Светилко.

Из-за перевала выглянуло солнце, осветив затененные места. Группа пограничников спустилась по ущелью еще немного ниже — и снова находка. Раздвигая густой кустарник, лейтенант Сельменский обнаружил на пушистом мху свежие вмятины — тут, видимо, лежали два человека: один — высокий, другой — приземистый. Под мхом были наспех спрятаны пищевые концентраты. Видно, туго пришлось лазутчикам, раз они в панике бросали даже продукты.

Обойдя вставшую на пути скалу, ущелье раздвинулось, образовав гигантскую чашу. В центре ее ютилось небольшое озерцо, охваченное плотной стеной камыша. Над озерцом дрожала легкая пелена утреннего тумана. А вдали, из-за каменистой террасы, выглядывала еще большая стена камышовых зарослей, оцепивших второе, подернутое дымкой озеро. От него до реки оставалось уже не более трехсот метров открытого пространства.

Притихшие и напряженные, вошли пограничники в заросли камыша. Прочесать камышовые заросли — дело нелегкое. Нарушителей не было. Только у второго озера Михайлов увидел следы все тех же стертых калош. Они вели в камыши.

— Здесь, — кивнул Светилко на озеро. И тут же послышались всплески воды, в воздух взвились потревоженные утки.

— Эй, вы, на озере, сдавайтесь! — крикнул Светилко.

Озеро безмолвствовало, и только утки долго еще кружились над ним.

Окинув взором заросли, Светилко решил, что силами тринадцати человек такой массив не прочесать, и попросил по рации подкрепление.

— Пока они прибудут, разрешите нам немного пошарить с края, — попросил Михайлов.

— Ладно, только вглубь не залезайте.

Вскоре Сельменский выбежал из зарослей, радостный, возбужденный: в руках у него были два новых крупнокалиберных пистолета иностранной марки. Михайлов притащил большой пакет, обернутый в водонепроницаемую бумагу. В нем оказались фальшивые документы, крупная сумма советских денег.

— Чувствуют, что песенка их спета, вот и рассовывают все по камышам, — сказал Светилко.

В это время прибыло подкрепление. С оружием наизготовку пограничники вошли в камыш. Он стоял высокий, густой и, казалось, неприступный. Сросшиеся корневища сердито чавкали под ногами.

— Встать! — разнесся по озеру неожиданно громкий окрик Кудряшева.

— Только не стреляйте! — умоляюще отозвался кто-то из нарушителей.

На голоса бросились другие пограничники, подбежал и Светилко.

Нарушители лежали на продолговатой кочке в одном белье, с которого стекала вода. Ясно, они только что вылезли из озера. Вид у них был жалкий: лица бледные, волосы слиплись, глаза застыли в животном страхе.

Один из задержанных назвался именем Байримова Мулазима Курбановича, другой — Сабриева Исы Камаловича. Впоследствии, на допросе, они сознались, что имена эти вымышлены, что на самом деле один из них Кумела-Гиль Риза Айдын оглы (он же Риза Хаджи Айдын оглы), другой—Иса Камиль оглы (он же Иса Гюнеш Камиль оглы), что оба являются старыми шпионами турецкой разведки. В Советский Союз они прибыли с серьезными заданиями. Перед этим прошли курс обучения у американских разведчиков.

* * *

С тех пор прошло несколько недель. И вот мы разговариваем с Михайловым и Запорожским. Между ними удобно расположился их верный друг и помощник Наждак, теперь уже бодрый, здоровый, веселый. Как и раньше, Михайлов выходит охранять границу вместе с ним.

С напряженным вниманием прослушал я эту историю. Рассказывал больше Михайлов.

Решительным взглядом, рыжеватыми кудрями, непослушно выползавшими из-под фуражки, и упрямым носом с горбинкой Анатолий напоминал бравого донского казака. На самом деле он белорус. Вырос под Москвой, в Волоколамске. До призыва в пограничные войска работал опалубщиком на стройках Ленинграда.

Изредка одним — двумя словами Анатолия дополнял Запорожский. Когда же мы попросили его рассказывать, он недоуменно пожал плечами:

— А мне, собственно, и говорить-то уже нечего: Михайлов все вам рассказал...— Широко раскрытые, будто чем-то удивленные глаза его смотрели сосредоточенно и немножко задумчиво.— Скоро демобилизуюсь. В Оренбург поеду, к матери. Снова за руль сяду,— делился он своими думами.— И обязательно учиться буду.

Я перевожу взгляд на окно и вижу вдали вершины гор. Где-то за ними лежит та страна, откуда приползли к нам лазутчики, пойманные сидящими против меня воинами-комсомольцами.

* * *

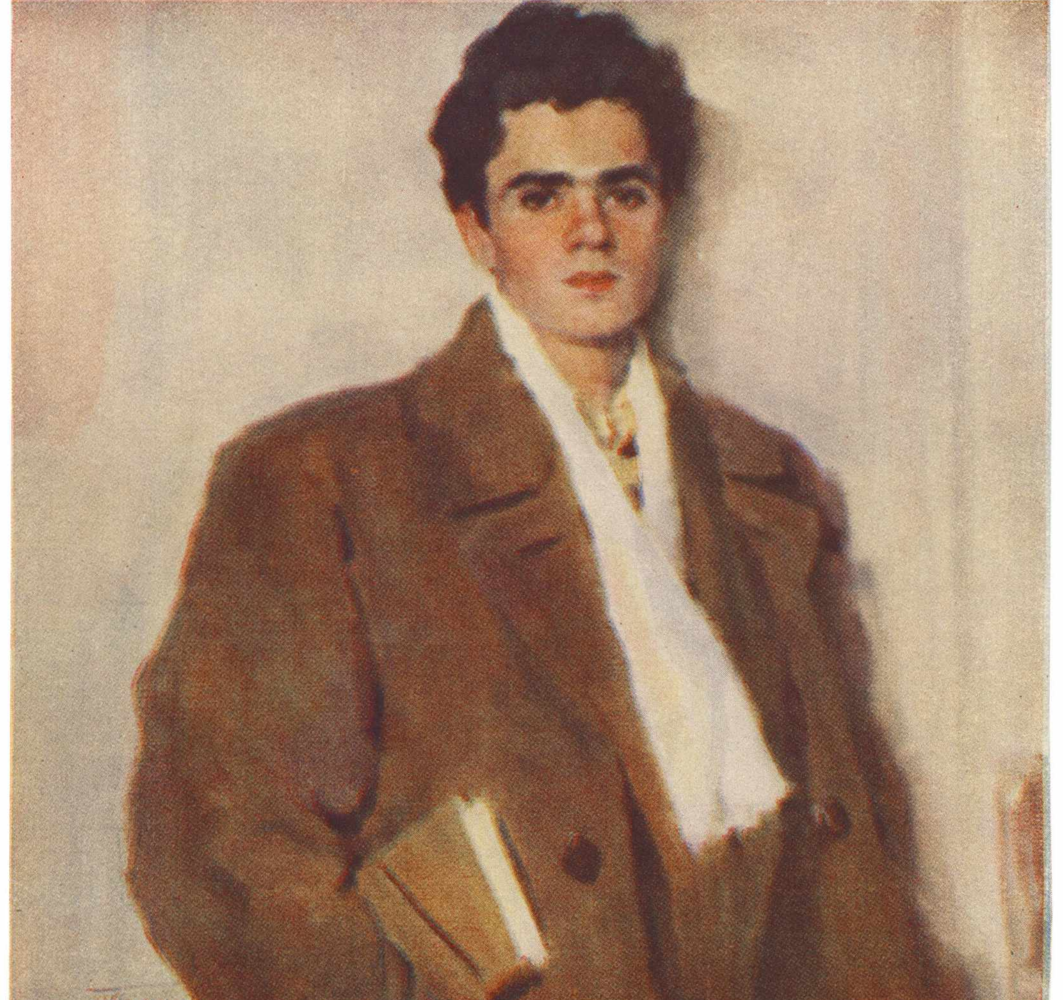
Позже, уже в Москве, я узнал, что за находчивость и отвагу Анатолий Михайлов и Борис Запорожский награждены орденами Красной Звезды.

Ю. М. Непринцев (Ленинград). МЕТРОСТРОЕВЦЫ-ПРОХОДЧИКИ. 1959 г.

ВЫСТАВКА «НАШ СОВРЕМЕННИК»

Б. Н. Яковлев (Москва). КРАНЫ НАСТУПАЮТ. 1958 г.

М. М. Божий (Одесса). СТУДЕНТ. 1958 г.

Красный день

Виктор РЕВУНОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

I

Не знаю, с чего начать эту историю, в полной я растерянности, даже лихорадит меня, не могу ни о чем думать, как только о том, что я узнал.

Все началось с безумной моей надежды найти Катю Максимову... Нет, нет, не с этого все началось, а раньше еще — с первой моей встречи с ней; такая уж была судьба — встретить ее и потерять.

Много лет прошло с тех пор, а я не могу забыть ее; особенно осенью, когда тускнеет свет, ненастно у меня на душе, а иной раз на миг засеребрится все вокруг от солнца, и вдруг покажется, что такой день уже был когда-то. Люди кругом, и я среди них, бывает, гляжу, задумавшись, через забрызганное дождем окно трамвая в прошлое... Там Катя!

Перед самой войной уехала она к тете в деревню, и я больше не видел ее, она не вернулась в родной дом.

Горит в ее окне свет, но там живут незнакомые мне люди. Я часто поднимаюсь на пятый этаж к ее двери, стою с растревоженно бьющимся сердцем и, чуть заслышу шум,— ухожу. Здесь я всегда прощался с Катей, провожал ее до этой двери. Неужели это было когда-то?!.

Все это время жил я мечтой о нашей встрече. Мне думалось, что встреча близка, что Катя где-то рядом.

Но годы шли... Давно минула война, пять лет я проработал в тундре, потом строил дорогу у Тихого океана, и снова живу я в Москве, а Кати все нет и нет.

Что же случилось с ней?

Сколько раз я пытался что-либо узнать о ней, но безуспешно.

Уехала она тогда к тете на Смоленщину. Адреса ее тети у меня не было: затерялось где-то единственное письмо, которое после своего отъезда прислала мне Катя.

Чего жду я? На что надеюсь? Жива ли она? А может, давно забыла меня — и так ведь бывает.

Я то смирялся с тем, что ее уже нет для меня, то вновь разгоралась моя надежда, и раз, когда я ехал домой в трамвае, я даже увидел, будто бы она шла по тротуару возле железной ограды, красивая, гибкая, в синей с короткими рукавчиками вязаной кофте.

— Катя! — закричал я, выскочил из трамвая, и бежал, и шел до конца улицы.

Я вернулся назад, к железной ограде, и долго стоял тут: ждал, ждал ее... На улицах уже затемнилось, а в небе, где был закат, пылали облака над крышей дома с балконами, через застекленные двери которых видны были комнаты, залитые розовым светом.

Есть люди, которые знают о ней, есть и дорога к ним. Но как мне найти эту дорогу?.. Как? И вот зашел я в тот вечер к Катиной соседке Марии Петровне. Я и прежде навещал ее: спрашивал про Катю.

Открыла мне сама Мария Петровна, седая маленькая женщина.

— Где же вы пропали? — сказала она мне.— Я, кажется, узнала название деревни, куда уехала она,— Желанье!

«Помнится, Желанье»,— это сказала так Марии Петровне подруга Катиной матери. С этого я и начал свои новые поиски.

Я сразу же пошел к своему школьному товарищу Голубкову Сергею. У него на стене висела старая карта Западного края. Может, обозначена на той карте деревня Желанье.

II

Жил Голубков на Донской в старинном купеческом особняке, в небольшой комнате с окном в палисадник, густо заросший акацией. Весной, помню, жарко цвели они золотисто-желтыми цветами, и даже сейчас, проходя мимо палисадника, почувствовал я неиссякаемый запах цветения, свежести, остановился перед изгородью, потрогал гладкие прохладные листья.

Хозяин, кажется, дома: горит свет в незавешенном окне... Да, дома. Вижу, как он с кувшином подошел к окну.

— Сережа! — кричу я. — Открывай!

Он в дверях комнаты ждет меня, чуть сутуловатый, худой, с загорелым лицом, на котором вдруг вспыхивает улыбка. Три года не видел я его, а он и не изменился, только рыжие волосы его заметно поседели.

Случайно я застал его дома: после работы он уезжал на дачу, где была семья. Сегодня забежал лишь на минуту — полить цветы.

У окна на полу в больших банках и кадках стояли фикусы, лимоны, кактусы и даже яблоня с кривым толстым стволиком.

Я подхожу к карте, которая висит на стене. Вот город Смоленск, Днепр, Осьма, Угра. Сотни разных названий деревень и городов.

Хозяин поливает цветы, выходит на кухню и возвращается с водой в кувшине.

— И посидеть некогда. Должен еще забежать в магазин и успеть на поезд. А не поехать — жена будет беспокоиться. Едем со мной,— предлагает он мне.— Завтра воскресенье, с утра на озеро пойдем — карасей ловить. Грибов в лесу уйма.

Я почти не слушаю его.

«Желанье... Желанье»,— твержу я, и вдруг словно отозвалось мне это слово.

— «Желанье»! — прочитал я на карте...

Вот она, эта деревня, рядом река вьется голубой паутинкой.

Ищу ближайшую станцию: Подрезково! Смотрю масштаб: от станции до деревни пятьдесят верст. Да, Катя, помню, говорила, что очень далеко от станции.

Теперь я знал, как ехать туда.

— До свидания, Сережа,— говорю я.

— Ты что, обиделся?

— Потом как-нибудь я все расскажу тебе, а сейчас я должен идти.

Он выходит со мной на улицу.

— Обиделся ты? — снова говорит он.

Я обнимаю его, шлепаю по спине.

— Спасибо, что хоть не забываешь, зашел,— говорит он.— Сорок человек нас в классе бы-

ло. Где остальные? Любопытно... Ну, будь здоров! Заходи.

Я перешел улицу и оглянулся. Он все еще стоял под фонарем, который раскачивался над тротуаром.

III

Пришел я домой в одиннадцатом часу. Соседи уже спали. Я открыл дверь ключом и осторожно вошел к себе в комнату. Свет уличных фонарей размывал темноту. Комната у меня большая, квадратная, на четвертом этаже — по вечерам далеко видны из окна огни на улицах. Я подолгу гляжу на них, на эти огни, любуюсь их блеском и сиянием.

Прямо напротив окна — вдали, там, где еще совсем недавно была чернота,— теперь пульсирует голубовато-мутное зарево над новыми домами.

Света не зажигаю. Стою перед окном и курю. Через раскрытую форточку доносится со двора ненастный шелест листвы, ветер пресно пахнет влагой: верно, будет дождь... Но что-то еще должно быть?.. Что?.. Я должен ехать... У меня, к счастью, отпуск, и я еду сейчас же...

Сейчас! Сяду на любой поезд, только бы ехать, ехать в ту сторону.

Собрался я быстро; в полевую сумку положил полотенце, мыло, зубной порошок со щеткой. Надел пиджак, он очень теплый, с большими карманами, в которые я сунул складной нож, спички и папиросы.

На кухне оставил ключ от своей комнаты, записку соседям, чтоб не беспокоились. Подумал с минуту: не забыл ли чего? Документы с собой, деньги в кармане, в пиджаке блокнот и карандаш.

Мой поезд идет в четверть второго ночи, но билетов нет. По совету носильщика бегу через площадь на автобусную остановку.

Автобус стоит: идет посадка. Договариваюсь с водителем.

— В проходе придется сидеть,— говорит он и сильным хлопком выбивает из мундштука окурок, от которого по асфальту рассыпались искры.

Мне все равно. Он впускает меня через переднюю дверь, и я сажусь перед этой дверью на ступеньку.

Гам и суета наконец затихают, и автобус трогается. Он долго кружит по улицам, выбираясь к шоссе — на простор за городской заставой.

Я гляжу в дверь перед собой. Ехать мне около шести часов, буду в Каменке на рассвете. Утром местный поезд пойдет в мою сторону — еще на вокзале это сказал мне носильщик в белом фартуке с бляхой на груди.

IV

За Москвой нас встретил дождь, хлестало по крыше и стеклам, вспыхнула молния — капли зажглись на блеснувших окнах, раскатился угрожающий гул, и не успел он затихнуть, как треснуло над крышей, зашипело, все вокруг озарилось, и я увидел через стекло в заднем окне автобуса мокрое шоссе, на котором отразился сине-зеленый зигзаг молнии.

Дождь зашумел еще сильнее. В лицо мне брызнуло: не плотно были сомкнуты створки двери, была щель, из которой засеребрило влагой.

Дождь прекратился внезапно; автобус вырвался под чистое небо. Но долго еще издали мигало грозовым светом, воспламеняющимся из-под черных туч.

Сидеть мне было неудобно, даже ноги вытянуть некуда: мешала дверь. Ломило виски от усталости и выкуренных папирос. Я вспомнил про постель в своей комнате. Ляжешь — и не спится: то слышно, как стучит в тишине будильник, то прогрохочет трамвай за окном, и чем дальше за полночь, тем труднее уснуть. Сейчас я уснул бы и на голом полу.

Надо как-то приноравливаться: долог путь. Поставил я ноги на ступеньку повыше и, подняв воротник пиджака, склонил на колени голову. Дребезжит дверь, из щели тянет ночной сыростью, чуть согретой остывающим теплом земли.

— Браток,— слышу я,— садись.

Люди потеснились, можно и сесть, но женщина, сидевшая с узлом у окна, недовольна.

— Ты бы, милок, на свое место его и посадил бы, чем командовать,— говорит она парню, который назвал меня «братком».— Чай, не дома у себя.

Парень с любопытством оглядел ее насмешливыми глазами, блестевшими в тени козырька его кепки.

— Да, мамаша, а еще в бога веруете: видел, как при молнии крестились.

— Не трепи помелом попусту, не трепи, чего не знаешь. Молод еще насмешничать! С девками вон зубы скаль. Забыли бога, а божеского ждете!

Она перекрестилась. Платок у нее повязан так, что лоб закрыт до бровей, густых и черных. Видно, перед отъездом она побыла в баньке и сейчас жарко ей — маслится испарина на ее белом полном лице.

Парень сел рядом со мной, опустив к двери ноги в начищенных сапогах. Он в сером недорогом костюме, в белой рубашке с галстуком.

— А тут даже и лучше, чем в купе,— весело сказал он.— Я вам, мамаша, про один случай расскажу.

— Чего не побалабонить? Побалабонь, милый, послушаем.

— Извольте, с вашего разрешения, мамаша. Послушайте, весьма поучительный факт. Как вот и вы, человека я одного без внимания оставил — такой факт, что не от людей, а от самого себя нет мне прощения, словно бы что в душе своей я поуродовал... Работал я шофером у себя в районе — на «козлике» начальство возил. Вот раз отвез я одного уполномоченного на станцию. Собираюсь назад ехать — женщины ко мне подошли, двое их было: «Подвези!» Полсотни мне суют. Загрузили они машину разными мешками, сами сели. Человек подходит, плащ на нем, кепчонка. «Подвези»,— просит. Я его и не слушаю. Кто он мне? Стоит он, ждет, надеется, что посажу.

Развернулся я — и мимо него.

«Всего хорошего, дядя!» — Женщины из машины ему кричат, смеются.

От станции у нас до районного центра двадцать пять верст. Подбросил я этих женщин. Труда никакого, а полсотни в кармане. Сгружают они мешки, спешат, аж задыхаются, того гляди, надорвутся от своей жадности, растрепанные, злые,— торгашки, как я понял.

Это в субботу было. А на другой день — выходной у меня — пошел я в деревню к себе.

Захожу во двор, у кадки с водой сапоги обмываю: загрязнились, пока шел. Вылетает мать, радостная такая, что и не видел я ее никогда такой, даже помолодела от своей радости. «Сынок,— говорит,— а кто в избе у нас! Павел Иванович!»

Заколотилось сердце от радости... Павел Иванович — он жизнь мне спас в сорок втором году. Мне тогда пятнадцать лет было. Болел я — воспаление легких. Жар, бред. Как мать рассказывала, без сознания я был, на ее глазах таял.

Вот и зашли случайно в избу к нам партизаны обогреться. Мать в ноги к ним: «Родименькие, сынок помирает. Помогите!»

Ушли они, а вскоре и человек приходит, врач партизанский, Павел Иванович. Лечить он меня стал. Целую неделю от меня не отходил. Заскочат немцы в избу, а он за печь — за печью стоял.

Выходил он меня — ушел. С той поры не слышали мы ничего о нем.

И вдруг навестился. Кинулся я в избу... На пороге и стал как вкопанный... Он!.. Тот самый человек, которого я на станции в машину не посадил.

Каково мне было, можете себе представить! Даже и не скажешь, как я перед ним оподлился. С того раза и каюсь, мамаша.

— Ты и кайся, милок, а я тут при чем?

— Да уступи ты им место, мать,— сказал кто-то.

Я встретил большие темные глаза мужчины в гимнастерке. Сидел он неподалеку, положив на костыль большую белую руку.

— Уважь их! А мать на пол садись? Герои!— произнес он и, оглядев парня, повернулся к окну, заскрипев костылем.

Не помню, как я заснул, склонив на колени голову. Приснилось мне, что я куда-то падаю... Раскрыл глаза — автобус остановился, двери растворены. Все собираются, увязывают вещи. Неужели приехали?

Я спрыгнул на землю. Темно, тихо, в черном небе ярко искрятся звезды. Слева, за площадью, светлые окна вокзала.

— О господи! — услышал я за спиной тяжкий вздох.

Это она, та женщина, никак не поднимет узел с земли.

Я взвалил ее узел к себе на спину и пошел к вокзалу.

В вокзале она села на лавку и все смотрела на меня, как я воду в буфете пил, как читал газету.

V

В вагоне местного поезда просторно, светло от солнца, которое малиновым шаром поднялось над лугами, затопленными в ложбинах туманом; стеклянится роса на травах и на кустах, сверкает в гущине листьев бриллиантовыми огнями. А вдали, где лес, уже засинелась глубь между облаками; медленно отставая от поезда, летят в той дали птицы.

Я сидел у окна за маленьким столиком. На нем сало куском, от которого мужчина бережно отрезает сочные, пахнущие чесноком пластики и ест, откусывая хлеб от ржаной горбушки; руки его слегка трясутся — тяжелые, иссуровленные руки в черных, похожих на порох крапинах.

Поев, он убрал сало в брезентовую сумку, закурил махорку, такую душистую, что я не вытерпел: попросил на закрутку.

Он положил передо мной кисет и бумагу и, когда я похвалил махорку, сказал:

— Собственного изготовления. Приятственно для окружающих весьма и кашля не дает. Доктор у нас, так он не курит, боже упаси, а с рыбалки в воскресенье возвращается — мимо моего двора не пройдет: приворожила его моя махорка,— на крыльце одну выкуривает для удовольствия. Весь секрет: полгорсти сухой травки, травка такая есть медоносная — донник, а то и буркун зовут, белыми цветами цветет. Изобильная, впрочем, трава: два укоса за лето дает. Вот и весь секрет.

Мчит поезд, грохочут под полом колеса, остаются позади версты, с шелестом разносится по лесам эхо.

За окном косари в распоясанных, мокрых по грудь рубахах. Пар вьется и от рубах и от скошенной травы, лежащей охапками, с белыми ромашками и багровыми клеверами.

Под полом прогудело: проехали мост над рекой с темной неподвижной водой; на глади ее две белых кувшинки, а неподалеку сидит на песке девушка, повернувшись к нам загорелой спиной.

Прошел проводник с подносом, заставленным стаканами с чаем. Я спросил, скоро ли Подрезкозо.

— Как приедем, так и будем. Объявлю, гражданин. Сидите — не волнуйтесь, чай подам — чаю попьете.

Чай был густой, крепкий, припахивал березовым веником.

— В само Подрезково едете? — спросил меня мужчина напротив, размешивая в стакане сахар.

Я сказал, что мне нужна деревня Желанье.

— Прямой вам смысл в Одинцах сойти: три версты до переправы, а от Подрезкова — двенадцать. Машины там редко бывают, все равно на переправу пойдете. Вот через остановку и сходите. Разъезд будет, следующая — Одинцы. Дорога одна, за лесом и переправа. Кстати, и махорочку мою передадите Мильгунову, паромщику. Давно не видел его. Вот водяной! От своей реки — никуда!

Он высыпал почти всю махорку, завернул в газету и хитро подмигнул мне:

— Пусть-ка угадает, от кого. Вот и сосватал вам прямую дорогу. В тот край только так и добираются — через переправу.

VI

Дорога, по которой я шел к переправе, лесная, сумрачная, с бревенчатой стланью военных лет, заросла вереском в крупицах лилово-розовых цветов. У перемостков, где немигающе чернела натекшая из мхов вода, брезжил бирюзовый свет незабудок. Нежно-грустным, тонким запахом веяло от них в этой невыветриваемой, влажной, как пар, духоте леса. Возле стволов с отекшей на комли смолой разрос-

лись черничники, виднелись среди них с каравай величиной бурые, с восковистой тусклиной шляпки белых грибов.

В высоте над дорогой синее небо, синева глубока и спокойна; кажется, я один иду среди леса под этим небом. И вдруг мне подумалось, что на земле всегда была только радость, что и не могло быть ничего, кроме радости, под этим синим спокойным небом,— так тихо, хорошо вокруг.

Не по этой ли дороге ехала тогда Катя? Ехала и не знала, что ждет ее. И через этот ручей, верно, она переезжала; вода быстрится от ключа под березой с искривленным стволом в черных наростах.

Вскоре я вышел на большак, который и вывел меня к переправе сразу же за лесом. Большак тут расширялся; колеи были исковерканы, вдавлены в грязь бревна и жерди. Слева— сторожка с соломенной крышей и оконцем на дорогу, которая у орешников круто поворачивала к парому, черневшему над синей бездонью отраженного в реке неба. На том берегу продолжался прерванный рекой путь — большак там полóго поднимался к лесу.

У входа в сторожку под кустом лежал на полушубке мужчина с кудрявившейся черной бородой. Тень от меня упала на его лицо, и он поднялся, потягиваясь так, что плечи его захрустели, зевнул, оглядывая меня. Глаза у него были цвета весенней зелени.

— Садись,— показал он на камень в траве.— Куда ехать-то?

— В Желанье,— ответил я.

— Есть таков пункт. Прежде туда все за хлебом ездили: родился у них хлеб. Что ж, туда завтра, если что какая машина будет. А сегодня воскресенье — затишье. Склады и базы закрыты — некуда и ехать.

Я сел на камень и поглядел на ту сторону: не пешком ли пойти?

— Твое дело,— сказал паромщик.— Сорок верст отсюда. Что ты, лошадь? Да и дорогу не знаешь. Сиди. И товарищ есть — из газеты, корреспондент, тоже машину ожидает. Рыбу пошел удить. — Он показал на стоявшие перед порогом сторожки ботинки со сбитыми каблуками и опять потянулся, зевнул. — К дождю, что ль, морит? Пойду сполоснусь, извини.

Он спустился к парому, поплескал в лицо водой, заодно и напился из реки. С мокрой бороды его потекло на рубаху.

Паромщик вернулся, вынес из сторожки топор и стал точить его на камне.

— И подвод не будет? — спросил я.

— Не дежурил я со вчера, уважаемый. Жена тут моя командовала. Возможно, какие и есть подводы с той стороны. Да что тебе не сидится? Горит, что ли, там? Один в гости такто ехал в отпуск, в мае еще. Сперва это скис, а потом и уха пошла и водка. Гуляет, песни орет. «Я,— говорит,— хоть порезвлюсь на воле». Целую неделю резвился. Насилу увезли отсюда.

Я вспомнил про махорку, которую дал мне мужчина в поезде.

— Мильгунову гостинец просили передать,— сказал я.

— Мне? Вот оказия!— Он осторожно развернул бумагу с махоркой.— Да от кого ж это?

— Не знаю. Сказал, как закурит моей махорки, так и угадать должен.

— Чудеса!

Он свернул цигарку и, закурив, внюхался в дым.

— Амельяныча махорка,— сказал Мильгунов, улыбнулся. Глаза его еще ярче зазеленели от слез: так он был растроган.— Спасибо! Такая махорка только у него — свой сорт. Где ж ты его встретил?

— В поезде вместе ехали.

— Куда-то, знать, ездил. Вот человек: кузнец, печник, по столярной части хоть куда! Всякий цвет-корень знает, на какую болезнь употреблять... Так-то, уважаемый. Пойду потружусь. Удочки за сторожкой в лопухах лежат, коли развлечься надумаешь. Вон и корреспондент замолк, как работу себе у реки нашел, а то прямо кипел. Борзиков фамилия. Не слыхал? Направлен зачем-то.

Через минуту я услышал стук топора, треск и шум падавших за дорогой олешин.

Без всякой охоты достал я из лопухов удочку, все еще не решив, оставаться мне тут или идти.

Я посмотрел на тот берег в мутно-голубой дымке. Что там сокрыто от меня?

Я положил удочку назад в лопухи и пошел к Мильгунову. Он стланил дорогу нарубленным олешником.

— Перевезите меня. Пойду,— сказал я.

— И то дело, раз не сидится. Да на то они, собственно, и ноги, чтоб транспорт не перегружать.

Он перевез меня на ту сторону, и, как только я вышел из лодки, Мильгунов сильно оттолкнулся шестом от берега.

— Реки держись! — крикнул он мне.— Верст десять прибавится, а зато не собьешься. Прямо к Желаньям выйдешь!

VII

Шел я всю ночь по тропке справа от реки. Река то отдалялась, и ее не было видно за черневшими кустами, то вдруг под обрывом бледно светлела вода, широко разливавшаяся среди черноты.

Лишь раз присел я у копны — отдохнул и переобулся — напротив какой-то деревни на том берегу, откуда доносились тренькающие звуки балалайки: там гуляли, там было счастье, и гуляло-то оно под три струны. Да потому это, может, и счастье, что звенели три струны в тишине, в родных полях с забылившимися окопами.

Утром показались дворы перед раскустившимися на гари березами, среди зелени которых, как факелы, пылали розово-красные цветы иван-чая. В избах еще топились печи; через окна сверкал пламень и алый жар догоравших поленьев; над трубами поднимались дымки в синее небо; свежо пахло хвоей, рекой и хлебом.

Уж не Желанье ли это?

Неподалеку кто-то застучал валиком; удары резко и часто отдавались в лесу на той и на этой стороне реки. Я увидел женщину. Она, стоя по колено в золотившейся от солнца воде, стирала белье, распластанное на камне. Когда я спустился на берег — на песок с черными углинками, — она обернулась, загородилась рукой от солнца.

— Что за деревня? — спросил я.

— Желанье, — ответила она.

Желанье!.. Здесь когда-то была Катя, и я пришел сюда, я отыскал это место сперва на карте — там была точка, а тут и зеленый свет травы, и даль с бьющимся стрекотом, и река, в которой стояла женщина. Я глядел на нее, а она на меня внимательно глядела из-под руки, с которой капало,— вода в реке от этих падавших капель зажигалась, вспыхивала.

— Не знаю, как и спросить вас,— сказал я.— До войны девушка сюда приезжала — Катя Максимова. Мне тетю ее надо.

— Евдокию Ивановну,— сказала женщина.— Максимова она и есть, дочка Ивана Даниловича Максимова. А как замуж вышла на Успенье в двадцать восьмом году, то стала она Шумилина, по мужу. Иди, золотко, вот прямо по этой стежке.

Она поднялась на раздол и показала на третью от края избу с зелеными наличниками на окнах.

Перед избой, к которой я подошел, мужчина с подстриженными высоко, гладкими и черными, как вороново крыло, волосами, нагнув голову, отбивал молотком косу на бабке, которая была вставлена в бревно завалинки.

— Хозяйка дома? — спросил я его.

— Авдотья, к тебе! — крикнул он.

— Да ты скажи, чтоб в избу шел! — донесся через раскрытую дверь голос.

В избе было жарко от топившейся печи. Хозяйка намасливала гусиным пером пышки на столе, взглянула на меня с улыбкой на немолодом, но еще красивом лице.

Чем-то она напомнила мне Катю, даже не могу сказать, чем; угасла молодость этой женщины, и лишь в глазах ее, как сквозь вечерний сумрак, светился передо мной образ Кати. И вдруг я поразился, когда увидел на стене портрет хозяйки времен ее юности: так тетя и племянница были похожи друг на друга, будто родство с непостижимой тайной вновь повторило человека, чтоб испытать его в другой судьбе.

VIII

Она сказала, что Кати нет, что Катя погибла... Так я и сам думал, но поверить не мог, что ее нет, ждал ее.

Я вышел из избы, сел на бревно за чуланом. Печальной была тишина, печальна и гарь с кустами, с кумачом цветов — все здесь было для меня печально. Зачем я приехал сюда?

— Вот дура баба! — услышал я мужской голос. — Ты хоронила ее? А не хоронила, чего

болтать пустое? Тебе про меня похоронную прислали: погиб, — и на могиле ты моей была, а я пришел.

— Жив, зато и пришел.

— А я тебе скажу: не тронь, раз человек верит!

Евдокия Ивановна тихо подошла ко мне. Веки ее покраснели и припухли от слез, которые еще блестели в морщинах возле ее губ.

— Иди-ка в избу, в прохладок. Да не тужи, — сказала она и вздохнула. — Что минуло, того не вернешь. Обозлился на меня мой за правду-то. Что ж, думаю, будешь ты за напрасной надеждой гоняться? Другую найдешь Катюшу. Кто она тебе? Или жена была? И то удивляюсь, что помнишь. Нынче и живых-то жен забывают.

— Как было, все расскажите...

— Какой тут рассказ! — Евдокия Ивановна села рядом со мной на бревно, лежавшее у стены чулана. — Три недели она у меня погостевала, вдруг и война. И теперь страшно вспомнить про тот день. Андрей мой на военных учениях в Храброве был, еще с апреля взяден был. Защемило сердце: не прощусь, не увижусь, думаю. Вывела с конюшни коня, верхом да в галоп. Катюшу здесь за двором приглядеть оставила.

Приехала в Храброво, никак не расстанусь с Андреем. Вот отправят, вот отправят, а на седьмой день только отправили.

Вернулась домой. Катюша в Москву засобиралась. Повезла я ее поздно ночью.

Подъезжаем утром к переправе, а тут повозки, машины очереди ждут, чтоб переехать. «Поезжайте назад, тетя, — Катюша говорит.— Теперь я сама доберусь».

Так и решили. Да не по-нашему, милый, вышло. Кабы по нашему-то! Повела я коня к реке напоить — и она со мной. Зашла в реку, глядит с задумчивостью в воду, прощается, чую... Вдруг заныл воздух, конь мой уши навострил, затревожился. Самолеты! Кто их разберет, чьи! А через минуту и разобрали. Ударили они бомбами. Паром на реке был — на самой середине. Люди в воду, кто с детишками. Милые, с матерями и тонули.

На дороге машины горят. Поднимается земля черная, с огнем, с дымом. Крики, лошади визжат, мечутся по полю.

Мы с Катюшей до леса добежали.

«Подлые, что они делают, подлые!» — Катюша говорит, сама, как холст, белая. А меня затошнило от этой страсти, тоской сердце давит: хоть бы и не жить.

Кончилось — раненых в машину положили. С ними Катя уехала в район, в больницу, сопровождать их.

Один из Заречья, он и по сей день Катюшу вспоминает, молодой был. «Я, — говорит, — когда в машине, к своей крови прилипши, лежал, на всю жизнь, — говорит, — к радости воскрес, как она, красивая, кофточкой своей рану мою бинтовала».

Так в то утро попрощалась я с ней. Из района ей путь на Москву был.

Ждала письмо с одного края, а пришло оно с близкой стороны.

Война все ближе к нам подходила. Выйдешь ночью — жутко: зарево кругом. В деревне у нас боя не было. Немец за рекой большаком шел к станции.

Вышла я как-то за водой, вернулась, а в избе меня Дарья Шмелева ждет.

«Вот,— говорит,— письмо тебе. Старичок один шел — передать просил».

Катюшино это было письмо. Писала она, как раненых тогда с переправы привезли, тут она и окопы рыть поехала. Сперва окопы рыла, а потом санитаркой в военную часть попросилась. Вот и вся судьба ее тут.

В Дебреве в окопе, в разорванной санитарной сумке, нашли люди это письмо. Так из рук в руки и дошло оно до меня.

Тридцать верст от нас Дебрево. Ходила я туда после, когда уж наши пришли, про Катю разузнавала. Сражение там было. Там все и погибли: смерть приняли, а не отступили.

Ехала в Москву, домой к себе, а на фронте оказалась. Нашла себе дом под тяжелым камнем.

Евдокия Ивановна притронулась к глазам платком.

— Катюша тут и жить хотела: очень ей нравилась наша окрестность, народ у нас хороший, приветливый.

«Что, — говорит, — тетя, останусь, буду детишек в школе учить».

Немецкий язык с малых лет знала от матери. Мать ее этот язык на военных курсах преподавала.

До войны гостила у них на Калужской. Вот оденутся они, мать да Катюша, как подруги, одна только молоденькая совсем, а другая старше. На каток пойдут или на лыжах с гор кататься. Вернутся румяные с мороза, такие красивые обе!

Мать ее я любила. Она брату моему Алешеньке верной на всю жизнь осталась: без него, как при нем была.

Даве сказала я тебе, что другую Катюшу найдешь. Да ведь вот все ее ищешь... Как звезду падучую, так и ее уж не найти... Что ж сидим тут? В избу пошли, желанным гостем у меня будешь.

Она поднялась, а я сидел перед ней на бревне, видел ее опущенную руку с белым платком.

IX

Я не спал всю ночь. Ждал утра, чтобы поехать в Дебрезо, и, когда из-под застрех чулана, где я лежал на сенном матраце, засветало, я поднялся.

Хозяева еще спали. Я осторожно выкатил из сеней велосипед, который с вечера достал мне муж хозяйки, Андрей Петрович, и выехал со двора.

Дорога за деревней была мглистой, в рытвинах с горевшей в них огнисто-красной от зари водой.

Через час поднялось солнце. Я уже ехал через лес; кругом сосны, мох, кучи сложенного валежника, сквозь который выстрелились побеги малины с большими мокрыми листьями.

Далеко было видно в этом чистом, прореженном от хилых деревцов лесу; неземная там тишина, покой, лишь движутся облака, и чудится, что лес куда-то плывет...

У меня чуть кружилась голова — от этого ли движения далеких облаков или потому, что я не спал и эту ночь.

Дебрево увидел издали: деревня стояла на горке, залопушенной по размытым склонам мать-и-мачехой.

Я слез с велосипеда и, увязая в песке на дороге, поднялся к крайним дворам.

Деревня небольшая, тесная; избы скучились по одну сторону от дороги, за которой крутой спуск к реке. Тот берег заболочен — в зарослях рогоза. Там кружили два ястреба.

Василий Черников, знакомый Евдокии Ивановны, жил на краю деревни. Дома его не было. Застал я его в правлении: он работал счетоводом.

Я вошел в тесную комнату, оклеенную обоями. Он встал из-за стола, молодой парень с красивыми, как у оленя, глазами.

— Вы из Желаньев? — спросил он меня и протянул левую руку: правая его рука была скрючена в кисти.

Евдокия Ивановна еще вчера звонила Черникову, сказала ему про меня.

— Что, сразу и проследуем на место боя? — спросил Черников.

Он закрыл несгораемый ящик, стоявший на полу, надел китель с гвардейским значком, и мы вышли.

На краю деревни Черников остановился перед горбатым камнем с рябинками от дождей, которые, должно быть, уж тысячу лет секли его.

— Тут! — произнес Черников и показал на заросли мари в кроваво-красных крапинах.

Неужели это было здесь, вот на этой земле сражались люди? Среди них была и Катя. Голос ее слышала эта земля. Простая земля с травой, как и всюду, лишь у камня была она гуще.

Я взял из-под травы горсть земли. Она рассыпалась у меня на ладони... Суглинок с песчинками, с корешками, может, той травы, на зелень которой смотрела тогда Катя,— теперь прах ее был в этой земле.

Их было немного. Они сражались весь вечер, и ночью, говорят, когда немцы двинулись было по дороге, снова ожесточился бой, выстрелы слышны были еще долго.

— Все тут и погибли? — спросил я Черникова.

— По всей видимости, что так. Правда, у реки одного убитого нашли в обгорелой гимнастерке и решили, что наши к реке прорвались: на берегу была стрельба. Что стрельба была у реки, это я и сам слышал. Мы как раз на том боку в камышах с матерью прятались. Думается, последняя это была схватка. После такого боя — я сам потом воевал — знаю: кому и прорываться-то было? На этой вот земле, где стоим, три года ничего не росло: все выжжено было. Когда в деревню на второй день зашли — черно кругом, из земли дым тлеется. Здесь вот валялся покореженный пулемет. А рядом и сумку нашли, полуобгорелую, в которой и обнаружили то письмо.

Катя Максимова — про нее лишь и известно. Кто остальные? Верно, считают их пропавшими без вести. А весть, вот она!

Сколько тут немцы своих положили! Женщины у нас говорят, что вон из того поля по ночам иногда стон слышен: кости, мол, немецкие по родине стонут.

Подошел старик, положил руки на палку, стал возле нас, задумчиво опустив белую голову.

— Немцам дорога нужна была, — продолжал Черников, — а нашим как раз, наоборот, надо было не пустить их на эту дорогу. И сошлись!.. Стрельба, крики. Я тогда мальчонкой был. Мне на тех людей, кто в деревне был, посмотреть хотелось. Кто они, какие они, эти люди? Видел я потом у реки убитого в обгорелой гимнастерке и обгорелых ботинках. Лицо его речною водой обмыли — молодой, лет двадцати, брови черные. Лежал он на песке в трех шагах от реки. Был ли кто с ним — неизвестно.

Я подошел к краю обрыва за камнем. Внизу — комья глины и трещины между кустов полыни, от которых горьким жаром пахнуло мне в лицо.

Я слышал, как старик полюбопытствовал про меня, спросил:

— Кто такой?

— Это друг девушки, которая здесь погибла, — негромко ответил Черников.

Погибла!.. Это значит, я никогда больше не увижу ее!

X

К вечеру я вернулся в Желанье. Евдокии Ивановны дома не было. Хозяин встретил меня: усадил за стол, застеленный белой скатертью, принес с огорода свежих огурцов, от которых пахло росой и укропом, нарезал ржаного хлеба, домашней колбасы и поставил бутылку перцовой.

— Это последнее, по распоряжению моей Ивановны, ради вас, очень ты растрогал ее.

Он сел напротив меня, налил перцовки в граненые стаканы.

— Пора бы, кажись, и вернуться ей. Корреспондента повезла в соседний колхоз. Она у нас, так сказать, деятель: член правления. Известно, и почет: что ни командированный, то к нам. Одного не успеешь спровадить — другое лицо в дверях приветствует. Живем вдвоем, а хозяйство на пятерых содержим, не вру, истинный крест. Одних кур, мать честная, целый взвод. Как загалдят ни свет ни заря! Куры кудахчут, петухи орут на разные голоса, дерутся — пух столбом! А в сенцы заскочут, тут и чугунки и горшки — вся посуда летит, грохот — полное сотрясение. Вот и поспи в такой обстановке. Беру тогда удочку— вроде бы на рыбную ловлю, а на самом-то деле на реку под кусты спать бегаю.

Так иной раз разоспишься без присмотра, что люди давно на работе, а ты еще носом посвистываешь. Вскочишь — солнце вон где! Уж не разбираю, где ямы, где огорожи — лечу в поле на всей скорости. Посуди теперь: до работы ли мне, если две, а то и три версты в бригаду летел по ямам да через огорожи? На иной огороже на суку материалу из штанов на метр оставишь. Вечером придешь домой, на двор глянуть совестно: столько от этих кур удобрения! Давай уборкой заниматься.

Сядешь после такого дня за стол ужинать — половину спишь. Глотнешь чуть горячих щей и вовсе вянешь, таешь даже, плывешь словно бы... Тряхнет тебя жена, вызовет в сенцы — при постороннем-то неудобно честить — и начнет:

«Успел уж где-то, налил бельмы до такой степени, что не разбираешь, где своя чашка, где чужая! По чужим чашкам ложкой возишь. Хоть бы людей посовестился! Что люди скажут, бесстыжая твоя душа! Иди, проспись!»

Вот такая жизнь. Кому жаркое, а мне полное несчастье из-за этих окаянных кур... Так что ж, разрешим себе по одной?

Андрей Петрович поднял стакан.

— С увиданием!

Выпив, он откусил от огурца, так, что сок брызнул.

Я похвалил огурцы и хлеб с кисло-сладким бражным духом, с кленовыми прижарившимися листьями на подовине.

— А я думал, что не обернешься сегодня, у Черникова заночуешь,— сказал Андрей Петрович.— На месте спокойней. А слушать способен, то и я тебе про тот бой кое-что скажу.

Андрей Петрович принес чистый лист бумаги, положил его на стол.

— Я думал над этой историей еще давно, даже пробовал след их найти... Вот Дебрево.— Андрей Петрович поставил на бумаге точку, обвел ее карандашом.— Вот река, куда, по слухам, они прорвались. Представь! Представь, что они и на самом деле прорвались. Бросились к реке. Немцы в нескольких шагах — тут. Что делать? Впереди река. Плыть под огнем, в одежде, в ботинках? Гибель. Выше по реке — противник. Там сила его, прет он оттуда. Один путь вниз — сюда, к оврагу. На той стороне — поле, потом — лес. Спасение! Скорей вперед. Но стой! За лесом деревня Кряково. Опасно. Надо переходить на тот берег. Там заросли рогоза, места глухие — мглища. Если им как-то удалось перебраться на тот берег, то где-то в рогозе они и повалились от усталости — уснули. А утром или еще раньше пошли в лес. Тут хутор Горбачи. Вот там они могли быть.

Андрей Петрович стремительно прочертил линию, на конце ее сделал кружок и написал: «Горбачи».

— Слушай дальше... Был я в этом хуторе. После войны, конечно. Напрямик от нас до Горбачей верст двадцать. Места есть такие, что, не знавши, не пройдешь: можно пропасть в болотах. Наступишь на зеленую травку, а под ней бездна — буль-буль-буль. Пошел я как-то с ружьишком. Пару уток на болоте сбил. Прихожу в эти Горбачи. Охотник всюду гость. Так приди, у тебя документы еще спросят. А с ружьишком ты, как при деле, свой. Разговорились. Немцы у них на хуторе один раз только и были — на третий день, как наши отступили. Искали кого-то. Спалили хутор и уехали на мотоциклах.

«А кого искали?» — спрашиваю.

Рассказали мне: искали они каких-то людей в обгорелой одежде, не появлялись ли такие на хуторе?

Немцы из хутора, а они, в обгорелой-то одежде, в хутор. Черные, в лоскутьях окровавленных, друг дружку держат, чуть стоят. Говоришь им, а они ничего не слышат. Четверо их было.

Потом они недели две в лесу раны залечивали. Шалаш был у них. Один на хутор за чугунком приходил: грибы варить. Жигунов то ли Живунов фамилия.

Перед уходом показали они бабам, как для житья землянки рыть. Ушли — и больше не видели их на хуторе.

Не из Дебрева ли эти четверо? Совпадение-то какое с моим расчетом! Только вот кто эти четверо, так и не удалось мне узнать.

Спрашивал я про Катю: не было ли девки с ними? Нет, девку не видели.

Больше ничего не мог сказать Андрей Петрович.

Окончание следует.

Сестра Болгария

Владимир ЛИФШИЦ

Биография

Он в двадцать пятом был
приговорен
к расстрелу, но бежал
и жил у нас, в России.
О родине,
когда его просили,
застенчиво рассказывал
нам он.

Застенчиво, —
он был в нее влюблен...

Болгарский коммунист,
он в памятном году
в Интербригаде
был под Барселоной.
Там, на чужой земле,
горячей и соленой,
он ранен был.
И повторял в бреду:
«Иду, родная...
Слышишь!.. Я иду...»

Был интернирован.
Бежал.
Попал в Париж.
Пробрался в Бельгию.
И колесил по свету,
покуда не объездил всю
планету.

Но с ним о родине
едва заговоришь,
он нежно вымолвит:
«Прекрасней в мире нету...»

Опять Москва,
а через год война,
и как-то ночью,
при лихой погодке,
на берег родины,
в который бьет волна,
пробрался он
с подводной нашей лодки.
Вздохнул всей грудью
и сказал: «Она!..»

В тылу врага
собрал большой отряд,
жег склады,
рвал мосты
по всем военным трассам,
но пойман был
под городом Бургасом.
Его предатель выдал, говорят.
Был к смертной казни
вновь приговорен
и не ушел бы
от петли немецкой,
но приговор
был вскоре отменен
победным маршем
Армии Советской...

Теперь он стар.
«Вот видишь, я какой!
Сдает мотор —
то слабость, то удушье.
Но все-таки опаснее покой,
опаснее
для сердца
равнодушье...»

Кувшин

Кувшин
рождается не вдруг...
Вращается
гончарный круг,
и жирной глины
влажный ком
плывет
бесформенным куском.

Но оголенная рука,
как в отдаленные века,
сперва дает ему шлепка,
потом касается слегка,
и начинает глина жить —
расти,
меняться
и кружить:

бочонком стала под рукой,
и стала снова не такой, —
по ней, как складки
белых риз,
тугие волны мчатся вниз;
жужжит, как шмель,
гончарный круг,
кувшин
рождается не вдруг...

Но вот
вчерашний глины блин
уже расписан, как павлин,
стоит
прошедший сквозь жару
кувшин
на дружеском пиру.

И первый тост — за гончара,
за то, что сохранил гончар
в огне павлиньего пера
искусство древнее болгар!

40-я годовщина провозглашения Венгерской Советской Республики

Народ Венгрии горячо приветствовал советскую власть. Никогда до этого в стране не бывало подобных массовых митингов.

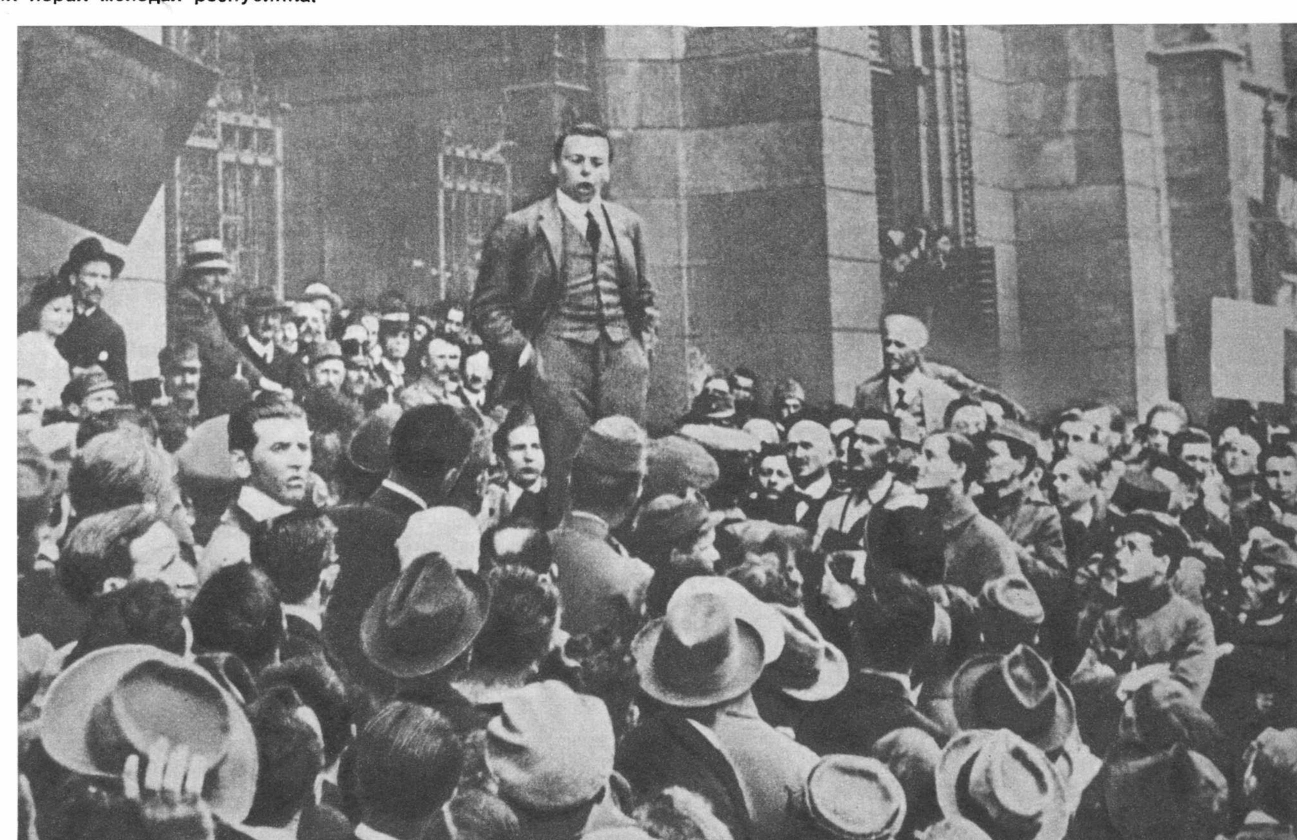

Для защиты своей родной власти рабочие вступали в Красную Армию. Фуражки и оружие — все, что дала им на первых порах молодая республика.

Распоряжения и декреты Советского правительства расклеивались на улицах. На этом снимке среди прокламаций правительства вы видите призыв: «Да здравствует союзная с Русской Венгерская Советская Республика!»

На митинге перед венгерским парламентом выступает Бела Кун — беспредельно преданный революции, неутомимый, боевой агитатор. Он был одним из основателей и руководителей Венгерской Советской Республики и пользовался большой любовью народа

21 марта 1919 года на улицах Будапешта появились большие прокламации. Они начинались словами «ВСЕМ!» и извещали население страны о том, что образовалась Венгерская Советская Республика. Рабочий класс взял власть в свои руки и установил диктатуру пролетариата. Крупные землевладения, банки, шахты, заводы, транспорт перешли в народную собственность. Вскоре будапештская радиостанция сообщила миру на многих языках о рождении в центре Европы второго в истории человечества Советского государства.

В. И. Ленин от имени Восьмого съезда Российской коммунистической партии приветствовал новую советскую республику.

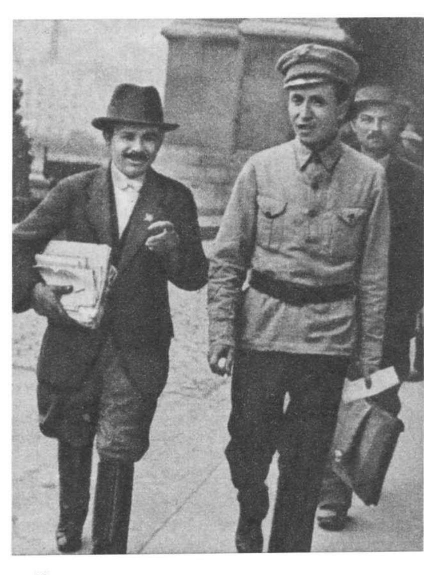
Это было 40 лет назад. Сегодня мы публикуем фотодокументы, рассказывающие о 133 днях советской власти в Венгрии

Народный комиссар Тибор Самуэли, несгибаемый революционер, выдающийся деятель Венгерской Советской Республики, на самолете прилетел из Будапешта в Москву для встречи с В. И. Лениным. Совсем недавно этот самолет был найден в Венгрии. Молодые рабочие решили отремонтировать его и выставить в музее для всеобщего обозрения ко дню празднования сороковой годовщины Венгерской Советской Республики. На снимке: В. И. Ленин и Тибор Самуэли (x) в Москве.

Когда черные силы контрреволюции начали подрывную деятельность, правительство призвало народ на борьбу. Это один из плакатов того времени. На нем надпись: «Ты! Скрывающийся в темноте, сеющий панические слухи контрреволюционер, дрожи!»

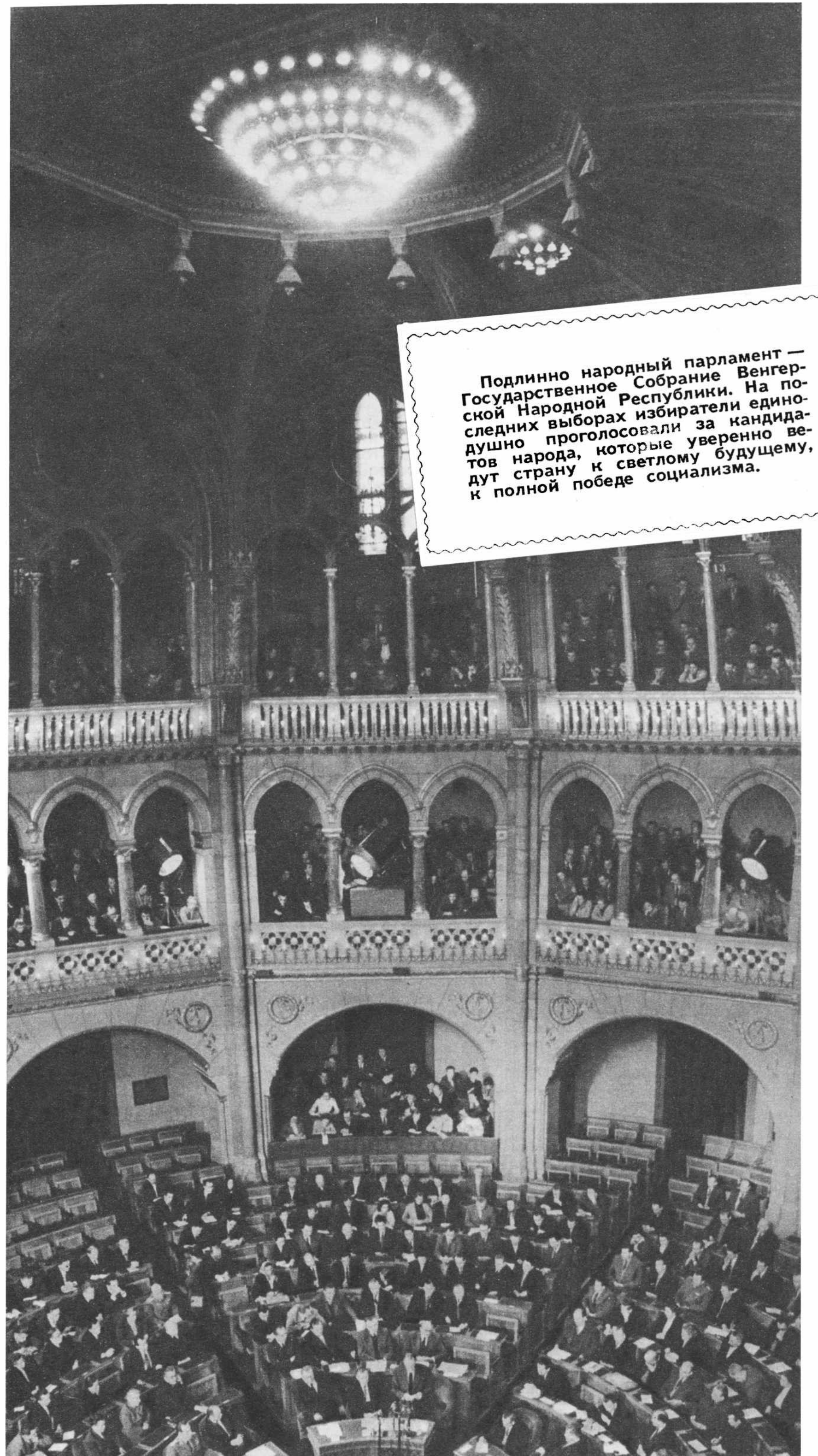
На этом снимке вы видите одного из выдающихся деятелей крестьянского движения, народного комиссара Венгерской Советской Республики Дьердя Нистора (слева), и Тибора Самуэли, выходящих из здания парламента после одной из сессий Совета в 1919 году. Дьердь Нистор дожил до образования народно-демократического государства.

Империалисты не замедлили выступить против молодого государства. Войска французского экспедиционного корпуса на Балканах, большинство которых составляли солдаты, навербованные в колониях, заняли Сегед. Там под защитой штыков интервентов было сформировано контрреволюционное «правительство». Из Сегеда реакционеры повели наступление на венгерскую Красную Армию. Открытое вмешательство интервентов привело к вспышке контрреволюции в стране. Особенно ожесточенные бои разгорелись в Будапеште.

Венгерская Советская Республика под натиском интервентов, разлагаемая изнутри предательством социал-демократов и действиями контрреволюционеров, пала. Начался кровавый белый террор. Офицеры и жандармы убивали, расстреливали, вешали рабочих и крестьян. Нередко, прежде чем расправиться со своими жертвами, палачи фотографировали их.

Как перекликается этот снимок с такими же картинами 1956 года! Те же приемы, те же палачи, те же вдохновители, но уже другое время. Враги венгерского народа, пожелавшие снова накинуть ему на шею ярмо в 1956 году, задушить в крови народную республику так же, как в 1919 году, жестоко просчитались. Венгерский народ разгромил контрреволюционный мятеж. Навсегда ушли в прошлое старые времена. Венгерская Народная Республика прочно занимает место в могучем лагере мира и социализма.

Подлинно народный парламент — Государственное Собрание Венгерской Народной Республики. На последних выборах избиратели единодушно проголосовали за кандидатов народа, которые уверенно ведут страну к светлому будущему, к полной победе социализма.

«Зимняя фантазия»

Восторженно приняли москвичи молодых дебютантов — участников балетно-циркового представления на льду «Зимняя фантазия». Хорошая спортивная техника исполнителей сочетается с высоким хореографическим мастерством, грация — с ловкостью и силой, спокойная уверенность — с юношеской увлеченностью. Радостно знакомство с талантливой молодежью, только что пришедшей в искусство.

Мы попросили художественного руководителя балета на льду заслуженного артиста РСФСР Л. М. Лавровского рассказать об этом ансамбле.

— Предложение поставить первую балетную ледяную программу было для меня очень неожиданным, — сказал Л. М. Лавровский.— Я не понимаю и не признаю бессодержательного искусства. А все программы зарубежных ледяных ревю, которые я видел, при очень высокой спортивной технике участников, казались мне все же не более как фигурным катанием в балетных костюмах. Поэтому при создании первой же нашей программы мы стремились обогатить существующие приемы фигурного катания элементами классического и народного танца. Нам хотелось, чтобы репертуар определял национальную принадлежность ансамбля — носил русский характер; непременно включал классику и молодежную современную тему, наиболее близкую нашим артистам, возраст которых от 16 до 22 лет. Представление решено было составить не из отдельных танцев, а из художественных миниатюр с несложным, но законченным сюжетом. Это приучало начинающих актеров на сцене разрешать не только технические, но и художественные задачи.

Когда Центральная студия циркового искусства объявила об организации балетного театра на льду, желающим работать в нем не было конца. Около 700 человек из 19 городов приехало в студию.

Прием в наш коллектив напоминал мне вступительные экзамены в хореографическое училище. Многие «актеры» приезжали с мамами и папами. И по окончании очередного просмотра я вынужден был устраивать целую пресс-конференцию родителей, родственников и друзей будущих артистов. Причем вопросы были самые неожиданные, начиная от репертуара и кончая костюмами для выступлений.

Приняли в балетную группу 39 человек. Большинство из них, конечно, хорошо каталось на коньках, но все это были отнюдь не профессионалы. Взяли мы несколько человек и таких, которые не умели даже стоять на коньках, но понравились нам хорошей внешностью, актерской одаренностью, музыкальностью, пластичностью.

В танце «Тачанка» выделяется темпераментным исполнением, уверенностью движений В. Елисеев. Впервые он стал на лед только во время репетиций. К нам он пришел из хореографического кружка Дома культуры «Правды». Там он занимался несколько лет, будучи рабочим типографии.

Из этого кружка пришла к нам и Ли Линэн, которая тоже не умела кататься на коньках, а у нас теперь исполняет соло в китайском танце «Лотосы».

Глядя на то, как свободно, легко чувствует себя на ледяной сцене В. Яновскис, зритель не представляет себе, что и лед и профессиональная сцена еще недавно были от него очень далеки. Яновскис никогда прежде не катался на коньках и участвовал только в выступлениях солдатской художественной самодеятельности.

В «Вальсе-фантазии» Глинки роль студента пушкинских времен исполняет В. Лузин. Даже балетные артисты, отмечая его умение создать образ, выразительную пластику движений, спрашивали меня, где он проходил школу. Я отвечал им точно. Школу, и притом хорошую, столяр 4-го разряда Владимир Лузин прошел на одном из горьковских заводов...

С заводов, фабрик, институтов пришли к нам и остальные. Лариса Кувшинская работала техником на судостроительном заводе, Раиса Сабитова — инженер-гидротехник...

Немало и учащейся молодежи. Леонид Гордон учится на 4-м курсе Московского технологического института пищевой промышленности; ведущие наши солистки Надежда Корбанюк и Ирина Голощапова за время подготовки спектакля закончили среднюю школу.

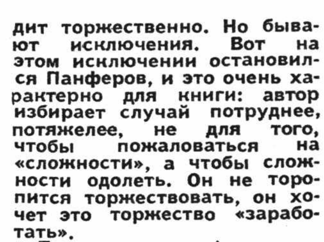
Влилась в наш коллектив и группа молодых работников цирка.

Вот кто они, наши артисты. Среди них нет «звезд», нет ни мировых, ни даже областных чемпионов, но все они молоды, все трудолюбивы, все любят искусство... А значит, добьются побед!..

И. ВЕРШИНИНА

Писатели и книги

Раздумье Ф. Панферова

Это не легкая книга, не «легкое» чтение. Самим названием книги автор предупреждает о серьезности своих намерений. Это не только раздумье писателя, это также раздумье его героев, это, наконец, раздумье читателя, к чему настойчиво склоняет его автор, и здесь та цель, ради которой писатель, собственно говоря, и брался за перо.

«Аким Морев смотрел на Волгу, на воздвигаемую плотину, на рабочих, идущих со смены и на смену, и напряженно думал, как же разрешить жилищный кризис».

Но так думает не только Морев, секретарь обкома. Так же напряженно думает и председатель колхоза Иннокентий Жук, и инженер Ларин, и чабаны Егор Пряхин и Ибрагим Явлейкин, и лесовод Чуркин, и ветврач Синицина, и каменщик Герасимов, и учитель Чудин, и доярка Елизавета Лукинична, и академик Бахарев, и завфермой Коврова — люди различных возрастов, профессий, образования, жители громадной приволжской области, завтрашний день которой в их представлении есть дело их рук. Поэтому Панферов не просто «отражает» жизнь со всеми ее, как говорится, противоречиями; мысль его устремлена к тому, чтоб эти противоречия разрешить и одолеть,— вот в чем нерв, в чем пафос книги.

Панферов, как художник, не просто чувствует себя свидетелем событий, пусть вполне благожелательным, даже восторженным свидетелем, «болельщиком». Нет, он занимает позицию хозяина, хозяина жизни, озабоченного, деятельного, сосредоточенного, проникнутого сознанием, что от него зависит эта жизнь, что он в ответе за нее. Поэтому он не боится показывать трудности.

Вот пример. Готовится к пуску Большой канал. Пленум обкома партии собирается в полном составе выехать на торжество открытия. А канал этот — вопрос жизни и смерти для всей области. Автор не устает напоминать об этом. «ЗИМ» несся без дороги по пустынной, безлюдной степи. Все было накалено, и земля растрескалась: во все стороны тянулись извилистые и толстые, похожие на удавов трещины...» «...Из среднеазиатской пустыни, захватив огромный фронт, продолжал дуть раскаленный, огнедышащий суховей...» «Огневой ветер снова наседал на Поволжье...»

И вот в эти выжженные степи должна хлынуть вода. Все население области, от мала до велика, страстно ждет этого часа. Как правило, акт подобного открытия происходит торжественно. Но бывают исключения. Вот на этом исключении остановился Панферов, и это очень характерно для книги: автор избирает случай потруднее, потяжелее, не для того, чтобы пожаловаться на «сложности», а чтобы сложность одолеть. Он не торопится торжествовать, он хочет это торжество «заработать».

Получилось так (и по «вине» природы, скрывавшей до поры до времени свои «намерения», и по вине людей, всего не предусмотревших), что под дном реки объявилась вдруг другая, древняя река — громадная илистая масса; она неожиданно взыграла и преградила путь каналу. И автор так же, как его герои, захвачен одним: как справиться с препятствием? Выдвигаются различные проекты, герои не успокаиваются до тех пор, пока подземный враг не укрощен.

«Аким Морев опять погрузился в глубокое раздумье. Он понимал одно: жизнь выдвинула в деревне ряд новых острых вопросов... Что поддержать ему, секретарю обкома?»

Один из таких вопросов — положение с машинно-тракторными станциями. Морев получил от секретаря Центрального Комитета партии поручение — внимательно следить за процессами, которые требуют изменения сложившихся форм МТС. Морев и раньше задумывался над этим вопросом: предколхоза Жук, например, тот прямо потребовал крутой перестройки дела. Сама жизнь подпирала Жука, вот отчего он так решительно заговорил. И Морев, как ученый, наблюдает эти явления и экспериментирует; например, на время болезни директора МТС Морев назначает на его место по совместительству Жука, не мешая ему развернуться по-своему. И мы наглядно видим, как созидается, складывается новое, внимательно прослеживаемое писателем.

У Морева имеются противники — не только из тех, кто живет по инерции, находится в плену у «традиций» и плохо видит новое, а из тех, кто не хочет видеть новое, кто окружает ореолом и подходящими цитатами устаревшие формы жизни, кто, раздражаясь, обвиняет инакомыслящих, идущих дальше и ищущих, чуть ли не в покушении на «завоевания революции». Начетчики и догматики, герои цитаты, они не только брюзжащие обыватели; среди них люди с заслугами в прошлом, например секретарь горкома партии Сухожилин. И тут, как в истории с каналом, и борьба и неожиданные подвохи. Таковы характер и дух новой книги Панферова.

В заключение следовало бы сказать по традиции о недостатках романа, и если мы на сей раз поступимся этой традицией, то не потому, что недостатков нет или что мы собираемся умолчать о них, а потому, что нам хотелось сегодня подчеркнуть главное и обратить на него внимание читателя.

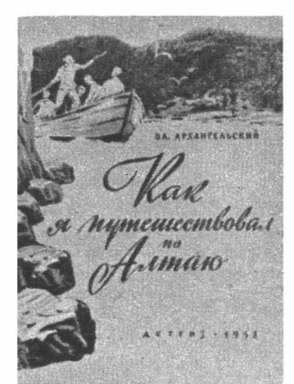
Впрочем, на одном вопросе мы остановимся, может быть, слишком подробно, но, думается, вопрос этого заслуживает. В недавней статье В. Чалмаева («Вопросы литературы» № 1 за 1959 год), в которой высоко оценивается гражданственность героев «Раздумья», а позиция Акима Морева характеризуется как «самое верное... выражение пафоса нашего сражающегося современника», говорится в то же время о недостатке «культуры чувств» героев. С этим упреком можно согласиться. Но одновременно в статье сказано, что Ф. Панферова порой увлекает «бесовская игра плоти», увиденная глазами любопытствующего курортника». Что же, пожалуй, Панферова в самом деле увлекает порой упомянутая «бесовская игра», и, по правде говоря, мы не собираемся приходить от этого в ужас. Но утверждение, что он якобы смотрит «глазами курортника», неверно,— вот этого, простите, там нет.

Не столько «тайна плоти» привлекает внимание писателя, сколько (прочтите внимательно роман) «тайна жизни», тайна материнства и отцовства, торжественное чувство рождения жизни, понимаемой всеобъемлюще и включающей в себя и землю, в которую брошено зерно, и яблоню в цвету, и в степи ошалевшего от весны ягненка, и человека. Словом, перед глазами писателя — вся жизнь, и даже рождение новой социальной действительности воспринимается им как органический процесс. Мы слышим, как Мариам называет телят «дочками», а Анна свой сад «сынком». А эти мотивы встречаются в романе повсюду. И хотя не все они удовлетворяют требованию строгого вкуса, но ведь они входят в то, что мы называем своеобразием писателя, данного писателя.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

Федор Панферов. Раздумье. Роман. «Знамя». 1958, №№ 7, 8, 10.

Увлекательное путешествие

Много молодежи едет на новые места поднимать целину, строить города и заводы, обуздывать бурные реки. Понятен интерес к книгам, которые могут рассказать о тех местах, где приведется работать.

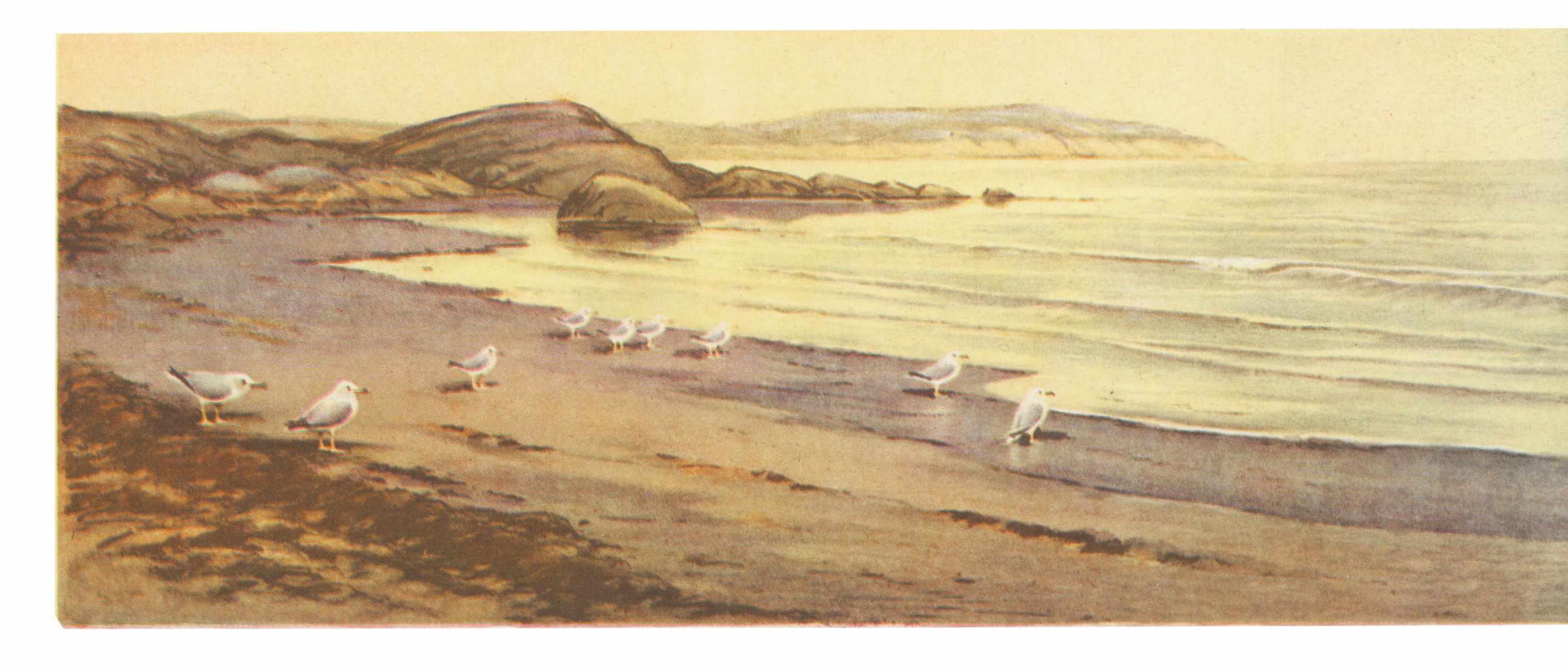
Тем больший интерес вызывают очерки Вл. Архангельского «Как я путешествовал по Алтаю», выпущенные Детгизом.

Мы узнали о существовании редчайших профессий: пастухов маральих и оленьих стад (не прирученных северных оленей, а редких, благородных, все еще остающихся полудикими), перевозчиков и плотогонов на бурной, сплошь порожистой реке, искателей редких горных растений, панторезов и пантоваров.

Приятно путешествовать по незнакомому краю с умным и знающим человеком, талантливым рассказчиком. Таким спутником читателя оказался Вл. Архангельский.

В. С. Бибиков. У ИСТОКА АНГАРЫ. Линогравюра.

Выставка советского эстампа.

В. В. Трофимов. БЕЛАЯ НОЧЬ НА БЕЛОМ МОРЕ. Линогравюра.

Зимняя фантазия

«Тачанка».

Золушка — И. Голощапова.

Русская пляска.

Китайский танец «Лотосы».

«Зимняя фантазия» — первая программа впервые созданного советского балета на льду. Представление построено очень разнообразно: балет чередуется с клоунадой, акробатикой, выступлениями гимнастов. Ставил «Зимнюю фантазию» главный балетмейстер Большого театра Союза ССР Л. Лавровский, режиссер цирковых номеров — А. Арнольд.

Свои выступления коллектив начал в Москве, на ледяной сцене Дворца спорта.

Балет смогут увидеть жители любого города. Советские конструкторы и инженеры создают оригинальную передвижную холодильную установку, которая даст возможность за несколько часов оборудовать ледяную площадку.

Фото Е. УМНОВА.

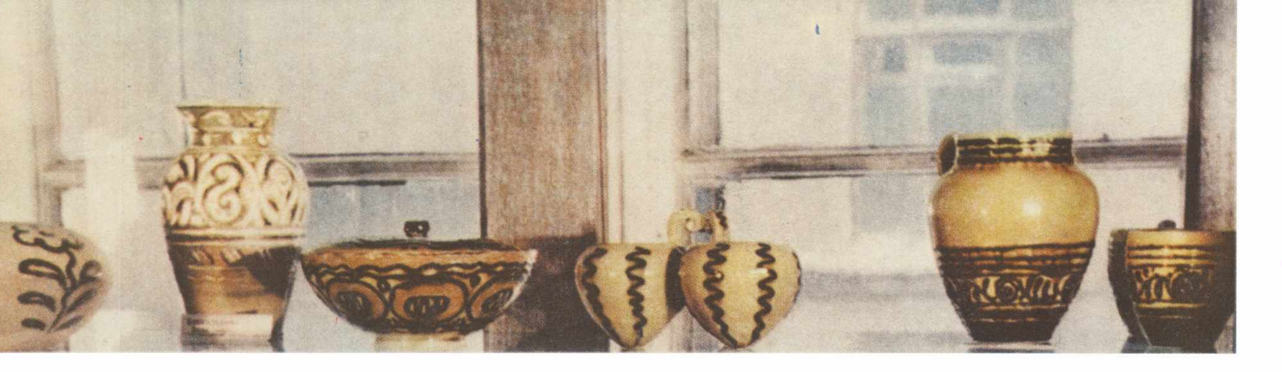
«Пингвины».

Клоунский эксцентрический оркестр.

→ «Картинки прошлого».

Красивое — в быт!

Фото А. ГОСТЕВА.

С дурным вкусом надо и можно бороться по-разному. Но, вероятно, самый правильный путь — противопоставить подлинное искусство аляповатым «произведениям» рынка, этим символам мещанской красивости.

Так и поступили художники, показав на выставке декоративно-прикладного искусства в Москве разнообразные, интересные и красивые вещи, сделанные со вкусом, с хорошей выдумкой.

Здесь широко представлены ткани, керамика, майолика, фарфор, стекло...

Многих посетителей привлекают стенды с тканями. Тут прозрачные шелка для платьев, полотна из синтетических волокон (капрона и лавсана), ткани для обивки машин и самолетов, красочные покрывала, портьеры... Художница Г. Орлова еще в 1955 году создала красивый настенный ковер. Жаль, что до сих пор мы так и не увидели его в продаже.

Всем захочется купить и многие другие вещи.

Вот, например, детские столовые приборы. Создавая их, художница Т. Воскресенская использовала богатство русского народного творчества. Она придумала и новые занятные формы: «Собачка», «Малышка». Кувшин для воды так и называется: «Уточка». Все это чудесно выполнено на Дулевском заводе.

Майолики С. Эйкельмана «Вода», «Гусь», «Лес» сделаны на Гжельском керамическом заводе.

Мы видели на выставке много других приятных и изящных изделий прикладного искусства. Они могли бы украсить любую квартиру.

— Где же и когда можно приобрести их? — нетерпеливо спрашивают все посетители.

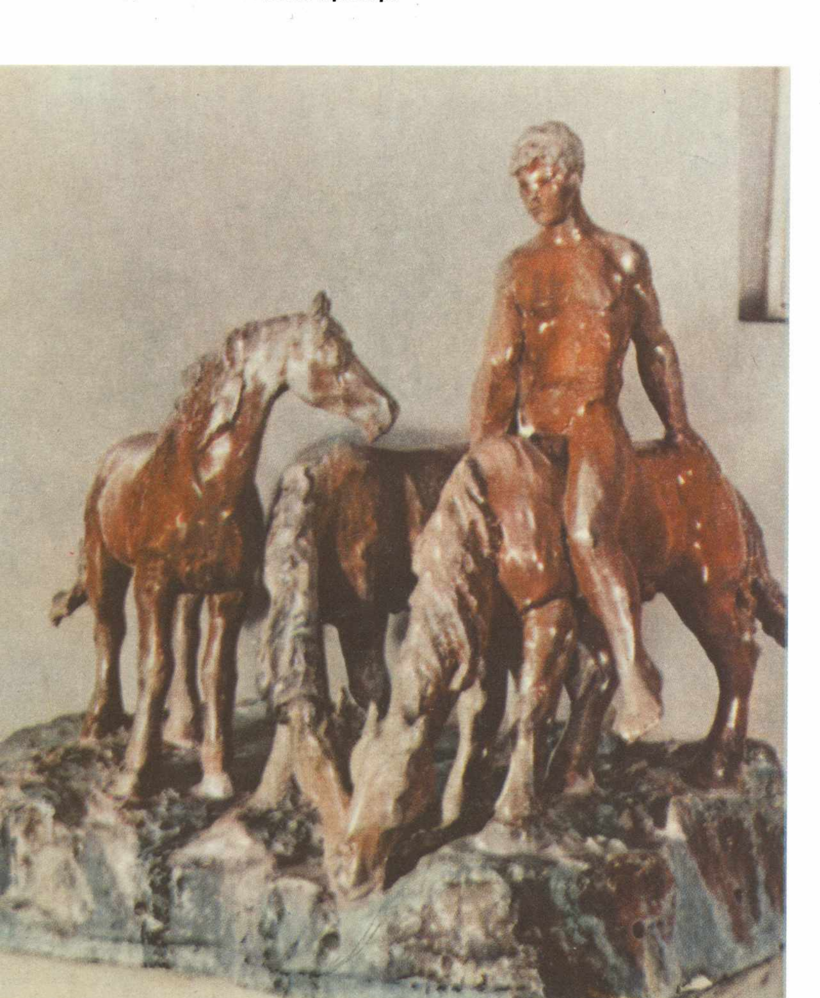
Ответ должен быть только один. Красивые вещи, которые нравятся людям, должны появиться в продаже в самое ближайшее время. Их должно быть много в каждом городе, в каждом магазине. И об этом надо позаботиться фарфоровым, керамическим, хрустальным заводам, фабрикам, артелям... Вещи эти должны быть дешевыми. Они должны украсить быт советского человека!

Бытовая керамика.

Детский столовый прибор.

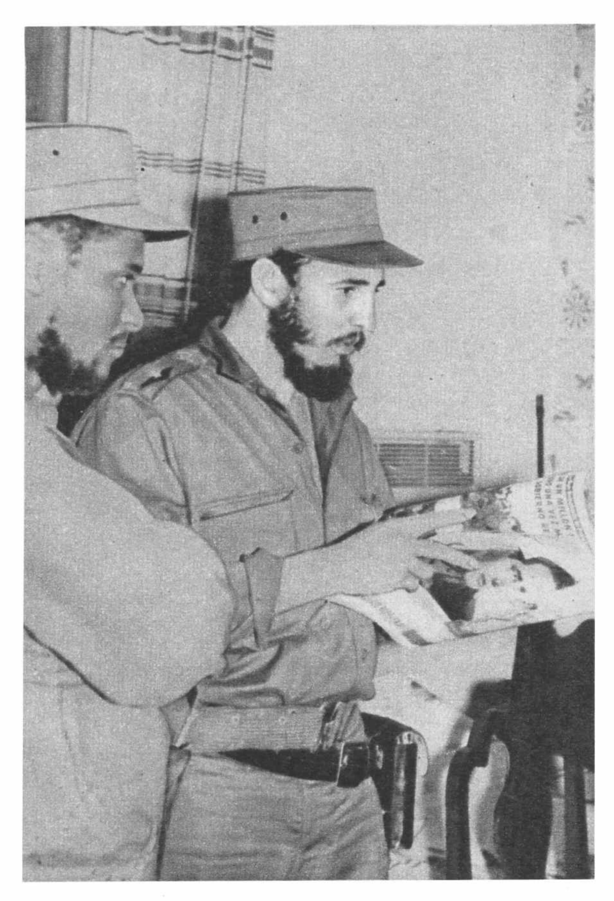

Майолика «Вода».

Кувшин «Уточка» с чашкой.

→ «Мы требуем наказания военных преступников!» — гласят лозунги на митингах народной поддержки правительства Фиделя Кастро.

Фидель Кастро — глава революционного правительства Кубы.

→ Сотрудники нового министерства. Они только что конфисковали и взяли на учет собственность бывших чиновников тирана Батисты.

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА КУБЕ

Хуан МАРИНЕЛЬО,

председатель Народно-социалистической партии Кубы

Фото В. ЧИЧКОВА.

Нет сомнения, что победа революционных сил на Кубе вызывает большой интерес. Вопрос «что произошло на Кубе» возникает во всех уголках земного шара. Как участник и свидетель этих событий, я постараюсь обобщить их, объяснить всю их важность и значительность.

Революционные силы под руководством Фиделя Кастро уничтожили кровавую тиранию, но они ответственны и за то, по какому политическому пути теперь пойдет страна.

Впервые в Америке народное восстание победило кадровую армию, постоянно опиравшуюся на поддержку империалистов Соединенных Штатов. Вот почему эта победа одновременно является поражением сил империализма. На Кубе произошла подлинная революция.

Чем же она была вызвана?

Правительство Батисты всегда было ненавистно народу. Оно пришло к власти не в результате демократических выборов, а путем военного переворота, при активной поддержке правительства Соединенных Штатов. Тирания была навязана и поддержана врагами кубинской свободы и демократии. С самого начала она была враждебна народу и продержалась около семи лет только благодаря террору. По неполным подсчетам, тирания Батисты обошлась Кубе в 22 тысячи жизней, главным образом молодых людей — от 16 до 30 лет.

Народ был единодушен в стремлении уничтожить правление Батисты. Но как? Тут мнения расходились. Некоторые группы политиков старой школы считали, что достаточно победить Батисту на выборах. Большая же часть населения, и главным образом молодежь, понимала, что только революционная борьба может вернуть

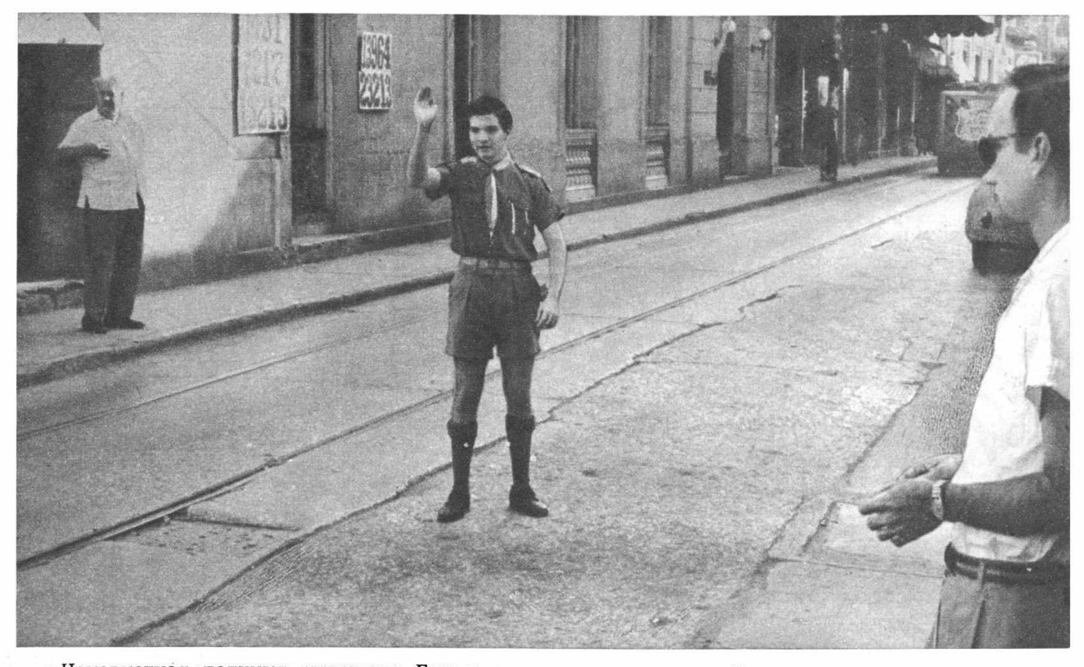
Военный преступник Соса Бланко — верный исполнитель воли диктатора. На его совести 108 убитых кубинцев. Революционный трибунал приговорил его к смертной казни.

Революционный трибунал рассматривает дела военных преступников.

В зале заседания революционного трибунала. Дети этих матерей были замучены и расстреляны диктатором Батистой.

Ненавистная полиция диктатора Батисты разогнана народом. Теперь уличное движение регулируют бойскауты.

Кубе демократию. Жизнь подтвердила их правоту.

Народно-социалистическая партия — партия кубинских коммунистов — все время видела только один путь — путь всеобщей борьбы, путь сплочения, единения народных масс.

Когда началось движение, возглавляемое Кастро, коммунисты выступили в его защиту против реакции, империализма и репрессий. Позднее, когда движение начало принимать характер народного восстания, когда к нему присоединились крестьяне и оно стало выражением подлинных революционных настроений, коммунисты оказали ему еще более энергичную поддержку. Коммунисты находились в рядах восставших, многие погибли в боях, немало их среди доблестных бойцов революционной армии, превратившейся в национальную армию.

Люди разных взглядов — мужчины и женщины, черные и белые, крестьяне и рабочие, студенты, интеллигенция,— объединившись, вернули Кубе свободу. Пытаясь расправиться с повстанцами в провинции Ориенте, войска Батисты применяли американские напалмовые бомбы для уничтожения сел и городов, расстреливали из пулеметов мирное население: женщин, детей, престарелых.

Против народа было обращено оружие, присланное из Соединенных Штатов. Но настойчивость, ум, самоотверженность народных полководцев и горячая поддержка населения помогли разгромить армию Батисты.

Признав себя побежденным, Батиста пытался создать военную хунту, которая, организовав его побег, задушила бы революцию. Фидель Кастро действовал разумно и твердо. Он приказал продолжать военные действия до полной победы.

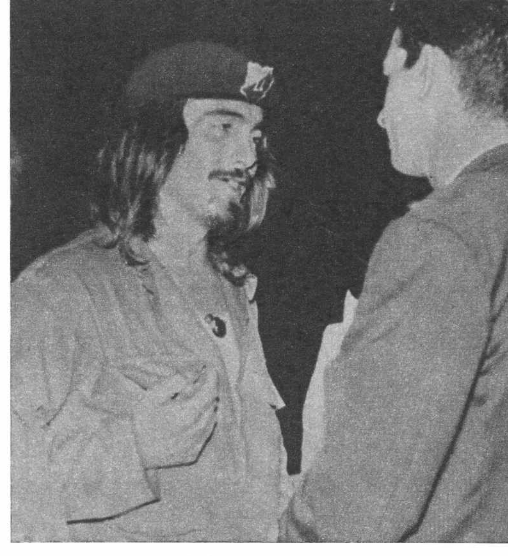
Мощная всеобщая забастовка явилась кульминационным пунктом этого мучительного и героического процесса. В первые дни нового, 1959 года революция победила. Столица Кубы приветствовала своих освободителей. Немедленно было сформировано правительство, которое теперь возглавляет Фидель Кастро.

Одним из условий победы революции явилось обещание выполнить программу, названную «де ля Сьерра», по которой должны вступить в силу законы, принятые в дни восстания. Нет сомнения, что эта программа носит прогрессивный характер, но она не разрешает до конца главных проблем. Природа революции делает возможным дальнейшую демократизацию страны. Вот почему прогрессивные силы Кубы, все революционные группы, и в первую очередь Народно-социалистическая партия, поддерживают правительство Фиделя Кастро и его основные мероприятия. Лозунг Народно-социалистической партии ясен: защищать революцию и обеспечить ее дальнейшее развитие. Такой лозунг может стать лозунгом всего кубинского народа.

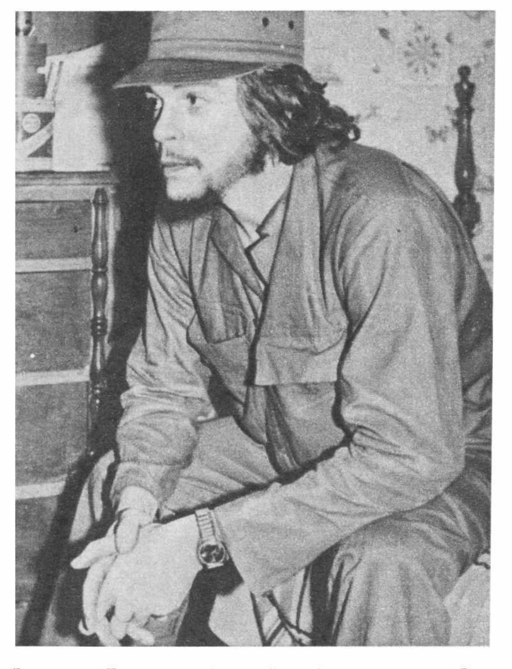
Многие страны Латинской Америки являются свободными лишь формально, их подлинный суверенитет находится в зависимости от экономического господства империализма. Это относится и к Ку-

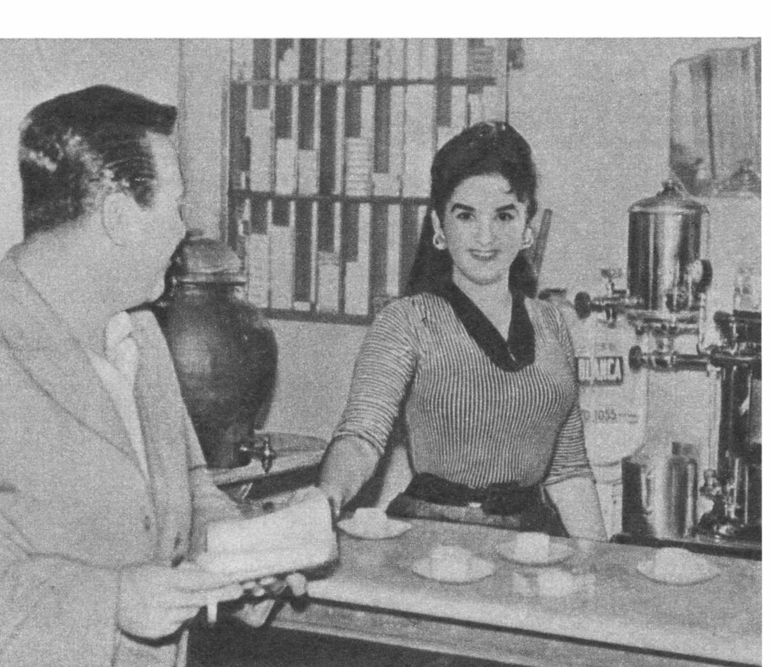
Окончание партизанской войны принесло этой паре семейное счастье. Они только что поженились.

— Когда вы будете стричь волосы и брить бороду? — спрашивает журналист солдата революционной армии.
— Когда освобожденной Кубе не будут угрожать внешние и внутренние враги!

Эрнесто Гевара — ближайший помощник Фиделя Кастро

Жизнь Гаваны входит в нормальную колею. Продавщицы кофе открыли свои маленькие лавочки. Кубинцы не могут жить без кофе. За день они выпивают по 15—20 чашечек крепкого черного кофе.

Этот мальчуган наклеил себе бороду и взял в руки ружье. Может быть, так он будет похож на прославленных повстанцев?

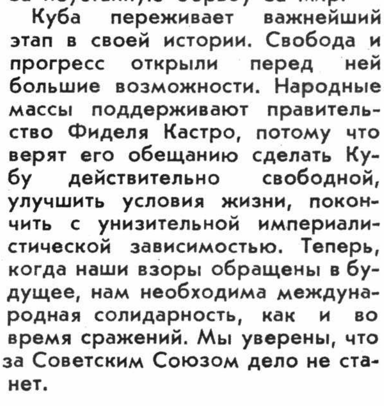
бе. Поэтому одной из основных задач революции является борьба за экономическую независимость страны. Первым шагом должна стать аграрная реформа. Земли североамериканских сахарных корпораций предполагается передать безземельным крестьянам.

Необходимо ликвидировать расовую дискриминацию, так как негритянское население Кубы до сих пор находится в унизительном положении.

Надо обеспечить полную демократию профсоюзов и увеличить заработную плату трудящихся, уничтожить безработицу, развивать отечественную промышленность, национализировать иностранные предприятия. Стране нужны новые рынки сбыта для национальной продукции. Внешняя политика Кубы должна основываться на мирных экономических отношениях с наибольшим количеством стран.

Действия Фиделя Кастро вселяют надежду, что основные проблемы, волнующие народ Кубы, будут успешно решены. Но это не означает, что мы идем по пути, усеянному розами. Не следует забывать, что революция уничтожила политический и военный аппарат диктатуры, но экономические и социальные силы, которые поддерживали диктатуру, все еще не выкорчеваны. Внешний империализм и внутренняя реакция продолжают действовать и находят еще своих сторонников даже в правительстве. Ведь не случайно до сих пор не решен вопрос об установлении нормальных дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. А ведь эти отношения были бы полезны для обеих сторон. Куба обладает такими товарами, как сахар, табак, тропические фрукты и т. д. В их приобретении заинтересован Советский Союз. Нам, в свою очередь, крайне необходима продукция, производимая в большом количестве Советским Союзом, промышленное оборудование, машины.

Народный характер революции на Кубе дает основание предположить, что эти отношения в ближайшее же время будут установлены. Этого добиваются все революционные демократические и прогрессивные организации. Но дело не только в экономической заинтересованности. Народ Кубы не забыл и не может забыть, что Советский Союз был солидарен с

ним в тяжелые дни борьбы против тирании Батисты. Он глубоко признателен народам Советского Союза за твердую политику сотрудничества со всеми народами, за неустанную борьбу за мир.

Куба переживает важнейший этап в своей истории. Свобода и прогресс открыли перед ней большие возможности. Народные массы поддерживают правительство Фиделя Кастро, потому что верят его обещанию сделать Кубу действительно свободной, улучшить условия жизни, покончить с унизительной империалистической зависимостью. Теперь, когда наши взоры обращены в будущее, нам необходима международная солидарность, как и во время сражений. Мы уверены, что за Советским Союзом дело не станет.

Хорошо ли вас обслуживают?

В предыдущих номерах журнала мы начали разговор о том, как вас обслуживают на фабрике-кухне, в гостинице, на вокзале, в швейном ателье... Редакция продолжает этот разговор. Сегодня речь идет о домовых столовых.

Кухня этого дома

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Ф. КОРОТКЕВИЧА.

В этом доме на 3-й Фрунзенской улице своя кухня. Жильцам здесь повезло: ведь по всей Москве пока только семь таких.

Что же такое домовая кухня?

...Мы входим в зал, облицованный белыми кафельными плитками. Магазин как магазин. Но присмотримся внимательнее к тому, что выложено на прилавке: салаты, мясные и рыбные блюда, запеканки, овощи,— кулинарные изделия, приготовленные кухней этого дома. За соседним прилавком торгуют полуфабрикатами. Сделаем еще несколько шагов, и мы увидим кондитерские изделия — от пирогов и кулебяк до маленьких, детских пирожных.

У прилавка много покупателей: спрос большой.

А вот и надпись, которую мы ищем: «Отпуск обедов на дом».

Несколько женщин и мужчин стоят с судками: они пришли за обедами. Это постоянные посетители — жильцы ближних домов. Раздатчица Нина Григорьева уже изучила вкусы многих: кому дать погуще, а кому, наоборот, пожиже, кому поподжаристее, кому побольше подливки, а кому и вовсе без нее.

Тут нет обеденного зала: обеды отпускаются только на дом, в том-то и особенность здешней кухни. Одна из постоянных клиенток сказала нам:

— Для меня это кухня-освободительница... Конечно, у нее еще немало недостатков. Но все же нам повезло, что у нас есть «своя» кухня, которая освободила от части домашних дел.

Женщина оказалась учительницей. В ее семье четверо: двое работают, двое учатся. Кому же возиться со стряпней? Вот она и берет готовые обеды, иногда полуфабрикаты.

Домовая кухня принимает различные заказы.

На стене мы увидели объявление:

«Вниманию покупателей! Экономьте время, пользуйтесь услугами домовой кухни. Для организации семейных вечеров принимаются заказы на кулинарные изделия собственного производства, а также на кондитерские изделия. По желанию покупателей всегда можно заказать рассыпчатые каши, различные запеканки, крупеники, муссы и желе.

Принимаются заказы на обеды с доставкой на дом».

У многих пришедших за обедами были одинаковые судки: их дает домовая кухня. В обороте — пятьсот таких судков.

Спрашиваю у молодого человека, стереотипера типографии Мехти Талыбова:

— Давно здесь обедаете?

— Год, со дня открытия. Нас трое: я, жена и теща-пенсионерка. Вкусно ли? Лучше, чем в обычных столовых. Дорого ли? Конечно, хорошо бы снизить цены. И как-то округлить их. Смотрите: 2 рубля 21 копейка, 1 рубль 61 копейка. Какая точность! Наверное, специального калькулятора держат. Ежедневно расчеты делает...

В разговор вступила пожилая женщина Надежда Николаевна Фомина.

— Вкусно-то вкусно,— сказала она,— а меню посмотрите: первые блюда — мясные и рыбные, вторые — тоже мясо. И ничего овощного. Только морковь в молочном соусе. Надо обязательно иметь в меню диетические блюда и на первое и на второе.

Кто-то добавляет:

— Вот тут-то могла бы помочь общественность. Следовало бы создать совет, который намечал бы меню да и осуществлял бы контроль за работой кухни.

...Мария Филипповна Румянцева взяла сразу шесть обедов.

— Семья большая: муж, дочь, зять да двое внуков! Дел хватает. Теперь стало легче. С обедами уже не приходится возиться.

...У кухонной плиты, уставленной бачками с супами, противнями и сковородками, «колдует» пожилой мужчина с остренькой бородкой — шеф-повар Степан Васильевич Тараносов, отпраздновавший пятидесятилетие своей кулинарной деятельности.

Шеф-повар Степан Васильевич Тараносов сам заботится, чтоб заказ был доставлен на дом в лучшем виде.

Он пробует гуляш. Уж как он готовит это блюдо! Пожалуй, никто лучше не сделает! Степану Васильевичу довелось побывать в Венгрии, где он и освоил это искусство: еще во время первой мировой войны попал туда в качестве военнопленного.

— Попробуйте, — предлагает он,— настоящий венгерский гуляш!

Продукты сюда поступают с фабрики-заготовочной. Мясо привозят разделанным, картофель и овощи — чищенными. Это значительно облегчает работу и повышает производительность кухни. Однако помещение явно мало.

Здесь тесно, душно. Повара вынуждены с ловкостью акробатов лавировать между накаленной плитой, столами и электрической сковородой. Малы и помещения для хранения продуктов, приготовления холодных блюд.

Кухню решили организовать, когда дом уже был почти построен. Предполагали вначале открыть здесь кафе. А потом его кое-как переоборудовали и приспособили.

Василий Антонович Сущенко, директор домовой кухни, признает:

— Конечно, мы еще далеко не полностью удовлетворяем запросы и лишь немногих женщин освобождаем от тяжкого кухонного труда. Отпускаем всего 350 обедов в день — таковы наши возможности. Явно недостаточно для большого жилого массива с тысячами жителей.

Заказы от жильцов поступают и по телефону.

Встревоженный мужской голос просит приготовить куриный бульон и курицу для заболевшей жены: «Слегла, и приготовить некому».

— Заходите, будет сделано.

Опять звонок.

— Здравствуйте, Нина Петровна, — отвечает директор. — Как вчерашние языки? Понравились?

В торговом зале домовой кухни...

Сегодня могу предложить рыбу, печенку. У нас меню богатое. Сейчас прочту... Так, записываю: три судака, два мяса отварных, гарнир — картофель жареный, фри. Первого не надо? Хорошо. Не торопитесь: пойдете с работы и возьмете. Судки у нас? Утром оставили? Хорошо, все будет в порядке. До свидания!

Это старая заказчица,— пояснил Василий Антонович,— кажется, врач. Каждый день, возвращаясь с работы, заходит за заказом.

Василий Антонович посмотрел на часы: время близилось к трем.

— Пора отвезти заказ Царевым,— сказал он как бы про себя и позвал шеф-повара.— Степан Васильевич! Как заказ Царевых? Готов? Давайте проверим: куропатки поджарены, салат есть, рыба уложена на блюда. Торт привезли? Надпись на нем сделали? Должно быть: «М. И. в день рождения».

Так называемый «холодный цех». Повар Галина Фельдман и ученица Рая Козлова (слева) готовят салаты, паштеты, заливные блюда.

А вот и сама хозяйка. Здравствуйте, Лидия Михайловна! — приветствует директор, увидев входящую женщину. — Принесли посуду?

— Принесла. Пришлось одалживать у соседей. Почему бы вам не приобрести посуду и выдавать ее напрокат? У кого может быть столько тарелок, ложек, ножей? Ведь не каждый день такое торжество...

У заведующего лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского электротехнического института Михаила Ивановича Царева два торжества сразу: новоселье и пятидесятилетие. Соберется человек тридцать, если не больше.

— Вчера мужа чествовали на работе, — рассказывает Лидия Михайловна.— Сегодня соберутся сослуживцы и друзья, завтра — родные...

У тротуара стояла специальная машина, в которой перевозят заказы. Шеф-повар сам выносил блюда и подносы, аккуратно устанавливал их в кузове.

Тараносов уселся рядом со своими произведениями, и машина направилась к одному из соседних домов. Когда все привезенное было доставлено на квартиру, шеф-повар осмотрел комнату, где ему предстояло накрывать на стол.

...Домовая кухня все прочнее входит в наш быт. Этому типу предприятий общественного питания следует уделить гораздо больше внимания.

И в самом деле, в Москве всего семь домовых кухонь. В текущем году намечается открыть их только десять. И опять же — в наскоро приспособленных помещениях первых этажей новостроек. Не существует типового проекта домовой кухни, и никто всерьез не занят его составлением. А между тем такие предприятия общественного питания способны освободить женщину-труженицу от кухонных забот. Это показал годовой опыт работы даже небольших домовых кухонь. Вот почему многие жители столицы справедливо задают вопрос исполкому Московского Совета: когда наконец начнется в Москве широкое строительство домовых кухонь?

А. КОВАЛЕНКОВ

Три стихотворения

Холода

Доброты не знают холода;
Говорят не зря: «Морозы злые»...
Мертвым льдом становится вода,
Ноги обнимавшая босые.

Воздух превращается в слюду,
В лютой стуже взблескивая сухо.
Птицы обмирают на лету,
Падая в снега комками пуха.

Ну, а кровь, а человечья кровь,
Как она не мерзнет и не стынет,
Побеждая вновь, и вновь, и вновь
Ледяные дали и пустыни?!

В ней такое древнее тепло,
Соль любви и мужества такая,
Что куда бы нас ни вознесло,
Будет свет гореть, не потухая.

Капитуляция

Крепость снежную заняли с бою
И в обломках зубчатых стен
С поцарапанною губою
Полководца забрали в плен.

Но, поскольку он действовал смело,
Не сказал, что сдаваться пора,
Согласились, не будет расстрела,
И закончилась эта игра.

Только вот ведь какая нелепость:
Несмотря, что объявлен был мир,
Вновь построил зубчатую крепость
Тот веснушчатый командир.

И стояла она у опушки
И смотрела в раздолья с горы,
И ее деревянные пушки
Были гордостью детворы.

А потом, не спросясь полководца,
Уплыла эта крепость в простор.
И мальчишка сказал, что сдается,
Но об этом другой разговор...

Ветка

Качнулась ветка — и сломали ветку.
Случайно, мимоходом, просто так...
И брать, как говорится, на заметку
Не стоило бы этакий пустяк...

Была б в цвету, тогда другое дело,
А то простая ветка, без примет...
Но все-таки весна посожалела,
Что этой неприметной ветки нет.

Еще мороз по мелколесью рыскал,
По-зимнему звенел синичий свист,
Но ветка, зная, что победа близко,
Затеплила, раскрыла первый лист.

СКАЗАНИЕ О ЖАР-ПТИЦЕ

Жан ГРИВА

Рассказ

Рисунки Ю. Реброва.

О Черном озере, разделявшем две волости, издавна рассказывали всякие чудесные истории. Кто болтал, будто озеро бездонно и где-то под землею соединяется с морем. Иные уверяли, что в глубине темных вод обитает птица с горящим оперением: по утрам она широко раскидывает огненные крылья, и тогда рассеивается мрак, а зеркало озера сияет ослепительным светом.

Мальчишкой Игнат Стабулниек не раз украдкой уходил под вечер из дому вдоль речонки Личупе, пробирался к берегу озера, чтобы подкараулить сказочную птицу. Сквозь частый орешник и заросли кустарника он продирался к озеру в том месте, где черпала из него свои воды Личупе. Поднявшись на цыпочки и раздвигая руками густой тростник, мальчик пристально следил за поверхностью озера. И впрямь: к заходу солнца все озеро, сколько глазу видно, загоралось пламенем. Вскоре спускались сумерки, над водою поднимался серый пар, как над большим котлом...

Шли годы. Игнат вырос, вошел в разум и перестал бегать на берег озера.

После смерти отца и матери он унаследовал родную избенку у реки, неподалеку от озера; клочок сочного луга; небольшой огород на берегу, за темной глиняной запрудой; сплетенные отцом верши да подгнившие дощатые мостки возле черной коряги, где мать всю жизнь полоскала белье.

Кое-какие перемены произошли и в жизни Игната, которого народ, как и отца его, прозвал Игнатом-будочником. Вскоре будочник Игнат женился на батрачке соседа, Ильзе: ведь ему нужна была помощница, чтобы прибрать избенку, постирать потные холщовые рубахи, посеять весною, а осенью собрать овощи с грядок за запрудою. Хоть изба — что будка, но и она труда требует. Ведь камень, коль не хочешь, чтобы мхом оброс, — и тот покатать надо.

Шел Игнат в жизни, так сказать, по отцовским следам. Осенью и весною рыл канавы у волостных богатеев, в горячую летнюю страдную пору помогал то здесь, то там, за что с урожая подкидывали ему хозяева кое-какую малость. Больших богатств на этом, разумеется, не наживешь, но на голодный зуб самим да мышам в избенке хватало.

Главным же кормильцем, как и прежде, была и осталась Личупе со своей рыбой. Стоит только с вечера поставить верши — глядишь, утречком в сети барахтается то серебристая щука, то скользкий линь, то красноглазая плотва или пестрый колючий окунек. Подкоптишь их на едком опилочном дыму — что за объедение!

Не только за рыбу люба была Игнату речонка. Нет, ему дóроги были широкие, богатые цветами заливные луга, хотя сено, скошенное на них, свозилось в хозяйские сараи. Ему нравились туманы, которые летними вечерами стлались над теплой водой, поднимались, заполняли русло белым молоком, переливались через крутые берега и постепенно сливались с пушистым облаком тумана, наплывавшим от озера. На росистом лугу трещал коростель, у мостков, где Ильза обычно полоскала белье, играла щука, и в лунном свете дрожали на воде серебристые круги. Как часто сиживали они с Ильзой в такие вечера у берега на черной коряге и мечтали о будущем! О каком таком будущем могли они мечтать? Дело в том, что Ильза ждала ребенка...

Желание Игната исполнилось: Ильза родила мальчика, Доната, беленького и маленького, как крупиночка. В темной избенке, под закоптелым потолком, заскрипела гибкая колыбельная жердь.

Вечерами, убаюкивая малыша, Ильза напевала:

«Баю-баю, медвежата, ба-аю, ба-аю,
Косолапые ребята, ба-а-ю...»

Игнат, сидя на лежанке, выдалбливал для малыша мисочку из березовой чурки и потихоньку, без слов, подпевал Ильзе. Когда ребенок уснул, Игнат поднялся, положил на лежанку резец, стряхнул с ворсистых штанов белую стружку и взглянул на Ильзу.

— Ну, что? Спит?

— Уснул, — тихо ответила Ильза и легким движением руки согнала с лица ребенка муху.— Ах ты, непутевая! Никак от них не убережешься...

— Надо будет мухоловку купить,— деловито заметил Игнат. Он взял чадящий светильник и, заслоняя ладонью трепещущее пламя, поставил его на подоконник, возле некрашеной, выеденной древоточцем отцовской кровати.

— Ложись. Я пойду верши проверю...

Он надел шапку и вышел. Прохладный воздух охватил его, освежая, как воды Личупе в летний зной. Туман в речном русле нынче лежал тонким слоем, таким тонким, что не поднимался выше Игнатовых плеч. Игнату казалось, будто бредет он по мягкому заснеженному полю, по плечи увязнув в неуловимых хлопьях. Босые ноги Игната скользили по росистой траве, и сквозь туман он ощущал хмельной запах земли и цветов. И вдруг прямо перед ним вынырнула из тумана косуля, с гордо откинутой головой, высоко в воздухе распластавшись на бегу. На миг исчезла в мягком пуху тумана и вновь поднялась в воздух. Казалось, не по земле она бежит на стройных ногах, а плывет по широкому озеру тумана, то погружаясь в него, то снова всплывая на поверхность.

— Ау-у! — крикнул Игнат, ударяя в ладоши.

Берега Личупе, ели с Черного озера и дальний березняк звонко отозвались:

— Ау-у!.. Ау-у!..

— Ау-у! — крикнул Игнат еще раз, словно играя с прозрачной и звучной ночью. Его пьянила теплая роса, ощущение собственной молодости, силы и счастья. Ведь у него был сын, покуда еще маленький, беспомощный... Но он вырастет, станет рядом с отцом с киркою в руках рыть хозяйские канавы.

— Ау-у!..

Игнат перебрал верши, вынул несколько линьков и поспешил домой: утро было не за горами.

Возвратившись домой, Игнат бросил рыбу в замшелое корыто у колодца и пошел спать. Но только притронулся к выеденной древоточцем кровати, как она заскрипела, да так громко, что жена пробудилась и спросила:

— Ну как? Пусто?

— Я бросил рыбу в корыто, пусть поплавает. Одна с полкилограмма, не меньше...

Он осторожно положил прохладную ладонь на ее горячее плечо.

— Брр! — вздрогнула жена.— Какой ты холодный!

— Я видел косулю.— Почему-то Игнату захотелось поделиться своими ночными переживаниями.

— Спи, Игнат, не болтай! Вставать скоро...— заметила жена, прикрывая голову.

Игнат умолк, но сон к нему не шел. Сквозь четыре оконных стекольца — одно из них было разбито и наполовину заклеено бумагой — светила луна, бледная, как обычно перед утром, когда ее сияние сливается с серым рассветом. Лунный свет падал прямо в глаза сонному ребенку. Игнату хотелось встать и завесить колыбель полотенцем, но он побоялся снова разбудить жену. Да и не к чему, правду сказать, баловать малыша, пусть сызмальства закаляется. Вырастет — доведется и ему ночами шагать вдоль Личупе, перебирать верши... Доведется и ему ломать голову над тем, как прокормить родителей и себя. Ведь не на легкое житье родился сын канавщика: труд и лишения, болотная грязь ожидают его. Бедного будочника жизнь не кормит с рук, пропитание он добывает себе собственными мускулами. Пусть же растет и закаляется для тяжелого заступа, для хозяйской косы, для навозных вил. Недаром сказал Игнату отец, умирая: «Ты, Игнат, никому не верь. Ты живи, как я жил. И никто тебя из седла не выбросит».

Но события все же сбросили Игната с седла и швырнули в клокочущий водоворот жизни.

...Произошло это через много лет. Далеко позади остались грозные события Отечественной войны. Колхоз, где Игнат работал бригадиром, стал наконец, после нескольких лет, подниматься на ноги. И людей оттого словно объял какой-то дух беспокойства. Как, мол, долго еще прозябать в старых избенках! Давайте поселок строить!

И построили. Кое-кто тракторами подтянул туда свои домишки. Но Игнат твердо решил до конца дней своих оставаться возле темной глиняной запруды. Что уж ему на старости лет нужно! Тут тебе и Личупе, тут тебе и рыбка. Станет взрослым Донат, пусть его живет как знает, но Игнат — нет! Дело тут было, пожалуй, скорее в чувствах Игната, нежели в рас-

судке: к глиняной запруде, к полуразвалившейся избенке его сотнями невидимых нитей привязывала Личупе; привязывал луг, цветущий в теплых летних туманах; одинокий крик коростеля; косые мостки, на которых Ильза полоскала белье. Черная коряга да лозовые верши, которые в самые трудные минуты спасали семью от голода... Уйти и бросить все это? Всю жизнь, всю юность? Нет, Игнат решил никогда не делать этого. Никогда!..

Годы мчались, как молодые кони. Поселок разросся, но народу все не хватает, все ему мало! Что это, мол, за житье, если в осенние и зимние вечера приходится сидеть в полутьме при керосиновой лампе? Керосину и ламповых стекол не напасешься. Говорят, тут же по соседству другие колхозы построили собственную электростанцию. А у нас, мол, под самым носом река течет из Черного озера, а мы себе и в ус не дуем! Вот за это председателя колхоза не раз обзывали то бараньей башкой, то близорукой клушкой. Так-то вот и получилось, что на одном из общих колхозных собраний было принято решение о строительстве электростанции. Строить, конечно, не самим, а сообща с соседними колхозами.

— Ну, держись, Игнат: теперь твою будку на слом, а заместо нее электростанцию поставят,— подшучивал над своим бригадиром народ. Но Игнат на эту болтовню и внимания не обращал: какой же это олух вздумает строить электростанцию на такой крохотной речушке, как Личупе? Только совсем безмозглый человек мог бы до этого додуматься.

Точно такого же мнения был и молодой инженер Приеде, который приехал, чтобы определить место строительства электростанции. Несколькими километрами дальше брала из Черного озера начало река Звиргздупе, большая и полноводная, словно бы предназначенная для того, чтобы вращать турбины новой станции. Выбор Приеде остановился на крутых берегах Звиргздупе, неподалеку от истока. Игнат собственными ушами слышал слова инженера Приеде:

— Вот тут будем ставить плотину и строить электростанцию.

На строительстве плотины Игнат и другие колхозники трудились с утра до вечера, но дело шло не так быстро и гладко, как они надеялись вначале. То выйдет из строя бульдозер, то нет цемента, то негде раздобыть кирпич или известь. И все же дело двигалось. Через полтора года в светлом зале станции приступили к монтажу турбины, поставили столбы, протянули электропровода в каждый колхозный дом и ввинтили лампочки. Под потолком Игнатовой избенки тоже болталась лампочка, и Ильза десятки раз уже чистила ее от пыли.

Вот тогда-то и случилось то ужасное происшествие, которое окончательно выбило Игната из седла! Произошло оно внезапно, совсем так, как бывало летом: ясное небо нежданно-негаданно заволокут тучи, вспыхнет молния, и устрашающий раскат грома повергнет в трепет весь мир.

Началось все с сына Доната, который, вернувшись однажды из школы, принялся, как обычно, выкладывать последние новости.

Пересказав все, Донат вдруг спросил:

— Отец, а это правда, что нашей речки больше не будет?

— Нашей Личупе? Ты что, издеваешься? Кто же это тебе такое порассказал? — не веря своим ушам, переспросил Игнат.

— Сын инженера Даутиса. Отец ему сказал, будто на обе турбины в озере не хватит воды. Поэтому будут запружать Личупе, так что она со временем обмелеет, и рыбу можно будет просто руками вытаскивать.

— Что ты врешь! — крикнул Игнат и вскочил на ноги так стремительно, что пепел из трубки просыпался на мизинец левой руки.— Пусть только посмеют что-нибудь подобное... Пусть только посмеют!

— А что же делать, коли воды не хватает? — вдруг вмешалась в разговор Ильза, желая поддержать сына.

— Какое мое дело! Так не нужно две турбины строить! Одной хватит!

— Но свет-то ведь нужен,— настаивала Ильза. Она вязала мужу рукавицы и в волнении спустила петлю.

— В школе свет будет во всех классах,— подтвердил Донат.— И кино будут показывать... А Личупе запрудят.

Игнат что-то сердито пробурчал и выбежал из избы. Он направился прямым путем на электростанцию, чтобы повидать инженера Приеде и узнать правду. Не может же взрослый мужчина верить таким мальчишкам, как Донат и сын инженера Даутиса! Надо все разузнать самому...

Ни с того, ни с сего у Игната заболело сердце. Странно! Никогда у человека сердце не болело, а тут вдруг закололо в груди, что-то сжалось, что-то ноет. Сердце! И к чему вообще нужно человеку это самое сердце, коли никто к нему не прислушивается, коли все только разумом взвешивают, словно сердца и вовсе-то нету? Как же это можно: запрудить Личупе, ради которой он, Игнат, остался тут, не перебрался в новый поселок. Что же он будет делать тут, один, на берегу пересохшей речки, если над нею не станут больше клубиться туманы, если щуки не будут больше пускать по воде мерцающие круги, если Ильза не сумеет больше полоскать белье на покосившихся мостках возле черной коряги?

Инженера Приеде Игнат разыскал в турбинном зале. Инженер был в том прекрасном настроении, которое обычно владеет человеком после завершения большого и важного дела.

— Ну, Игнат,— ликуя, сказал Приеде,— помнишь древнее сказание о жар-птице? Сегодня вечером мы ее вытащим со дна озера! Погоди, через несколько часов приступим...

Вспомнив сказку о жар-птице, Игнат улыбнулся, но тут же снова нахмурился.

— Товарищ инженер,— голос Игната дрожал,— товарищ инженер...

— Да, Игнат, я слушаю...— рассеянно ответил инженер, занятый турбиной.— Надо еще раз все проверить, и тогда... тогда отворим шлюзы...

— А воды достаточно? — неуверенно спросил Игнат.

— Покуда хватит, а потом... что-нибудь придумаем.

— А что же... можно придумать? — не отступал Игнат.— А вдруг окажется, что воды все-таки мало? Что тогда?

Инженер Приеде улыбнулся.

— Ну, чего ты волнуешься, Игнат? Мало будет, так поставим плотину. У меня и проект уже готов.

Игнат стиснул зубы, проглотил слюну, застрявшую в горле, и сердито поглядел на инженера.

— Это какой же проект? Слышал я, собираетесь Личупе запружать?..

Инженер Приеде начал понемногу догадываться о причинах волнения старика. Он попытался ответить как можно спокойнее:

— Понимаешь ли, Игнат, режим вод Черного озера еще не полностью изучен; но мы опасаемся, что Личупе все же придется запрудить, чтобы накопить в озере побольше воды. Но это мы сделаем позднее — осенью, быть может, а может быть, даже только в будущем году. Посмотрим...

Это «посмотрим» вонзилось в сердце Игната, как раскаленное железо. Значит, все-таки не станет Личупе, не останется ничего, что незримыми узами привязало его с самого детства к берегам речки, к глиняной запруде.

— Не допущу! — крикнул Игнат, подняв кулак.— Будь что будет, но, покуда я жив, никому не позволю тронуть Личупе... Никому!

Инженер Приеде выпрямился, и его слова звучали теперь строго и сурово:

— И что ты за человек, Игнат! Ради будущего мы должны быть готовы и пожертвовать кое-чем, кое от чего отказаться...

— А я не откажусь! — воскликнул Игнат.— Ни на шаг не подамся! Не отступлю!..

Взор его затуманился; как побитый, он выбежал из светлого турбинного зала и побежал вдоль берега озера к тому месту, где брала начало его маленькая речушка. Солнце клонилось к закату, и серая тень Игната протянулась с высокого берега далеко-далеко по озеру. Он поглядел на свою движущуюся тень, и ему сделалось почти страшно: таким тощим и сгорбленным он казался нынче.

На озере кричали дикие утки. На берег певуче накатывались волны. Но Игнат не слыхал ничего. В ушах все еще звучал голос инженера Приеде: «Ради будущего!..» Какое будущее возможно для него, Игната, если все его мечты испарятся вместе с последней каплей воды, которая уйдет из запруженной Личупе? Надо было сказать с самого начала: он бы давно перебрался со своей избенкой в колхозный центр, на берег Звиргздупе. Зачем же он стал бы тут торчать один-одинешенек, как огородное пугало?

— А вот и не отступлю, ни на шаг не отступлю! — крикнул Игнат и огляделся вокруг: не подслушал ли кто его слов?

Но вблизи не было никого, кроме его собственной подвижной тени, которая все еще скользила по покрытой рябью поверхности воды, по зарослям аира, по широким листьям кувшинок.

— Никогда, никогда!.. Ни на шаг!..— громко повторил Игнат.

Путь ему преградил частый орешник, густой кустарник. Как обезумевший, Игнат продирал-

ся через них к озеру. Да не та ли это заросшая тропа, по которой в детстве, бывало, так часто пробирался он к озеру, чтобы подкараулить сказочную жар-птицу? А как же! Вот и тот самый пень, на котором он не раз сиживал, грызя орехи и поглядывая на озеро в ожидании, не опустится ли вот сейчас, сию минуту, жар-птица в мерцающую глубь.

Игнат в сердцах принялся крутить самокрутку.

Сгорбившись, Игнат долго сидел на гнилом пне, курил и мысленно шагал по путям своей трудной жизни: мало в ней было света и красоты. Но как ни странно, все светлое и красивое, что в его жизни было, все связано с Личупе. Вспомнилось ему, как Ильза родила сына, вспомнились тяжелые ночные мысли о будущем ребенка. Ему ведь тогда и в голову прийти не могло, что жизнь так круто переменится, что Донату не придется рыть хозяевам канавы, что он пойдет в школу, будет учиться... Вспомнилось Игнату, как он отгонял надоедливых мух от малыша, как ходил по ночам проверять верши, как из тумана однажды вынырнула косуля и словно уплыла по белым хлопьям в березняк. Странно, что такие пустяки глубоко врезаются в память, и даже долгие годы не могут погасить этих воспоминаний.

Когда Игнат поднял взор, солнце уже село и с востока тянулись над озером синеватые тени. Сквозь зеленую листву деревьев мерцала на небе дрожащая звездочка, мигала, как человеческий глаз, в котором застряла слезинка. Да, звезда плакала, вероятно, и звезде было грустно. И вдруг что-то сжало Игнату горло. Он упал на пень, схватился руками за голову и заплакал.

Он плакал, сам толком не зная, о чем: то ли о жизни своей, то ли о судьбе Личупе, то ли просто для того, чтобы выплакать тяжесть, лежащую на сердце. Случаются ведь в человеческой жизни минуты, когда ты и сам не знаешь, почему текут у тебя слезы из глаз, а когда выплачешь их, словно легче сделается на сердце, забываются горести и сам ты делаешься как-то яснее, крепче.

Вот так и с Игнатом: когда он поднялся, чтобы идти домой, весь мир наперекор вечернему сумраку стал словно светлее, а сам он, Игнат,— крепче, мужественней.

Неподалеку от черной коряги Донат с сыном инженера Даутиса возился с вершами. Игнат обошел их сторонкой, чтобы избежать вопросов мальчишки. Хорошо и то, что жены не было в избе. Струйка молока, звонко бившая о стенки ведер, вещала о том, что Ильза в хлеву доит корову. Игнат вошел в избу и как был, одетый, повалился на выеденную древоточцем кровать.

И вдруг во дворе закричали мальчики. С силой рванув дверь, Донат взволнованно закричал с порога:

— Папа, папа! Жар-птица вышла на берег, жар-птица!.. Скорее, погляди!..

Игнат нехотя поднялся и вышел во двор. Там были уже и Даутис и Ильза с подойником в руках. Да, над озером пылало огромное зарево — совсем как в те вечера, когда мальчик Игнат пробирался к берегу караулить таинственную птицу. Вот и вышла она из глубин во всей своей красе, и золотое ее оперение заставляет жмуриться привыкшие к мраку глаза.

Значит, турбина работает, дает свет!

— Жар-птица, жар-птица! — орали мальчишки, прыгая по двору.

— Что вы беснуетесь, озорники! — прикрикнул на них Игнат.— Шли бы лучше в избу проверить, горит ли у нас.

Мальчики вбежали в избу. И вдруг из окна на темный двор выбежал сверкающий лучик света.

— Игнат,— прошептала Ильза и, поставив подойник на траву, обняла и поцеловала Игната совсем как в молодости.

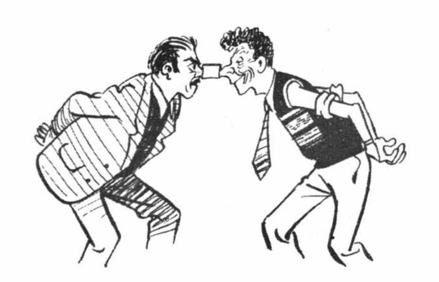
Игнат стоял в ярком луче света и не знал, что же ему делать: плакать или радоваться, как радовались все вокруг.

Перевела с латышского
М. КРУПНИКОВА.

Я НЕ ЛЮБИЛ ПОЧКАИ

Бела **ГАДОР**

Рисунок Е. Ведерникова.

Несколько лет мы работали на одном предприятии. Но уже с первой минуты я почувствовал, что не люблю Почкаи. Замечу, что начал не я. Я люблю ладить с людьми и ради этого не останавливаюсь даже перед жертвами. Я тремя годами старше Почкаи, но он всегда ждал, чтобы я первый его приветствовал. Некоторое время, встречаясь, мы в упор смотрели друг на друга и проходили мимо, не здороваясь. Позднее я несколько раз насильно заставлял себя кивать ему. Он тоже кивал, но с такой отвратительной физиономией, что в моем кармане даже раскрывался перочинный нож. И чего он такой гордый, этот тип?

Я принялся наблюдать за Почкаи. Не люблю людей, которые не умеют смеяться. А Почкаи и на совещаниях и в столовой всегда сидел с жестким, деревянным лицом: не улыбнулся бы, наверное, за все сокровища мира. Мало того, что у него отвратительная собачья голова, губы его постоянно стиснуты, как у монаха. Я не придаю значения пустым формальностям, но сколько бы раз мы ни сталкивались с Почкаи в дверях, он всегда проходил впереди меня, ему и в голову никогда не пришло пропустить сначала меня.

Представляете себе мой ужас, когда, приехав в дом отдыха, я увидел там Почкаи! Ну, вся неделя пропала! Я заметил, что и его лицо передернулось от отвращения, когда он увидел меня. Мы повернулись спинами друг к другу, и мне кажется, его сердце наполнилось такой же горечью, как и мое.

В тот день массовик собрал всех в зале. Игра была с фантами. Чтобы выручить свою автоматическую ручку, мне надо было стать посреди зала спиной к кому-то, кого я не видел. На нос мне надели пустую спичечную коробку, велели повернуться и без помощи рук нацепить коробок на нос моего соседа.

Я обернулся и увидел перед собой Почкаи. Я не мог уйти и испортить игру всем.

А на лице Почкаи мелькнула застенчивая, почти детская улыбка. Он очень старательно подставлял свой длинный собачий нос. Не знаю, пробовали ли вы насадить кому-нибудь на нос спичечный коробок без помощи рук? Это очень трудное дело: тут необходимо общее желание и ловкость обеих сторон. Надо признаться, что Почкаи очень старался, и пока он пытался воткнуть свой нос в свободный конец коробка, по лицу его расплывалась широченная улыбка.

Странно было видеть его так близко. Наши носы совсем соприкасались друг с другом. Под его глазами пролегали глубокие морщины, от которых разбегалась целая сетка мелких. Эти морщины и горькие линии вокруг рта были знаками страданий, я знаю это по своему лицу: для каждой складки у меня есть дата и имя. Однако больше всего меня поразили глаза Почкаи, два невинных детских глаза, полных искреннего усердия и желания привести к победе наше общее дело. Наконец это удалось: коробок красовался на носу у Почкаи. Публика зааплодировала, а я получил обратно свое вечное перо.

Я не стану затягивать историю. Всю неделю я провел вместе с Почкаи. Мы играли в шахматы, пинг-понг и во время длительных прогулок рассказывали друг другу истории наших жизней и морщин. Я узнал, что это человек нежный и с горячим сердцем. Конечно, тотчас же выяснилось, что Почкаи тоже считал меня эгоистом и спесивым типом. И теперь между нами завязалась самая искренняя дружба, которая разгорелась из-за обыкновенной спичечной коробки.

Перевела с венгерского
Елена **ТУМАРКИНА.**

В. П. Ефанов (Москва).

ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА И. Г. ПЕТРОВСКОГО.

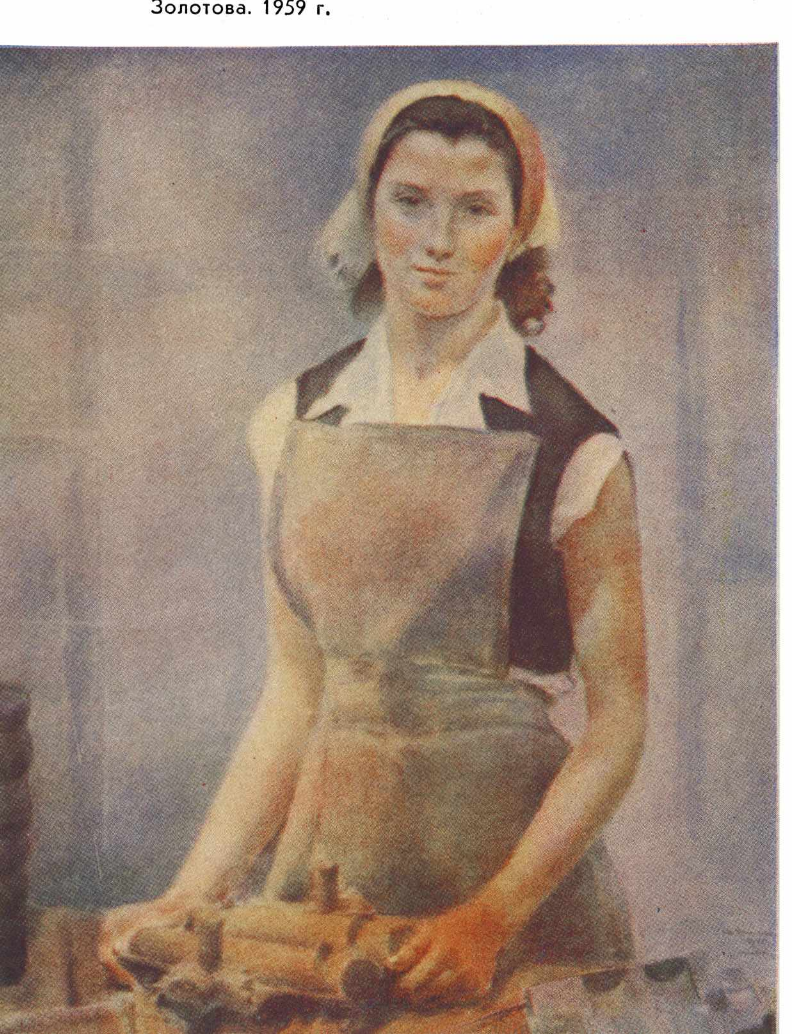

Г. Г. Нисский (Москва).

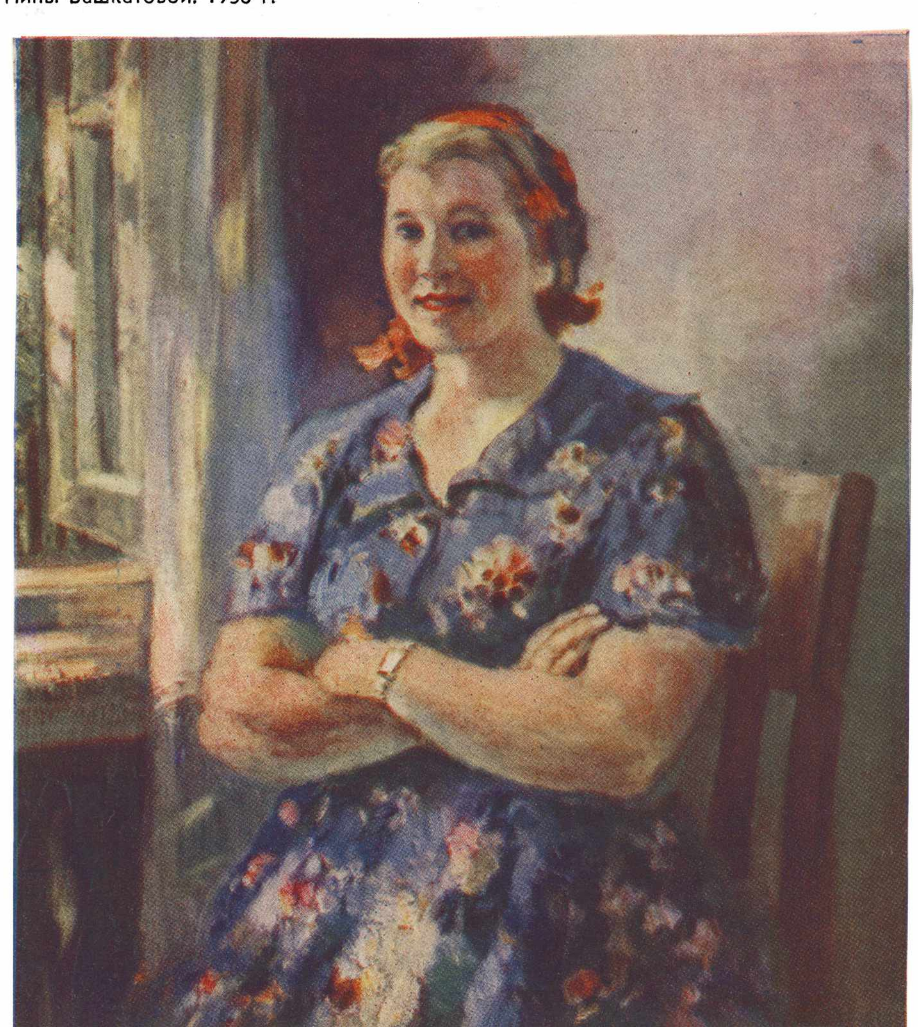
ОБХОДЧИК. 1959 **г.**

Н. М. Ромадин (Москва). ЛАДОЖСКИЙ ФИОРД. 1958 г.

Е. А. Кацман (Москва). Бригадир бригады коммунистического труда автозавода имени И. А. Лихачева Нина Золотова. 1959 г.

А. М. Герасимов (Москва). Портрет знатной доярки колхоза «Заря коммунизма» Нины Башкатовой. 1958 г.

М. М. Штраух в роли Владимира Ильича Ленина. Фильм «Рассказы о Ленине».

ВСЮ ЖИЗНЬ...

М. ТУРОВСКАЯ

...Не удивляйтесь, если встретите Максима Максимовича Штрауха не только в картинной галерее или на выставке, но и в городском суде и на шахматном турнире... Вы можете увидеть Штрауха в зале Консерватории и за кулисами — на репетиции оркестра, где он, забившись в угол, не отрываясь, следит за дирижером. И потом, играя, скажем, роль композитора Шигорина в спектакле «Концерт» А. Файко, будет дирижировать на сцене самым настоящим оркестром. Не просто взмахивать палочкой, а именно дирижировать: с отличным пониманием музыки, даже с известным блеском...

Когда перебираешь в памяти образы, созданные Штраухом, роли, сыгранные в театре и кино, невольно бросается в глаза и то, что в его обширном репертуаре почти все роли современные, и то, что они удивительно не похожи, порою даже разительно противоположны.

Штраух — актер перевоплощения. Для него каждая новая роль — это новый человек, которого нужно создать сперва в своем воображении, а затем на сцене или на экране совершенно заново, начиная от внешнего облика, кончая всем строем его мыслей.

И всегда, за всеми ролями, удавшимися и неудавшимися, «вечными» и уже забытыми, виден их создатель — Штраух, человек азартного и жадного любопытства к жизни, острой, иногда иронической мысли, настоящего публицистического темперамента. Именно этот бурный публицистический темперамент сделал Штрауха одним из активнейших создателей знаменитого фильма «Броненосец «Потемкин».

Впрочем, если уж начинать, то с начала...

Штраух родился в семье известного московского врача, но его юность была полна впечатлениями искусства. Детская дружба с Сергеем Эйзенштейном — с ним маленький Максим, девяти лет от роду, разыгрывал сцены из «Синей птицы», — потом с сыном писателя Н. Телешова, в чьем доме он встречал многих крупных литераторов и актеров; занятия музыкой и рисованием, наконец, длительное и страстное увлечение Шаляпиным — таковы были эти первые впечатления. Но очень скоро они сменились совершенно иными. Гражданскую войну Штраух провел в Красной Армии, исколесив, будучи связистом, всю страну: от Архангельска до Ташкента, от Иркутска до Севастополя.

Однажды, когда Штраух еще служил в армии, он встретил друга детства Сергея Эйзенштейна. Всю ночь юноши бродили по Москве, вспоминали прошлое, мечтали о будущем. Решено было после демобилизации посвятить себя искусству. И со всем пылом своих двадцати лет, с энтузиазмом созидателей нового друзья бросились на штурм «твердынь академизма».

Именно с Эйзенштейном связаны первые шаги Штрауха в театре и в кино.

Первой настоящей профессиональной школой для Штрауха стало участие в эйзенштейновских фильмах «Стачка», «Броненосец «Потемкин», «Октябрь».

Чтобы понять сущность и размах огромного народного движения, которое хотели отразить молодые кинематографисты, нужно было изучить труды классиков марксизма. Штраух садится за книги. Чтобы ощутить дыхание эпохи, передать размах революционных событий, надо было найти участников этих событий. Штраух находит людей, знакомится с ними, расспрашивает их. Чтобы снять центральные массовые эпизоды фильмов, нужно было подобрать исполнителей, буквально подобрать — в толпе, на улицах Одессы и Севастополя, где шли съемки картины «Броненосец «Потемкин». Ведь никаких актеров не могло хватить для этого! И Штраух учится отыскивать в толпе самые нужные, самые выразительные лица.

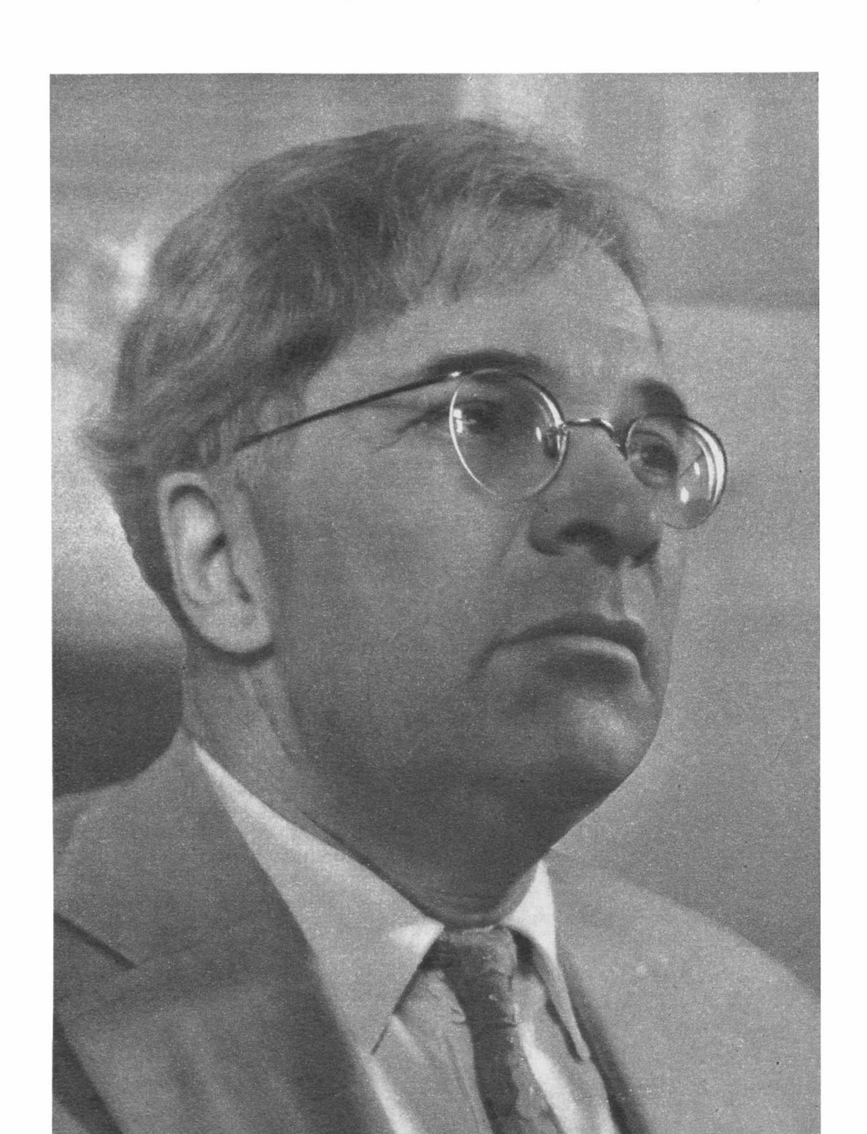
Наблюдательность, меткость глаза сделали Штрауха великолепным мастером грима. Взгляните на его беглые зарисовки: как они остры, зорки, характерны! Взгляните на его гримы: как они типичны и закончены! Штраух всегда сам создает их.

После Эйзенштейна Штраух считает своим учителем Маяковского. Не только потому, что он был первым исполнителем Победоносикова в «Бане». Не только потому, что сам Маяковский, посмотрев спектакль, написал: «Прекрасен Штраух». В творчестве Маяковского актер находил то, что казалось ему самым важным в работе художника: высокое представление «о месте поэта в рабочем строю».

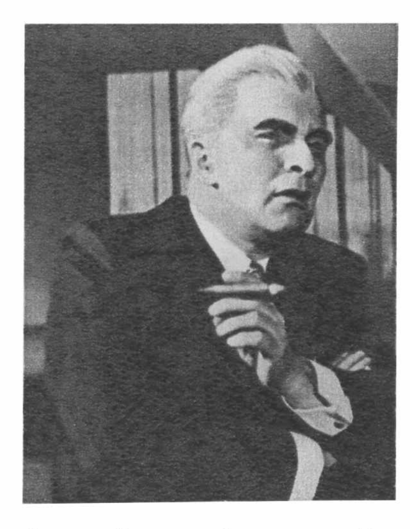
Можно много и подробно рассказывать о том, как актер, переболевший всеми «детскими болезнями» молодого советского искусства, постепенно становился актером большой и глубокой правды.

Образы людей нового мира, такие разные, несхожие, служили для Штрауха своего рода прологом к образу Ленина.

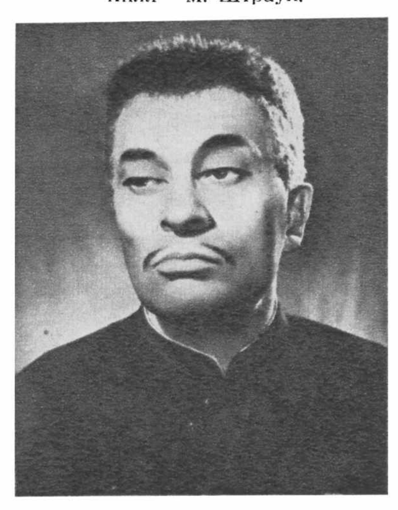
Когда в дни подготовки к двадцатилетию Октября руководитель Театра революции Н. Петров предложил Штрауху начать рабо-

← Максим Максимович Штраух. Фото И. Тункеля.

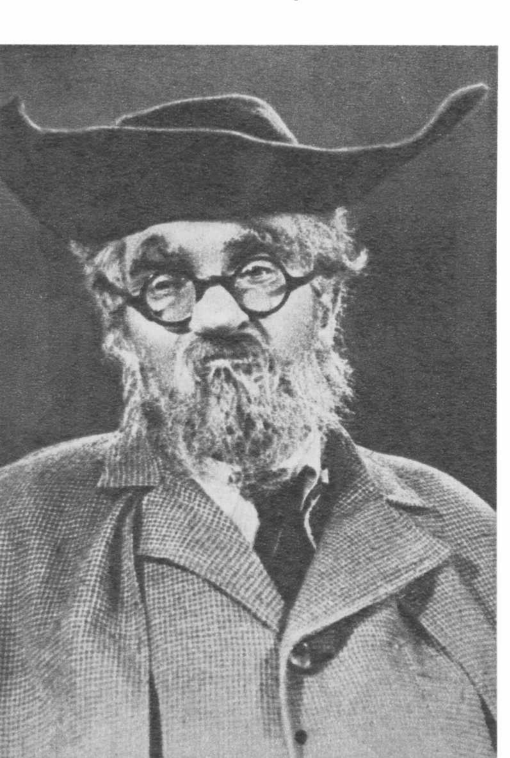
Фильм «Заговор обреченных». Мак Хилл — М. Штраух.

Сю Тин-фанг в исполнении М. Штрауха. Спектакль «Сампаны голубой реки».

М. Штраух—доктор Айболит в одноименном фильме. Вверху — эскиз грима.

ту над образом Ленина в пьесе А. Корнейчука «Правда», многие были поражены выбором режиссера. Смущало и полное отсутствие портретного сходства и то, что Штраух никогда не видел Владимира Ильича при жизни. Больше всего был изумлен этим предложением сам Штраух. Сначала он просто не поверил. Когда поверил — смутился.

Великое смятение охватило актера.

Между тем выбор режиссера был отнюдь не случаен.

— Я долго искал у себя в театре актера на роль Ленина, примерялся то к одному, то к другому,— рассказывает Петров.— И вот однажды зашел в зрительный зал, где Штраух в качестве режиссера репетировал пьесу М. Горького «Последние». Вскочив на стул, он что-то со страстью объяснял актеру, потом не выдержал, нетерпеливо махнул рукой и побежал на сцену показывать. Этот эпизод приковал мое внимание. Я стал более внимательно присматриваться к Штрауху... Актер на роль Ленина был найден!

До поры, до времени Штраух отложил в сторону текст пьесы и погрузился в изучение материалов о Ленине. На столе у актера растут стопки книг. Он жадно поглощает всю литературу, какую только может найти, о Владимире Ильиче. Он изучает жизнь революционеров-большевиков, соратников Ленина по борьбе, потому что и в их биографиях отражается Ленин.

Но и этого было мало.

— Я искал живых свидетелей, расспрашивал их, — вспоминает актер, — подолгу бродил по залам Музея Ленина, смотрел кинохронику, вглядывался в кадры. Ловил по пластинкам интонации Ленина, впитывал тембр его голоса.

Рядом с книгами на столе появляются фотографии. Штраух часами смотрит на них, стараясь постичь тайны изменений необычайно живого, подвижного, каждый раз нового ленинского лица...

Перед Штраухом снимок: политэмигранты на улице Стокгольма в 1917 году. В большой группе людей одна фигура выделяется стремительностью шага, поворотом головы. Это Ленин. А вот еще одна, более поздняя фотография: Ленин на параде. Подняв голову, Владимир Ильич смотрит на одинединственный самолет, парящий в небе: остальные на фронте...

Штраух проникается общественным темпераментом Ленина, темпераментом бойца-революционера, стараясь постичь простоту, человечность, скромность, отличающие облик вождя.

Максим Максимович по-детски радовался, когда его удачи увлекали коллектив. Работу над образом Ленина актер считал высшим этапом своей жизни в искусстве, во всей своей творческой деятельности.

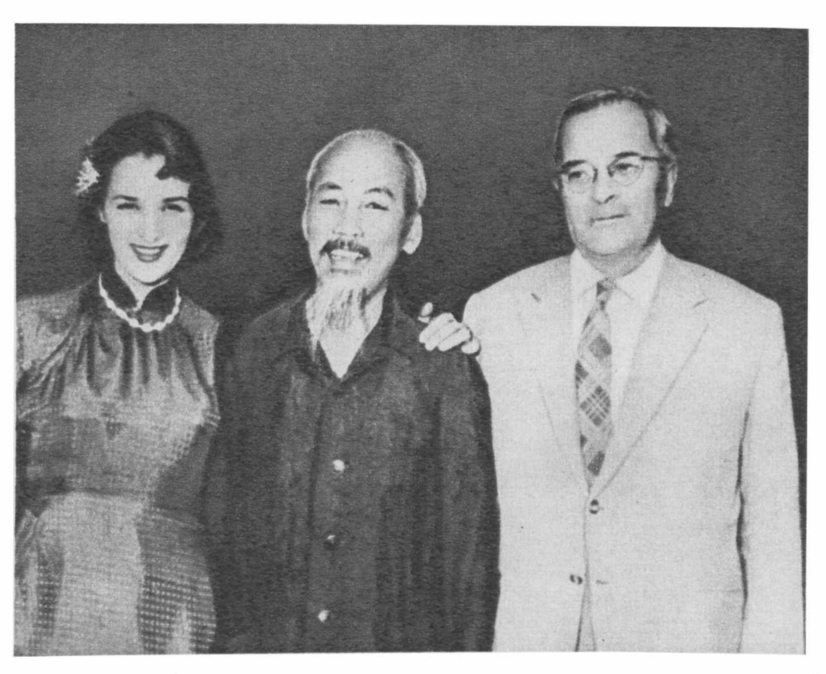
Вскоре режиссер С. Юткевич пригласил Штрауха сниматься в образе Ленина в кинофильме «Человек с ружьем» по сценарию Н. Погодина. Режиссеру и самому еще не очень понятно было, как можно осуществить на экране сложный грим, созданный актером. «Штраух отказывается, — записал С. Юткевич в дневнике, — не верит, что может получиться. Уговорил...»

И вот через двадцать лет — снова Ленин! Это значит снова тщательная и вдохновенная работа, снова поиски и бессонные ночи, снова книги и фотографии, бесконечные листки блокнотов и тетрадей, исписанные и исчерченные мелким почерком Штрауха...

«Ленин думает. Проходы на фоне природы. На фоне грозно бегущих облаков. Ленин и природа!»

Это несколько слов из письма Штрауха к Юткевичу во время съемок. Ему мало дневных часов работы на студии, где режиссер нужен всем. По ночам актер пишет режиссеру письма. И Юткевич отвечает, ибо работа захватила обоих. Она захватила всех участников съемок картины «Рассказы о Ленине».

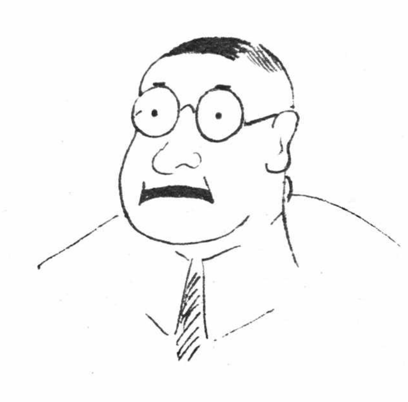
Этот фильм, образ Ленина в нем, несомненно, лучшее из того, что сделал Штраух за свою долгую и разнообразную артистическую жизнь. На экране Ленин не в кремлевском кабинете, где мы привыкли его видеть в фильмах, не в коридоре Смольного, а у себя дома, в Разливе, в Горках...

Товарищ Хо Ши Мин принимает делегацию советских киноартистов— М. М. Штрауха и Зинаиду Кириенко (ноябрь 1958 года).

Штраух играет Победоносикова в «Бане» В. В. Маяковского. Внизу — эскиз грима.

Для тех, кто даже хорошо знал Штрауха раньше по его прежним работам на сцене и в кино, исполнение роли Ленина обрело некую волнующую неожиданность. Здесь та же неукоснительная штрауховская точность в соблюдении всех внешних деталей, та же энергия и целеустремленность мысли. Но все это по-новому окрашено и растворено стихией человечности и мудрости.

Именно мудрость. Не благостная, всепрощающая и равнодушная. Мудрость широкого и ясного, всеобъемлющего и всепроникающего взгляда на жизнь. Вот то новое и волнующее, что принес сейчас Штраух в исполнение роли Ленина. Мудрость, которая дается актеру уважением и жадным интересом к благородной человеческой деятельности и возвышенной мечте, вечным беспокойством, годами раздумий, многообразным опытом жизни.

...Я в гостях у Штрауха. В его обширной библиотеке уже не хватает места для книг, журналов, папок. Они лежат на столах и стульях, на шкафах, всюду... Вырезки из десятков газет с откликами на «Рассказы о Ленине». Фотографии международного кинофестиваля в Карловых Варах, где фильм получил награду. Многочисленные письма, адресованные очень лаконично: «Москва, актеру М. Штрауху».

Одна из зрительниц пищет: «Удивительно даже, как можно было создать великий образ вождя так глубоко изнутри».

— Значит, наша мечта дошла до людей! — говорит Штраух.— Самая большая наша мечта во время работы над фильмом — показать Ленина-человека...

И если вы спросите актера, сколько времени он работал над образом Ленина в этом фильме, он ответит вам, как всегда, точно: «Шесть месяцев». А потом подумает и скажет: «Всю свою жизнь».

ЧЕРЧИЛЛЬ-младший В МОСКВЕ

Письмо лорду Бивербруку, владельцу газет «Дейли экспресс», «Санди экспресс», «Ивнинг стандард» и др.

Лорд БИВЕРБРУК
«Бивербрук ньюспейперс лимитед»

Флит-стрит
Лондон, В.-Ц.4

Сэр,
серьезные соображения дают мне право отрывать Вас от несомненно важных дел.

Речь идет о сотруднике двух Ваших газет: «Ивнинг стандард» и «Санди экспресс»,— имя которого Черчилль, Рандольф Фредерик Эдвард Спенсер. Говоря проще, о Рандольфе Черчилле, сыне бывшего премьер-министра Англии Уинстона Черчилля. Он недавно побывал в нашей стране как специальный корреспондент этих двух газет в связи с поездкой Гарольда Макмиллана.

Мысль написать Вам письмо возникла у меня после продолжительной беседы с мистером Рандольфом Черчиллем в московской гостинице «Националь». Вероятнее всего, сэр, Вам никогда не приходилось видеть и слышать, как Черчилль-младший дает интервью советскому журналисту в Москве. Поэтому некоторые детали, возможно, представят для Вас интерес.

Откровенно говоря, я не очень-то надеялся, что мне удастся получить интервью у Рандольфа Черчилля. Я полагал, что, как большинство английских корреспондентов, приехавших в нашу страну, он или сопровождает премьер-министра в его поездках, или использует каждый свободный час, чтобы познакомиться с жизнью страны, которую практически совсем не знает. Но знакомый английский журналист, к которому я обратился за советом, рассмеялся:

— Что вы, нет ничего проще, как найти Черчилля! Он безвылазно сидит в гостинице. Единственная опасность, которая вам угрожает,— застать его вдребезги пьяным. Постарайтесь побеседовать с ним днем. К вечеру Рандольф невозможен.

Черчилль принял меня в полдень. Ваш корреспондент был трезв. Возможно, мне повезло: он только что возвратился с короткой прогулки на свежем воздухе.

Мой собеседник начал говорить еще до того, как я задал первый вопрос. Он вышагивал между старинным трюмо и окном, сквозь которое были видны стены Кремля, и говорил, говорил, говорил... Приближаясь к зеркалу, он каждый раз украдкой оглядывал свою грузную фигуру, облаченную в темный костюм и канареечный жилет. Поворачиваясь к окну, он ухитрялся бросить на себя взгляд сзади.

Наконец, улучив момент, я поспешно произнес свой первый вопрос: что господина Черчилля лично интересует в Советском Союзе? Что он уже видел, что намеревается посмотреть?

— А-а! — машет рукой мой собеседник.— Ерунда! Всякие колхозы, заводы, дома, атомная электростанция — ерунда! Ничего не хочу! Все для вида. Во всем мире есть это. Могу посмотреть у себя дома. В Англии. Хоу-хоу-хоу! Не хуже.

— Зачем же вы приехали?

— Я журналист.

— Но чтобы писать, надо что-то видеть...

— Меня интересуют только люди на вершине, там! — Он кивнул головой в сторону Кремля.

— А люди на улицах вас не интересуют?

— Ерунда!

Он посмотрел на себя в зеркало. Я задал другой вопрос:

— Вы приехали, мистер Черчилль, в связи с поездкой премьер-министра Англии. Скажите, какое ваше личное мнение о путях сближения и мирного сотрудничества между нашими странами?

— Чушь! Сотрудничество между нашими странами невозможно и ненужно! Ерунда!

— Но в бытность вашего отца премьером такое сотрудничество существовало...

— Оно существовало потому, что существовал в мире парень по фамилии Гитлер. Сейчас его нет. И нам сотрудничать ни к чему!

— Значит, вас устраивает «холодная война»?

— Ерунда! Никакой войны нет. Ни горячей, ни холодной. Война — это когда убивают людей. Хоу-хоу-хоу! Я знаю.

— Испорченные нервы — это почти то же самое.

— У меня крепкие нервы! Я за себя не беспокоюсь! Повторяю, сотрудничество невозможно.

— Почему?

— Я читал, я очень много читал! Ленина, Сталина! — Черчилль сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова.— Они писали, что Россия завоюет весь мир. Как же можно сотрудничать?

— Я сомневаюсь, что вы когда-либо держали в руках книги Ленина и Сталина. Там нет ни одной подобной мысли.

— Я всегда говорю то, что знаю наверняка,— ответил мистер Черчилль, смотря на меня сверху вниз.— Оставьте нас в покое — вот единственно, о чем мы просим. Не вмешивайтесь в наши дела.

— Вместо несуществующих цитат из Ленина и Сталина можно вспомнить слова вашего батюшки. После Октябрьской революции он сказал, что посвятит всю жизнь уничтожению большевистской России. Можно еще вспомнить интервенцию.

— Хоу-хоу-хоу! — Черчилль встал в воинственную позу — выставил ногу вперед, руки заложил за спину.— Да, мой отец говорил так. Он говорил и похуже. И много раз. Он ненавидит коммунизм. И я ненавижу. И правильно!

Рандольф Черчилль подошел к окну и величественно поднял руку, указывая на Кремль.

— Вы знаете, что произойдет, если вот в это место упадет атомная бомба? Хоу-хоу-хоу! Полутора миллионов человек как не бывало. Минимум!

...Я не позвал милиционера, хотя у нас существует закон, карающий за устную или письменную пропаганду войны на территории Советского Союза. Сэр, Вы должны оценить мою выдержку.

— Да, да, я понимаю,— продолжал Черчилль,— если ваша бомба упадет на Лондон, тоже будет плохо.—Он снова посмотрел в сторону Кремля, затем резко повернулся ко мне.— Но имейте в виду, ровно через сорок три минуты, через сорок три минуты после начала войны все ваши города с населением более ста тысяч человек будут сметены с лица земли. Это мне говорил лично генерал Туайнинг. Мой друг. Очень большой человек в Штатах. Я спросил его однажды: «Слушай, Натан, я не прошу тебя выдавать военные тайны, но скажи мне, своему другу, какие города России ты собираешься уничтожить?» И Натан, мой лучший друг, ответил: «Слушай, Рандольф, было бы неэкономичным уничтожать все города у них. Мы уничтожим те, где много населения и есть промышленность. Через тридцать две минуты после нажатия кнопки они будут сравнены с землей»...

— Вы сказали, через сорок три...— заметил я.

Черчилль, Рандольф Фредерик Эдвард Спенсер посмотрел на меня свысока.

— Ерунда! Я говорю только то, что знаю наверняка.

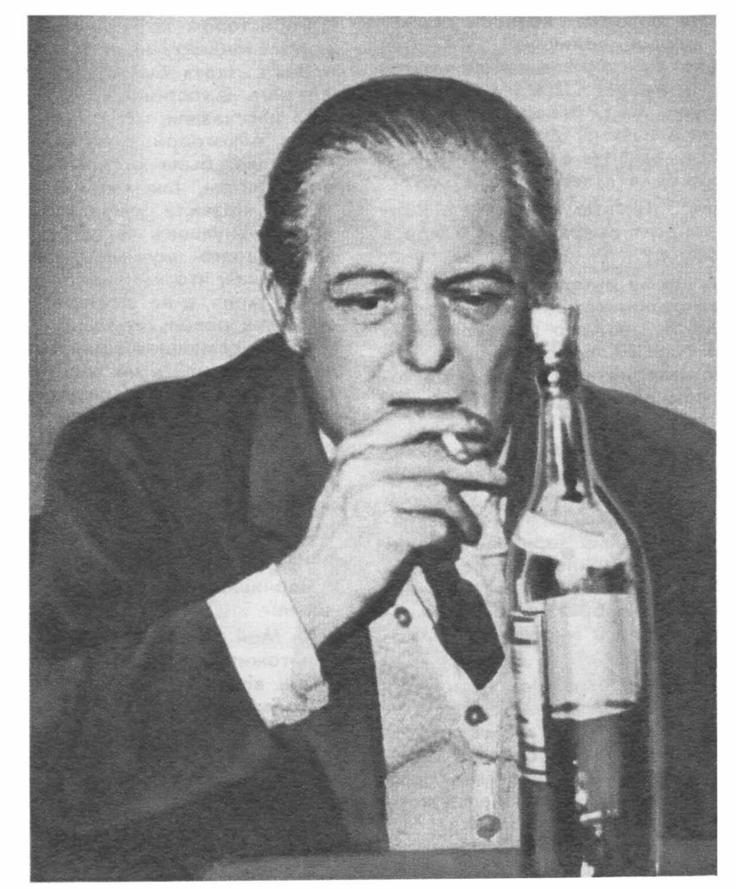
— Я успел убедиться в этом... Вы блестящий пропагандист «холодной войны», господин Черчилль.

— Хоу-хоу-хоу! Ошибаетесь. Я против войны,— произнес мой собеседник и скромно замолчал.

Мне показалось, что он испытал определенное чувство гордости, услышав мои слова.

Потом Черчилль сменил тему разговора и без особой логической связи с предыдущим начал рассказывать, как... охраняют президента Соединенных Штатов Америки. Он поведал мне, что в США существует специальная двухгодичная школа для телохранителей президента. Охранников обучают, как по внешним признакам определить в толпе, встречающей президента, психически ненормальных людей.

— Какая досада,— заметил я,— что эти образованные ребята не

Черчилль-младший в Москве за сбором фактов для своих корреспонденций.

смогли распознать умалишенного в военном ведомстве США! Бедняга Форрестол...

— Вы не смеете так говорить! — вскричал мой собеседник.— Форрестол не был сумасшедшим! Он был моим лучшим другом. Много лет. Я знаю точно. Он просто боялся нападения на США ваших самолетов, поэтому выбросился из окна...

— Вот видите, значит, и «холодная война» убивает людей.

Мистер Черчилль сел и сразу стал удивительно похож на своего отца. Лицо его побагровело.

— Ваша пропаганда довела его до этого,— сказал он.

— Наша пропаганда призывает уничтожить атомные бомбы и прекратить их испытания...

— Ерунда! — перебил Черчилль.— Чем больше будет бомб, тем лучше... для мира.

— Наши журналисты никогда не занимались подсчетами, сколько минут потребуется, чтобы уничтожить Вестминстер или Белый дом. Кстати, чем вы объясняете «невинную шутку» английского телевидения накануне отъезда в Москву Гарольда Макмиллана?

И я рассказал Черчиллю о том, как диктор телевизионной компании «Ассошиэйтед редифюжн», прервав обычные передачи, объявил, что над Лондоном находится советский спутник, снабженный водородной бомбой, «нацеленной в центр города».

— Ерунда! — ответил Черчилль.— Это шутка ваших газет, а не английского телевидения. Ставлю сто рублей против одного, что ничего этого не было в действительности. Я вернусь в Англию и узнаю.

Пари было заключено.

...Так проходило это памятное интервью, на котором, кроме меня, присутствовала еще переводчица господина Черчилля. Оно длилось очень долго — несколько часов. Примерно со второй половины беседа превратилась в сплошной воинственный монолог Вашего специального корреспондента. Трудно даже перечислить все темы, которых он касался.

Откровенно говоря, сэр, придя в редакцию и перечитав свои записи, я подумал: уж не шутка ли это? Может быть, господин Черчилль просто не очень остроумно разыгрывал меня? Вот сейчас он позвонит в редакцию и скажет, чтобы я не принимал всерьез его слова.

Но звонка не последовало...

Я принялся читать те репортажи из Советского Союза, которые мой недавний собеседник печатал в Ваших газетах. Я натолкнулся на сногсшибательную смесь невежества, легкомыслия, снобизма и злобного желания помешать смягчению напряженности между нашими странами.

Марк Твен, давая иронический совет журналистам, писал однажды: «Вначале соберите факты, а уж потом фальсифицируйте их как вам угодно». Мистер Черчилль взял этот совет за принцип своей деятельности. Но он отбросил ненужную ему первую часть. Ваш корреспондент только фальсифицирует. Факты ему не нужны.

И тогда я подумал о Вас, сэр. Зачем столь известному издателю посылать в такую ответственную поездку человека, которого не интересуют факты, который заведомо напишет ложь о стране, заведомо будет стараться принести вред сближению между государствами? И тут же я попытался объяснить сам себе: «Может быть, для лорда Бивербрука и его коллег все это неожиданность? Может быть, Черчилль-младший просто, как говорится, «сорвался»? Может быть, ранее он зарекомендовал себя как серьезный человек, отдающий свой голос политического журналиста благородной цели смягчения международной напряженности?»

И тогда я принялся читать все, что мог достать о Рандольфе Черчилле; я старался выяснить мнение о нем у его коллег — английских журналистов.

Сэр, я рискую огорчить Вас, но картина получилась неприглядная.

Прежде всего я наткнулся на речь Рандольфа Черчилля, произнесенную в Дании накануне его приезда в Советский Союз. «Необходимы ракеты, а этим ракетам необходимы атомные заряды,— сказал тогда Ваш корреспондент.— Такое оружие не может отвергнуть никто, кто уважает себя. Чем больше его в свободном мире, чем больше оно рассредоточено по территории НАТО, тем больше уверенности, что войны не будет...» Далее Черчилль-младший откровенно заявил, что ему не нравятся разговоры о смягчении напряженности.

В гостинице «Националь» он мне говорил то же самое. Значит, «срыв» произошел раньше. Когда?

Черчиллю-младшему сорок семь лет. В свое время он окончил знаменитый Итонский колледж и поступил в Оксфорд. Однако из последнего ушел, убоявшись провала на экзаменах. В 1935 году он пробовал начать политическую карьеру и дважды выставлял свою кандидатуру в палату общин. Оба раза провалился.

Попасть в парламент ему удалось только в 1940 году, когда его отец стал премьер-министром. Не успела окончиться война, а он уже кричал: «Не нужно думать, что Россия является военной державой первой величины! Имеются только две державы этой категории, а именно США и Британская империя. СССР не имеет ни флота, ни авиации... У него нет атомной бомбы... Не с фашизмом надо бороться, а с коммунизмом...»

Эти бредовые мысли Ваш корреспондент выкрикивал в Каире в 1946 году.

Во время интервью у меня были основания сомневаться в достоверности частого утверждения Черчилля: «Я говорю лишь то, что знаю наверняка». Оказывается, такое сомнение существует не только у меня.

Вы, конечно, помните, сэр, скандальную историю, которая разыгралась совсем недавно с участием Вашего специального корреспондента. Рандольф Черчилль опубликовал сенсационное интервью, которое ему якобы дал премьер-министр Великобритании... Макмиллану пришлось выступить с опровержением.

Но, может быть, Вам не известно, сэр, что сам Рандольф Черчилль, уехавший на время скандала в Монте-Карло, сидя за рюмкой коньяку в американском баре «Кафе де Пари», признался корреспонденту «Ньюс кроникл»:

— Да, действительно, премьер-министр не говорил мне этого. Я основывал все написанное на знании его характера, который я изучал более тридцати лет...

Как видите, Рандольф Черчилль не мог бы повторить слова Чайльд Гарольда: «Я не тот теперь, что был когда-то». Принципы Вашего корреспондента отличаются завидным постоянством.

В Советском Союзе Черчилль действовал именно по этому методу. Ведь, кроме своего номера в гостинице «Националь», Ваш корреспондент, как он сам говорил, ничего не видел. Впрочем, нет, он еще познакомился с гостиницей «Украина», которую назвал «общежитием, годным, быть может, для украинцев, но не для английского джентльмена».

Кстати, о джентльмене по имени Черчилль, Рандольф Фредерик Эдвард Спенсер мне поведала машинистка из «Интуриста». Эта пожилая женщина однажды пришла к Вашему корреспонденту по его просьбе: Черчилль требовал секретаря, знающего английскую машинопись. Вот ее рассказ:

«Он принял меня босиком, в расстегнутой пижаме, всклокоченный. С виду он совсем старик с торчащими в разные стороны седыми патлами, красными мертвыми глазами. Черчилль был не совсем трезв, хотя его переводчица уверяла меня, что в это время, то есть до десяти часов утра, он в течение тридцати минут после пробуждения обычно не пьет водки. Черчилль не пригласил меня в комнату, и я стояла на пороге.

— Не хочу! — сказал он резко.

— Чего не хотите? — спросила переводчица.

— Секретаря не хочу. Мне не надо! — Он осмотрел меня с ног до головы.— В СССР сто восемьдесят миллионов жителей, а «Интурист» не мог мне подыскать подходящего секретаря. Не хочу!

Я вышла. Мне было противно. Черчилль произвел на меня впечатление психически не совсем нормального».

Если говорить откровенно, сэр, мне тоже кажется, что многолетняя тесная дружба с Джеймсом Форрестолом не пошла Вашему корреспонденту на пользу.

Взять хотя бы манию преследования. В гостинице «Националь» мне рассказали, что однажды машина, в которой ехал Рандольф Черчилль, была остановлена милиционером, так как шофер нарушил правила уличного движения. Вернувшись в отель, Черчилль долго шумел, настойчиво доказывая, что «милиционер остановил меня, а не шофера и угрожал мне револьвером!».

Его болезненная воинственность тоже проявилась не только в беседе со мной. Мне рассказывали, что во время приема в английском посольстве Черчилль долго стоял у окна, устремив взор на Кремль, освещенный луной. К нему кто-то подошел и сказал:

— Не правда ли, прекрасный пейзаж?

Черчилль, не задумываясь, ответил:

— Мой шурин Сэндис[1] может уничтожить этот пейзаж в тридцать восемь минут!

— Было бы очень жаль,— заметил собеседник.

— Что-о-о?!! — На лице Черчилля выразилась крайняя степень возмущения.

Но, может быть, то, что я пишу Вам, сэр, тенденциозно подобрано? В таком случае я хотел бы привести слова английского еженедельника «Нью стэйтсмен энд Нэйшн», напечатанные в номере от 28 апреля 1956 года: «Сэр Уинстон Черчилль принадлежит истории и не будет забыт, пока народы, говорящие по-английски, и т. д., и т. д.; в то время, как его сын оказался неудачником в политике, каперствующим журналистом в литературе, надоедливым буяном в обществе — одним словом, затруднением для своих друзей, подарком для своих врагов».

Один известный английский журналист, у которого я спросил, в чем специализируется Рандольф Черчилль, ответил: «В своем отце.— И добавил: — Рандольф унаследовал от него только ненависть к Советской России, остальные качества родителя в сыне отсутствуют совершенно».

Надеюсь, сэр, Вы понимаете, что о самом Рандольфе Черчилле всерьез можно говорить разве только с точки зрения пивоварения. Журналист Рандольф Черчилль не стоит времени, потраченного на это письмо. Но есть одна маленькая деталь: свои бредовые репортажи он подписывает фамилией, которая досталась ему в наследство от отца. И эта подпись придает его статьям популярность среди рядовых читателей.

Я знаю, сэр, что Вы придерживаетесь иных взглядов на вещи, чем Рандольф Черчилль, поэтому у меня складывается такое впечатление: вы держите в числе своих сотрудников Черчилля-младшего только ради спроса на его имя. Только по этой причине Вы и Ваши коллеги доверили Рандольфу Черчиллю освещать поездку Макмиллана в нашу страну.

Но есть мудрая французская пословица: кто получает выгоду от преступления, виновен в нем. А я глубоко убежден: то, что делает Черчилль-младший, является преступлением. Против читателя, против правды, наконец, против элементарных норм журналистики.

Во многих странах за Рандольфом Черчиллем укрепилась кличка «enfant terrible»—«капризный ребенок». Не опасно ли давать в руки этому перезрелому младенцу такую серьезную игрушку, как перо журналиста?

Сэр, я направляю Вам письмо открытым путем, так как, возможно, оно представляет интерес не только для Вас.

Мы верим, что, несмотря на старания людей, подобных Рандольфу Черчиллю, поездка премьер-министра Англии Гарольда Макмиллана в Советский Союз принесла свою пользу и встречи советских и английских руководителей помогут растопить лед в отношениях между нашими странами.

Примите уверения в искреннем моем уважении

Генрих БОРОВИК,
корреспондент «Огонька».

Москва, улица «Правды», 24.

P. S. Если Вас не затруднит, сэр, будьте любезны передать мистеру Рандольфу Черчиллю, что сумму, проигранную мне на пари, он может использовать для учреждения фонда помощи журналистам, привлеченным к ответственности за дезинформацию.

---

[1] Данкэн Сэндис — министр обороны Англии.

Кубок президента

Летом прошлого года во время дружеского визита в Советский Союз президент Финляндии У. Кекконен посетил Свердловск. Здесь он оставил переходящий кубок, с тем чтобы зимой его вручили лучшей конькобежной команде города

В Свердловске состоялись массовые конькобежные соревнования на кубок президента Финляндии.

На снимке: команда конькобежцев спортивного общества «Динамо», выигравшая кубок.

Фото И. Тюфякова.

Свердловск.

На вершине вулкана

Группа альпинистов совершила восхождение на труднейшую вершину Камчатки — вулкан Камень.

Издали Камень напоминает пирамиду. Северо-западный его склон достигает большой крутизны, покрыт толстым льдом и часто громыхает лавинами. Восхождение возможно лишь с юго-запада.

Среди местных жителей Камень считался неприступной вершиной, но мы, альпинисты, не разделяли этого мнения.

Нас шестеро — люди разных профессий: М. Яськин — охотовед, З. Иванова — преподавательница географии, Г. Иванов — шофер, Ф. Челноков — зоотехник, фотограф С. Трубицын и автор этих строк.

Караван тронулся в путь. Густой лес из тридцатиметровых лиственниц сменяется березой и елью. Появились альпийские луга.

Вскоре нас овевает свежий ветер. Мы вплотную приблизились к Ключевой группе вулканов. Здесь древние, покрытые льдом вулканы стоят рядом с действующими. Погода не благоприятствовала нам: туман застилал путь.

На третий день нам удалось подойти вплотную к седловине между Камнем и Безымянной, где предполагалось разбить лагерь. Под тонким слоем пепла скрывается лед. Лошади падают. Ветер, подувший со стороны вулкана, несет резкий запах серы. Туман плотным слоем покрывает нас. Идет дождь. Среди хаотического нагромождения скал мы не сразу нашли небольшую площадку для лагеря. Лошадей отправили обратно, и наша связь с миром прервалась.

...Мы уже давно готовы к штурму, но неблагоприятная погода ограничила наши действия «разведкой боем». Лишь через неделю нам удалось организовать промежуточный лагерь на соседнем гребне. Но непогода преследовала нас и здесь. С вечера подул ветер ураганной силы.

На вершине вулкана Камень (Камчатка). Участники восхождения (слева направо): Г. Моравец, З. Иванова, Г. Иванов, М. Яськин, Ф. Челноков.

Фото С. Трубицына.

Еще через день мы прошли участок камнеопасных скал. Наступило похолодание. За час проходили не более ста метров.

Следующий день выдался ясным. Мы двинулись в гору, и туман, столько дней мешавший нам, остался теперь далеко внизу. Решили идти на последний штурм. Показались очертания кратера Ключевской сопки.

Вершина, о которой мы мечтали несколько лет и к которой непрерывно стремились последние 12 дней, была перед нами. Право первой взойти на нее мы предоставили единственной девушке в нашем коллективе — Зое Ивановой. На мгновение она скрывается за выступом, лишь белая змейка веревки вьется ей вслед. И вот она уже машет рукой. Вершина взята! Один за другим поднимаются остальные. Громкое «Ура!» потрясает воздух, и кажется, оно летит над всеми камчатскими просторами, разнося весть о победе.

Перед нами огромный дымящийся конус Ключевской сопки и сияющие ледники вокруг. На вершине мы пробыли не более получаса. Сфотографировались. Сложили тур, куда, по обычаю, вложили памятную записку о первовосхождении и вымпел.

...Экспедиция закончилась. Она выполнила свою задачу. Покорена труднейшая вершина Камчатки высотой 4 617 метров.

Г. МОРАВЕЦ,
инструктор альпинизма.

Камчатка.

Ростовская команда перед весной

В Ростове-на-Дону горячо любят футбол — красивую и увлекательную игру. На главной магистрали города — улице имени Энгельса, около Дома физкультуры и Шахматного клуба, собираются группы любителей футбола — «клубы болельщиков». Здесь можно получить любую справку о составе команды, о результате игры, о тактике и о технических терминах.

Известно, что ростовская команда СКВО в Тбилиси, где происходила финальная пулька, завоевала право играть в текущем году в классе «А». Ростовчане устроили массовую встречу победителям. К моменту прихода поезда из Тбилиси тысячи жителей города заполнили привокзальную площадь и буквально засыпали своих любимцев цветами.

Сейчас город готовится к большому футболу. Готовится и стадион, на котором будут проходить встречи команд класса «А». Старый стадион уже не вмещает всех любителей футбола. А ведь в этом году желающих будет гораздо больше. Сотни ростовчан, и в первую очередь физкультурники завода «Ростсельмаш», выходят после работы на субботники по реконструкции стадиона.

Все с нетерпением ждут весны, когда ростовские спортсмены вступят в борьбу с сильнейшими коллективами страны, а ростовчане увидят первоклассный футбол в игре «Спартака», «Динамо», «Торпедо», «Локомотива» и других команд.

В. ЗАХАРОВ

Ростов-на-Дону.

Ростовская-на-Дону футбольная команда СКВО, завоевавшая право в 1959 году выступать в группе сильнейших команд страны (справа налево): А. Бочаров, В. Киктев, А. Гущин, А. Павлов, В. Швец, В. Гейзер, Ю. Коваленко, А. Чертков, Е. Волченков, Ю. Мосалёв и Н. Манчин.

Фото Ю. Беловолова.

Смертная казнь за футбол

...Феодалы, церковники, купцы наперебой требовали от английского короля запретить «выдумку дьявола», «бесовское радение» — так они называли футбол. Эта народная забава казалась слишком беспокойной и опасной: футбол сплачивал людей, частенько под предлогом игры в футбол за пределами города собирались недовольные...

Выполняя волю феодалов, король Эдуард II в 1313 году запретил игру в футбол в пределах города. В королевском указе футбол был назван «беснованием с большим мячом». После этого игры стали проводиться на пустырях за городом — подальше от королевских шерифов и стражников. Сохранилось постановление одного королевского шерифа, в котором он присудил к штрафу и тюремному заключению двух ремесленников за то, что они, «...собравшись с неизвестными злоумышленниками в количестве около ста человек, играли самым незаконным образом в известную противозаконную игру с мячом, именуемую футболом, посредством которой между ними произошло побоище...»

В 1349 году король Эдуард III указал шерифам на то, что «стрельба из лука заброшена из-за бесполезных и беззаконных игр в футбол». В 1389 году футбол запретил Ричард II, приравнявший эту игру к теннису. За игру в футбол были установлены суровые наказания, вплоть до смертной казни! Неоднократно англичане подавали королям петиции с просьбой отменить запрет, но запрещение подтвердили в 1399 и 1401 годах Генрих IV, в 1413 году — Генрих V, в 1449 и 1451 годах — Генрих VI, в 1471 году — Эдуард IV, в 1491 году — Генрих VII, а Генрих VIII издал указ о наказании не только игроков, но и владельцев домов и полей, близ которых играли в футбол.

Только через столетие короли и министры сочли, что гораздо лучше будет, если народ займется футболом, чем политикой и восстаниями. В 1603 году запрет на футбол был наконец снят.

К. АЛЕБАСТРОВ,
тренер по футболу.
г. Иваново.

Команда королей, запрещавшая футбол...
Рис. Б. Жутовского.

Интервью «Огонька»

ЧАСЫ В СЕМИЛЕТКЕ

С. В. ТАРАСОВ,
главный инженер Научно-исследовательского института часовой промышленности

— Который час?
Как часто слышим мы этот вопрос! И люди, которых спрашивают, привычно вскинув руку, любезно сообщают время.

Если взглянуть на циферблаты их часов, мы сможем прочитать написанные маленькими буквами слова: «Победа» или «Заря», «Москва» или «Кировские», «Эра» или «Волга». Это все марки наших отечественных часов.

В марте советской часовой промышленности исполняется тридцать лет. За сравнительно короткий срок (в Швейцарии часовое производство существует сотни лет) наши часовых дел мастера добились огромных успехов. Ежегодно они выпускают двадцать пять миллионов часов.

Корреспондент «Огонька» побывал в Научно-исследовательском институте часовой промышленности. Вот что рассказал нам главный инженер Сергей Васильевич Тарасов.

Советский Союз вышел на третье место в мире по количеству всех выпускаемых часов и на второе место, уступив только Швейцарии, по производству наручных часов. Но время мчится вперед, и семилетний план выдвигает новые задачи: полностью удовлетворить потребности нашей промышленности и советских людей в часах и часовых механизмах, выпустить в 1965 году более 35 миллионов точных, высококачественных, красиво оформленных часов.

Какими же часами порадуют нас в предстоящие семь лет мастера точного времени?

Скажем сразу: часов будет очень много, на любой вкус, на любой спрос — карманные и наручные, золотые и позолоченные, с цветными циферблатами, со светящимися стрелками, круглые, продолговатые, квадратные и даже треугольные.

Будут и часы с календарем. Взглянув на них, узнаешь не только время, но и число, месяц, день недели. Тот, кто по рассеянности забывает регулярно на ночь или с утра заводить свои часы, приобретет часы с автоматическим подзаводом. Они заводятся сами, от движения руки. Для врачей и ученых выпускаются часы с секундомером, а для любителей спортивных состязаний будут выпущены часы с двухстрелочными секундомерами. Наши полярники уже могут узнавать время по особым часам «Антарктида», циферблат которых разделен на 24 часа.

Никто не будет забыт: ни почтенные юбиляры, для которых изготовят дорогие уникальные часы «Подарочные», ни подростки, для которых предназначены дешевые, на семи камнях часы «Ученические». Огромный выбор будет и у ценительниц всего изящного и красивого — у наших советских женщин.

С каждым годом совершенствуется технология производства часов. Создаются автоматические линии. Станки-автоматы и ультразвуковые установки заменяют человеческие руки в сложных и трудоемких операциях. Одним из крупнейших достижений является создание нового сборочного конвейера оригинальной конструкции, оснащенного приборами объективного контроля. Если раньше сборка часов производилась на глазок и качество ее целиком зависело от опыта и квалификации сборщика, то теперь большинство операций выполняют и контролируют сложные электронные приборы.

Семилетний план предусматривает еще более широкое проведение комплексной механизации и автоматизации трудовых процессов, применение в часовой промышленности новых, более совершенных методов обработки деталей механизмов и корпусов, в частности алмазного точения.

Казалось бы, принцип работы наших современных часов вечен и неизменен. Лучшие часовые механизмы показывают время с точностью до одной секунды в сутки и справедливо считаются верхом совершенства. Но есть люди, которым часы, вызывающие наше законное восхищение, кажутся устарелыми. Это изобретатели, искатели. Мысль их никогда не останавливается на достигнутом. Вот и сейчас они думают о создании бесконтактных электрочасов, работающих от крошечной батарейки. Менять ее придется не чаще чем раз в год. Уже сконструированы модели таких стенных и настольных часов. Но недалеко то время, когда появятся и наручные бесконтактные электрочасы.

Инженеры работают также над созданием часов, получающих энергию от солнечного света или от света простой электрической лампы. В их корпус вмонтирован фотоэлемент, который питает и подзаряжает электробатарейку. Такие часы в течение многих лет будут идти без всякого вмешательства человека.

Советские мастера точного времени сделали свой вклад и в освоение космических пространств.

3 января весь мир облетело сообщение о запуске космической ракеты в сторону Луны. В определенный момент ракета выпустила натриевое облако — искусственную комету. Основой электронного устройства, заставившего сработать испаритель натрия, были кварцевые часы. Источником хода в таких часах являются колебания кварцевой пластинки, что обеспечивает их высокую точность.

А теперь оставим на минуту — другую свои дела в 1959 году и мысленно перенесемся в год 1965-й.

Утром вам звонят по телефону и говорят, что в четыре часа вас ждут на заседание. Вам незачем держать это сообщение в памяти или делать заметки на листочках бумаги. Достаточно покрутить головку наручных часов, и тогда... ровно без четверти четыре часы мелодичным звоном возвестят, что вам надо собираться. Если же вы захотите, чтобы вам напомнили о каком-нибудь событии более интимно, то часы не будут звонить, а тихонько постучат по руке: пора, мол!

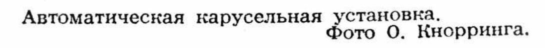
Такие часы с сигнальными устройствами — таймеры — станут в скором будущем нашими надежными помощниками.

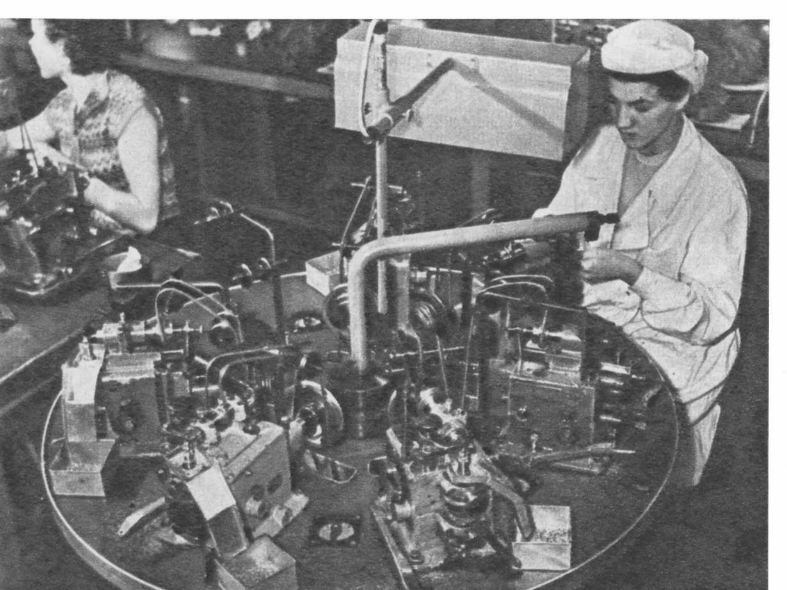
Вот еще один часовой механизм будущего — реле времени.

Представьте себе, что хозяйка утром, перед уходом на работу, поставила на плиту обед. Дождаться, пока он сварится, у нее нет времени. Как быть? Очень просто: надо сделать заказ реле времени, и оно в точно указанный момент выключит плиту. Однако обед должен не только свариться, но и быть горячим, когда все члены семьи соберутся к столу. Реле времени получает еще один приказ: включить плиту, ну, хотя бы без десяти шесть. И оно выполнит этот приказ. Или, прочитав программу, вы пожелали послушать радиопередачу, которая состоится через несколько часов. Вы делаете заказ реле времени и можете больше ни о чем не беспокоиться. В нужный час оно само включит радиоприемник, настроит его на заданную волну и пригласит вас прослушать передачу.

Среди десятков автоматов, которые окружат человека на производстве и в быту, реле времени займет важное место. Они будут точно и четко выполнять задания человека. И как сегодня мы не можем обойтись без обычных часов, так в будущем мы постоянно будем прибегать к услугам замечательных новых часовых механизмов.

...Всего лишь на две минуты отлучились мы из 1959 года. И раз уж мы говорим о часах, то можем сообщить, что за эти две минуты с конвейеров часовых заводов страны сошло более трехсот пятидесяти штук часов.

Автоматическая карусельная установка.
Фото О. Кнорринга.

ОТ КРАЯ

Анатолий Яковлевич Придня и Элеонора Сергеевна Иванова с дочкой Галей.
Фото А. Худякова.

Подарок новорожденной Гале

В конце прошлого года в Сочи гостила делегация английского города-курорта Челтенхэма во главе с мэром Чарльзом Ирвингом. Посетив родильный дом, гости передали для ребенка, который родился в этот день первым, серебряную ложечку — подарок миссис Несты Лейн, жительницы Челтенхэма. Ложечка досталась новорожденной Галочке, дочери Элеоноры Сергеевны Ивановой и Анатолия Яковлевича Придни — постоянных жителей Сочи.

Через полтора месяца после отъезда английских гостей на имя Э. С. Ивановой пришло письмо от миссис Несты Лейн.

«Дорогой друг! — говорится в нем.— Я послала вашему малышу серебряную ложечку. Надеюсь, что вы, и ваш малыш, и вся ваша семья чувствуют себя хорошо.

Мой муж и ребенок погибли в войну от немецкой бомбы... Жители Челтенхэма понимают вас, русских людей, еще лучше с тех пор, как наш мэр посетил вас. Русские знают, какие ужасные беды приносит война. Это никогда не должно повториться, никогда! Я хочу быть крестной матерью вашего малыша, как водится у нас в стране. Я часто думаю о вас, вашем малыше, вашем муже, обо всех ваших людях и посылаю вам свои добрые пожелания!..»

Элеонора Иванова ответила Несте Лейн:

«Дорогой мой английский друг! Я благодарна вам за теплое, сердечное письмо. Вы пишете, что ваш муж и ребенок погибли от немецкой бомбы. Защищая Родину от фашистов, сложили головы и многие мои родственники. Мы, женщины всех народов, должны быть в первых рядах борцов за мир. Пусть таких женщин, как вы, мужественных и благородных, будет в Англии еще больше.

Я, мой муж и дочурка, ваша крестница, чувствуем себя хорошо... В честь ее рождения и в память пребывания у нас английских друзей из Челтенхэма мы с мужем посадили куст хризантем. Они будут цвести под нашим окном.

Я заканчиваю свое письмо словами искренней дружбы к вам. Пусть наша дружба будет крепкой, как наша любовь к детям, к миру!»

И. ЗАЙЦЕВ

Яхта с золотым парусом

Еще совсем недавно эта малахитовая яхта с золотым парусом, созданная руками искусных итальянских ювелиров, принадлежала муниципалитету города Генуи. Сейчас она «перекочевала» в город на Неве и стоит на письменном столе у известного советского спортсмена, студента Института физической культуры Владимира Куца. Как же Куц стал обладателем этой малахитовой яхты?

По установившейся традиции муниципалитет города Генуи, уроженцем которого, как известно, был Христофор Колумб, ежегодно присуждает приз лучшему спортсмену мира. Таким спортсменом в 1957 году оказался Владимир Куц. Он установил в Риме мировой рекорд в беге на 5 тысяч метров. Муниципалитет итальянского города Генуи удостоил почетного приза Владимира Куца.

К. СМИРНОВА

Фото Б. Уткина.

ДО КРАЯ

Все вокруг из пластмассы

Если у вас появилось желание ознакомиться с новым в строительной технике, займите место в кресле на выставке «Пластические массы в строительном деле ГДР» и оглянитесь вокруг себя.

Сиденье вашего удобного кресла обтянуто вместо ткани пластическим материалом. Спинка его сделана из пенистой резины. Вам бросятся в глаза красиво оформленные люстры, гроздями свисающие с потолка, окрашенные в яркие и светлые тона. Они сделаны из мягкого поливинилхлорида — термопластического вещества. Декоративная пленка, представленная многокрасочными образцами, также обращает на себя внимание посетителей выставки.

Прочное место завоевали пластмассы в Хойерсверде — одном из самых молодых социалистических городов ГДР. Об этом говорят экспонированные на выставке ванная комната и кухня. Сколько для их устройства еще недавно расходовалось металла, и главным образом цветного,— почти сто шестьдесят пять килограммов на каждую квартиру! А здесь мы видим водопроводные краны, соединения труб и сами трубы, сделанные из пластмасс. Показанная на выставке ванна из пластмассы весит семь килограммов, а металлическая ванна — не менее восьмидесяти килограммов.

А вот глакрезит — соединение особого вида смолы и стеклянного волокна, спрессованных вместе. Материал этот трудно воспламеняется, не деформируется, устойчив против влияния погоды, мало теплопроводен. На выставке показаны оконные переплеты из глакрезита, дающие огромную экономию древесины.

Пластические массы находят богатое применение не только в оформлении жилья, но и на самой строительной площадке. Мягкие, гибкие «кавекан-трубы» можно укладывать так же, как телефонный кабель. Они изготовляются из рукавов, сделанных из поливинилхлорида, между рукавами для прочности проложена водонепроницаемая лента. У таких труб нет швов и соединительных частей, и поэтому в них не может быть вредных сточных отложений.

Посмотрите вверх, туда, где экспонируются стены домов, крыши. Вы увидите трубы и водосточные желоба, сделанные из окрашенного поливинилхлоридного материала. Они не подвергаются воздействиям погоды.

Германская Демократическая Республика открыла эту выставку в Москве в связи с XXI съездом КПСС.

Делегация Социалистической единой партии Германии преподнесла выставку в дар советскому народу.

Вернер **ГОЛЬДШТАЙН**,
немецкий журналист.

Посетители осматривают автомобиль завода «Цвикау». Корпус машины сделан из пластмассы.

Фото И. Теренина.

ВОДА ДЕЛАЕТ ПРОВОЛОКУ

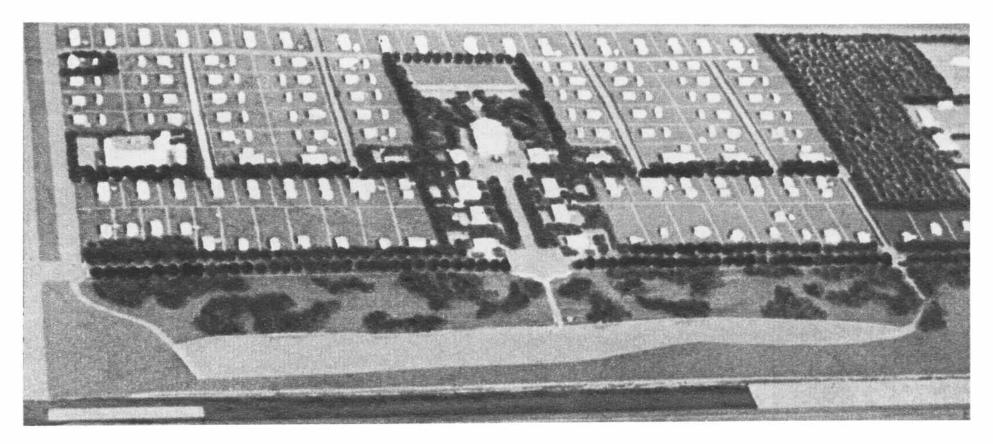
Многие, вероятно, видели, как делается проволока. Шурша и позванивая, разматывается огромная катушка, на которую намотана толстая проволока. Разматываясь с одной катушки, она наматывается на другую. И так много, много раз. На пути между катушками проволока протаскивается через стальные каналы с суживающимся отверстием, уплотняется, делается все тоньше.

Таков один из распространенных в промышленности способов получения проволоки — волочение. При таком изготовлении тело проволоки так «утрамбовано», так напряжено, что нередко лопается, рвется, ломается. Чтобы она стала мягче, пластичнее, проволоку разогревают.

Научные сотрудники Института физики сверхвысоких давлений Академии наук СССР во главе с профессором Л. Ф. Верещагиным разработали иной способ изготовления проволоки. Проволока выдавливается через небольшое отверстие при помощи воды, сжатой до 8 тысяч атмосфер. Сжатие устраняет внутренние дефекты металла, упорядочивает все его «клеточки», а вода как бы рассасывает поверхностные повреждения.

При таком способе проволока и без нагревания становится твердой и пластичной. Она вдвое прочнее проволоки, полученной обычным путем.

Инженер И. **РАДУНСКАЯ**

Генеральный план застройки колхоза «Путь Ильича», Клинского района, Московской области.

Генеральный план застройки колхоза

— Вам в колхоз «Путь Ильича»? Прямо по шоссе. Впрочем, я тоже туда. Приглашаю попутчика в автомобиль.

— Вы что же, насчет реконструкции или по другим делам? — спрашивает он.

— Какая реконструкция?

— Как же! Весь наш колхоз по-новому застраивается, на городской манер.

Этот разговор, происходивший недавно на одной из подмосковных дорог, привел нас в институт «Мособлпроект», где разработан генеральный план застройки колхоза «Путь Ильича», Клинского района.

Тринадцать селений объединяет колхоз, сотни разнокалиберных, разномастных построек. Впрочем, оно и понятно. Ведь строили прежде кое-как, каждый хозяин по своему вкусу и возможности.

Но вот в прошлом году в Клинский райком партии приехали проектировщики «Мособлпроекта». Пригласили на совещание председателей колхозов, порешили: «Будем строиться по-новому».

Как же будет выглядеть колхоз «Путь Ильича» после реконструкции?

Производственные постройки выносятся из жилого района на окраину села и будут отделены от него небольшим парком.

На каждой усадьбе будут расположены дом, хозяйственная постройка, принадлежащие колхозным семьям. По центру протянется зеленый бульвар. Рядом с ним будет стадион. Правление колхоза, Дом культуры, магазин, ясли и детский сад, столовая, почта и телеграф, баня, медицинский пункт составят ансамбль общественных зданий.

Предусмотрены электрическое освещение, водопровод.

Хороший пример колхозников столичной области подхвачен в Молдавии. Для села Чобручи, население которого превышает восемь тысяч человек, институтом «Молгипрострой» разработан генеральный план застройки.

Центром Чобручи избран колхозный Дом культуры. На площади в двенадцать гектаров будет разбит парк со стадионом, плавательным бассейном. Неподалеку уже строится широкоэкранный кинотеатр.

К. **БОТОВ**.

Восемьдесят два «Витязя»

Пожарный инспектор Вахтанг Антонович Асланишвили славится среди тбилисцев не только энергичным тушением пожаров. Его часто можно встретить в книжных палатках, у букинистов, в длинных очередях к магазину подписных изданий.

Более 7 тысяч книг уже заселяют шкафы и полки его маленькой квартиры, угрожая скоро вытеснить на веранду самого хозяина. Каждая книга дорога посвоему, но особенно дороги Вахтангу Антоновичу 82 тома, обитающие на одной полке.

Собственно говоря, во всех этих 82 томах — «Витязь в тигровой шкуре». Поэма Шота Руставели написана, как известно, более семи столетий тому назад. К сожалению, на полке пустует пока место, которое отведено самому первому печатному изданию (1712 года) в первой национальной грузинской типографии.

Вскоре после появления этой книги типография была разгромлена. Но «Витязь» нашел себе пристанище в Петербурге, трижды появлялся он в печати в 1841—1860 годах.

Этими книгами и начата коллекция Асланишвили.

Не скоро, однако, довелось замечательной поэме вернуться на свою родину. Кроме Петербурга, ее издают в Москве, в русской типографии Сурикова. А в Тифлисе лишь переписывают от руки.

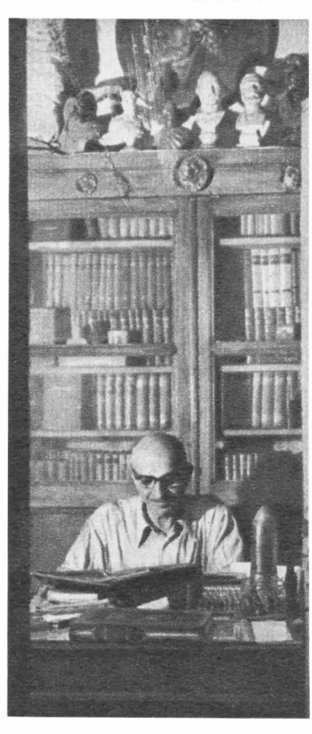
Вахтанг Антонович снимает с полки рукопись, которой без малого сто лет. Пожелтевшие страницы, полудетский почерк. Ученик Тифлисской духовной семинарии Карапет Асланов на последней странице просит у читателя прощения, что писал некрасиво: света не хватало у него.

Но вот снова тифлисские «Витязи», по внешнему облику далеко ушедшие от первенца, выпущенного здесь полтораста лет назад. Иные из них снабжены иллюстрациями Зичи. А кто это выстроился рядом в скромных «доспехах»? Выходцы из Кутаиси, Батуми, Озургети (ныне г. Махарадзе), Ахали Сенаки (ныне г. Миха Цхакая). Ведь поэму Руставели печатали и в маленьких грузинских городках. Вахтанг Антонович собрал почти все дореволюционные провинциальные издания. Не хватало только второго, батумского. После долгих поисков он на днях нашел его и водворил на полку.

Вот первый перевод Руставели на немецкий язык. Он сделан тифлисским горожанином, другом Ильи Чавчавадзе Артуром Лейстом, издан в Лейпциге в 1889 году. Еще одно переводное издание Шота Руставели — на английском языке. Этот перевод сделала долго жившая в Тифлисе и хорошо изучившая грузинский язык сестра английского консула Марджори Уэрдроп.

Есть здесь первое советское издание поэмы на русском языке в переводе К. Бальмонта, издание для юношества в переводе Н. Заболоцкого. Затем четыре книги на украинском языке, очень хорошее азербайджанское издание, «Витязь» на киргизском языке, на осетинском...

— Эту книгу привез мне из Китая поэт Хута Берулава,— показывает китайского «Витязя» Вахтанг Антонович.— А эту подарил побывавший в Румынии профессор Г. Маруашвили. Любовно издали Руставели наши румынские друзья...

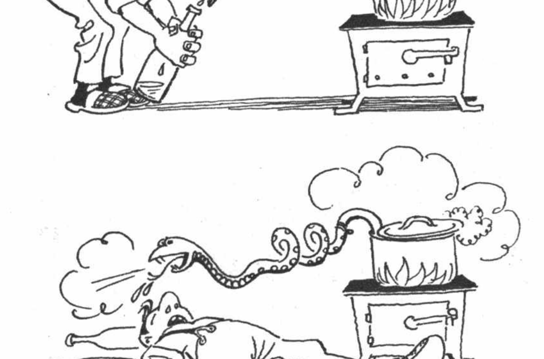

В. А. Асланишвили.
Фото И. Тункеля.

Восемьдесят два издания «Витязя в тигровой шкуре» уже стоят на полке тбилисского книголюба. По подсчетам Вахтанга Антоновича, не пропустившего за 20 лет ни одного исследования о Шота Руставели, ни одного сообщения в печати о нем, существует девяносто два издания этой книги. Вахтанг Антонович не сомневается, что все они будут у него.

И. **МЕСХИ**

Конец самогонщика.

Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

Храбрый гусь

В нашем прикарпатском селе Олешкове произошел недавно такой случай, о котором нельзя говорить без удивления. Дело было так. Колхозник Михайло Олексюк выгнал на пастбище гусей и ушел домой. Вскоре он услышал тревожные крики стада. Оказалось, что на гусей напала лиса, но на защиту их яростно бросился старый, двенадцатилетний вожак. Ударами крыльев он сбил хищницу с ног. Когда же она попыталась подняться, то ее ухо очутилось в клюве птицы, а голова была крепко прижата к земле. Лисица завизжала от боли. В этот момент на шум прибежал хозяин и помог гусаку справиться с лисой.

За сданную лисью шкуру Михайло Олексюк получил премию.

И. ИГНАТЮК

Село Олешков,
Заболотовский район,
Станиславской области.

— Почему собака без намордника?!

Рисунок А. Зубова.

Пока не высушило солнце

Что за странные шары и комочки?

Не всякий догадается, что на фотографии — медузы. Минувшим летом на берегу Балтийского моря мне пришлось наблюдать большое скопление медуз. Пока солнце не высушило нежные морские создания, я поторопился запечатлеть их на снимке.

Д. МАКУХО

Каунас.

Туалет дрессировщика.

Изошутка Ю. Федорова.

МАРИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Маленький, да рябчик, большой, да глухарь.
С медом и калина — малина.
Лес с ушами, а поле с глазами.
Влюбленному и перец медом кажется.
Щука издохла, да зубы ее остались.
Глядя на гору, горой не станешь.

Перевел А. НЕЗВАНОВ.

Йошкар-Ола.

Неожиданное счастье

Японская сказка

Жил-был человек, постоянно питавший надежду разбогатеть. И ждал он какого-нибудь счастливого случая. Довелось ему однажды услышать от моряков о чудесном острове, где живут одноглазые циклопы.

«Вот оно, неожиданное счастье! — подумал он.— Если поймать одного из этих одноглазых, я смогу его показывать за деньги, ведь любопытных зрителей много. Вот когда я разбогатею!»

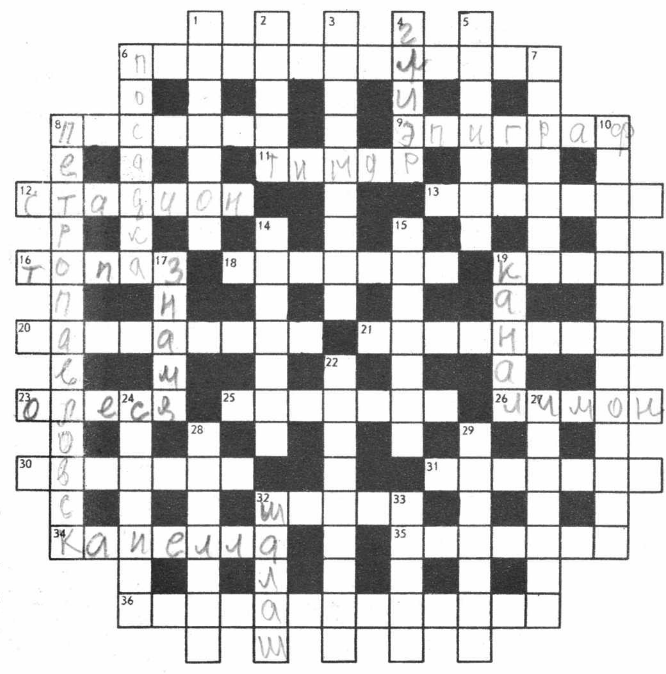
И чем больше он думал об этом, тем легче ему казалось осуществить мечту.

После долгого и утомительного путешествия попал он на остров одноглазых и увидел их. Пока человек думал, как пленить одного из циклопов, одноглазые его разглядели. Одному из них пришла в голову мысль: «Вот оно, неожиданное счастье! Если этого двуглазого показывать за деньги — а любопытных зевак ведь множество, то можно быстро разбогатеть».

Циклопы поймали двуглазого, поместили в клетку и как диковинку возили по острову.

Перевел М. ПОРТНОЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Геометрическая фигура. 8. Походка. 9. Изречение перед началом литературного произведения. 11. Герой повести А. Гайдара. 12. Комплекс спортивных сооружений. 13. Музыкальный инструмент. 16. Драгоценный камень. 18. Хлопчатобумажная ткань. 19. Известняковое плато в Югославии. 20. Выдающийся актер и режиссер. 21. Система исчисления времени. 23. Повесть А. И. Куприна. 25. Сельдеобразная рыба. 26. Вечнозеленое плодовое дерево. 30. Часть города. 31. Порт Тирренского моря. 32. Инструмент для изготовления деталей давлением. 34. Хор. 35. Очарование. 36. Установление порядка работы.

По вертикали:

1. Русский ученый XIX—XX веков. 2. Единица электрического напряжения. 3. Скопление обломков горных пород. 4. Автор популярного советского балета. 5. Подвой для вишни. 6. Завершающий этап полета. 7. Остров в Средиземном море. 8. Город в Казахстане. 10. Наводка изображения на резкость. 14. Русский полководец. 15. Примечание к тексту пьесы. 17. Литературно-художественный журнал. 19. Искусственное русло. 22. Ставшее нарицательным имя хвастуна и враля. 24. Машина для разработки грунта. 27. Совокупность островов в Тихом океане. 28. Полезная деятельность. 29. Народность Приамурья. 32. Палатка из веток. 33. Отрасль связи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

4. Железобетон. 6. Бирюза. 7. Быкова. 9. «Соть». 10. Проректор. 11. Танк. 15. Еруслан. 18. Суматра. 19. Собинов. 20. Диалектизм. 21. Фотомонтаж. 24. Крекинг. 26. «Квартет». 27. Вьетнам. 30. Чанг. 31. Бухгалтер. 32. Пари. 35. Калибр. 36. Секанс. 37. Конгломерат.

По вертикали:

1. Глазурь. 2. Подснежник. 3. Отрывок. 4. Жюри. 5. Неон. 6. Батист. 8. Арарат. 9. Серафимович. 12. Каракалпаки. 13. Балакирев. 14. Лукоморье. 16. «Кобзарь». 17. Колонна. 22. Экскаватор. 23. Брянск. 25. Страус. 28. Турбина. 29. Серебро. 33. Ялик. 34. Март.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48, Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00189. Подписано к печати 18/III 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. №601 Заказ № 575.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В детском саду села Дурмен, Ташкентской области.

Фото Я. Берлинера.

Цена номера 3 руб.